



СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ 1979



1979 ГОД —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

**«СБЕРЕЧЬ
НАШУ
ЗЕМЛЮ,
ПЕРЕДАТЬ
ЕЕ
МОЛОДОМУ
ПОКОЛЕНИЮ
ВО ВСЕМ ЕЕ
БОГАТСТВЕ
И КРАСОТЕ,
НЕ
ИЗУРОДОВАННОЙ
ПЛАМЕНЕМ
ЯДЕРНОГО
ПОЖАРА,—
ВОТ НА ЧТО
ДОЛЖНЫ
БЫТЬ
НАПРАВЛЕННЫ,
ПО НАШЕМУ
УБЕЖДЕНИЮ,
ПОМЫСЛЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».**

Л. И. БРЕЖНЕВ

ДЕТИ НА ЛАДО

Сергей МИХАЛКОВ.
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственных премий СССР и РСФСР,
председатель правления Союза писателей РСФСР,
секретарь правления Союза писателей СССР.

Матери, родные, слышите ли вы меня? Смерть принимаю из рук зверей, сына своего не пощадила, но правды не выдала. Слышите ли вы меня, матери?..»

У какой матери не содрогнется сердце от этих слов отважной советской партизанки Александры Дрейман, которые она произнесла перед своей казнью? Фашисты ударили, казалось, в самое ее сердце: если не скажешь, где находится партизанский отряд, убьем твоего новорожденного сына. Александра ничего не сказала фашистам—ради будущего, ради счастья людей она пожертвовала жизнью собственного сына и сама умерла в жестоких муках.

«Слышите ли вы меня, матери?..»
Каждый раз, когда я думаю о трагической судьбе этой женщины-матери, мороз проходит у меня по коже. Каким же нужно обладать величием духа, какую непоколебимую веру нести в своем сердце, чтобы решиться на такой подвиг?! И сегодня, в самом начале 1979 года, который по решению Организации Объединенных Наций провозглашен Международным годом ребенка, я свято верю, что в миллионах сердец матерей хотя бы маленькой каплей бьется кровь известных и безымянных героев, которые отдали жизнь за светлое будущее. А будущее—это всегда дети, и потому Международный год ребенка—это не просто красная календарная дата в истории человечества, это прежде всего призыв ко всем людям нашей планеты бороться за мир на земле, за свободу, демократию и социальный прогресс, без которых нет не только счастья, но даже нормальных условий для развития ребенка.

История человечества учит нас, что все это не простые призывы, это кровью добытые истины.

Вспомним слова немецкой писательницы Анны Зегерс, которые выгравированы на строгом камне у входа в концлагерь Равенсбрюк, где погибло 92 тысячи женщин и детей из 20 стран:

«Они—наши матери и сестры. Вы не смогли бы сегодня ни учиться, ни свободно играть, а может быть, даже родиться, если бы во времена фашистского террора эти женщины не защитили своим хрупким, нежным телом, как стальным щитом, вас и ваше будущее...»

Вы прочитаете эти слова и тогда до конца, до озноба почувствуете клятву оставшихся в живых узниц Равенсбрюка, произнесенную ими 30 апреля 1945 года на митинге, посвященном освобождению лагеря:

Именем солнца,
именем света,
именем жизни
клянемся!
Никогда не забыть черную ночь Равенсбрюка.

Детям детей рассказать обо всем.
До конца своих дней дружбу крепить,
мир и единство.
Уничтожить фашизм! В этом девиз
и итог борьбы.

Несмотря на многие прогрессивные завоевания и достижения человечества, фашизм на планете еще не уничтожен до конца. Более 30 лет изнемогает под гнетом фашистской диктатуры народ Парагвая. Дети этой страны живут в условиях насилия, немало из них находятся вместе с матерями в тюрьмах и концлагерях. Дети лишены солнца, воздуха. Со стен камер, в которых они «живут», стекает вода. Голодают и умирают от истощения многие дети в фашистской Чили. «Охватывает отчаяние, когда видишь, как твой ребенок умирает от голода, а ты не можешь ему помочь. Только что я похоронила своего мальчика. Ему еще не было и четырех лет...»,—рассказала зарубежному журналисту женщина-чилинка, мать пятерых детей. Свирепствует фашизм и в Уругвае. Вот исповедь-отчаяние одного уругвайского ребенка:

«Они пришли, когда было уже темно. На нас посыпались оскорбления и удары, в доме все перевернули. Их было много. Пинками и ударами прикладов отца заставили встать к стене лицом и поднять руки. Поставили к стенке маму и меня. Потом папу накрыли колпаком и увели. Это было много месяцев назад, и мы больше ничего о нем не знаем. А вдруг заберут и маму? Я боюсь... Помогите мне!»

Мы не можем, не имеем права не слышать этого призывного голоса отчаявшегося ребенка. В десятках мест на земле раздаются такие же слабые призывные голоса самых незащищенных существ на планете—детей: «Помогите нам!»

Мы не можем, не имеем права быть спокойными, если в странах Латинской Америки каждые 30 секунд умирает от истощения маленький человечек; если миллионы детей в развивающихся странах, не достигнув и пяти лет, умирают от голода; если жизнь тысяч детей Ливана и палестинских детей угасает в огне и дыме обстрелов израильских агрессоров.

Мы не можем быть спокойными, если 4 процента рабочей силы в развитых капиталистических странах—это дети в возрасте от 10 до 14 лет.

Мы не можем назвать мир прекрасным для детей, которые еще ни разу не сидели за школьной партией, если более чем в 40 странах мира до сих пор нет закона об обязательном образовании, если средства, которые могли бы пойти на строительство школ, больниц, жилья, на нормальное питание детей, идут на гонку вооружений, поглощающих 380 миллиардов долларов в год.

Гонка вооружений приобрела гло-

бальные масштабы. На Хиросиму и Нагасаки были сброшены всего лишь две атомные бомбы, которые унесли сотни тысяч жизней, а оставшиеся в живых до сих пор умирают от воздействия этих взрывов. Вслушаемся в голос Мисао Нагоя, которой было 16 лет, когда атомный взрыв потряс Хиросиму:

«В то утро я находилась возле своего дома, в двух километрах от эпицентра взрыва... В одно мгновение все покрылось красно-желтой пылью. Меня прижала к земле сильная взрывная волна... Сверху лило что-то густое, черное, похожее на нефть. Ту ночь мы провели в здании школы. На жертвах бомбардировки обгорели волосы, с их тел свисали клочья кожи... Перед рассветом почти все они умерли, в отчаянии моля дать им попить... У меня были ожоги только на лице и на правой ноге...»

Мы, жертвы атомного взрыва, еще долго жили в страхе. И этот страх еще больше усилился, когда я вышла замуж и стала матерью. В июле 1965 года у моего четырехлетнего сынишки обнаружили лейкемию, характерные признаки которой были и у жертв атомной бомбардировки. Два с половиной года шла безнадежная борьба с этой страшной болезнью...

Мой ребенок умер 22 февраля 1968 года. Муж пытался утешить меня словами: «Не плачь, наш Фумики жил с нами вчера, а сегодня он стал сыном Хиросимы; отныне он будет сыном всего нашего народа...»

Самое проникновенное слово—это свидетельство очевидца. После такого рассказа хочется во весь голос кричать: нет войне! Нет насилию! Нет жестокости и смерти! Нет безумию, от которого умирают дети!

На одном из конгрессов Международной демократической федерации женщин матери земли так выразили свою программу—программу практических действий:

«Обратимся к сердцу и разуму тех, кто еще не с нами. Скажем тем из них, кто еще не осознал опасность, что недостаточно только любить детей, а надо защищать их от войны...»

Мы все знаем, сколько нужно труда и усилий, чтобы воспитать ребенка, чтобы сделать его человеком. Мы не хотим, чтобы уничтожали жизнь, которую мы даем!»

И символично, что именно Международная демократическая федерация женщин явилась инициатором проведения в 1979 году Международного года ребенка, который и был провозглашен XXXI сессией Генеральной Ассамблеи ООН в ознаменование 20-летия принятия ООН Декларации прав ребенка.

Десять наиглавнейших принципов, которые, как фундамент, лежат в монолитном здании Декларации прав ребенка,—это десять заповедей человечества, десять направлений его борьбы за права ребенка. Вот эти десять благородных и святых принципов, изложенных в сжатой форме:

1. Права ребенка должны признаваться за всеми детьми независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

НАДОНЯХ МИРА

2. Ребенку должны быть предоставлены возможности для благоприятного физического, умственного, нравственного, духовного развития в условиях свободы и достоинства.

3. Ребенку должно принадлежать право на имя и гражданство.

4. Ребенок должен пользоваться благами социального обеспечения, ему должно принадлежать право на надлежащее питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание. Матери ребенка должен быть обеспечен надлежащий дородовой и послеродовой уход.

5. Неполноценный ребенок должен быть обеспечен специальной заботой, необходимой ввиду его особого состояния.

6. Ребенок должен расти в атмосфере любви, моральной и материальной обеспеченности, и, кроме исключительных обстоятельств, никто не может разлучить его с матерью.

7. Ребенок имеет право на получение образования, которое должно быть бесплатным и обязательным.

8. Ребенок должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первыми получают защиту и помощь.

9. Ребенок должен быть защищен от любых форм жестокости и эксплуатации, он не должен быть объектом торговли в какой бы то ни было форме. Ребенок не должен приниматься на работу до достижения надлежащего возрастного минимума. Работа не должна вредить его здоровью или образованию.

10. Ребенок должен воспитываться в духе взаимопонимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства.

За двадцать лет существования Декларации во всех уголках планеты сделано немало для претворения этих принципов в жизнь. Но как много еще предстоит сделать нам, взрослым, чтобы счастливо жили дети! И самое важное условие для их счастья — сохранение мира на земле. Недаром первый декрет, подписанный Владимиром Ильичем Лениным при рождении нашего Советского государства, был именно Декрет о мире. В феврале 1919 года В. И. Ленин подписал декрет об учреждении Совета защиты детей, а в 1921 году была образована Комиссия по улучшению жизни детей, которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. Он говорил:

«Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать: все для них! Плоды революции не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей».

«Все лучшее — детям!» — такой принцип был провозглашен молодой Советской республикой в первые же месяцы после победы Великого Октября. С тех пор прошло более 60 лет, и сегодня «расходы на детство» в нашей стране достигли многих миллиардов рублей, а общество все не жалеет средств на охрану здоровья матери и ребенка, на осуществление широкой программы образования и воспитания подрастающего поколения. Именно об этом мечтал когда-то В. И. Ленин. «Владимир Ильич, — вспоминала Н. К. Крупская, — всегда придавал совершенно исключитель-

ное значение воспитанию подрастающего поколения. В школе видел он орудие подготовки бесклассового общества, орудие перевоспитания подрастающего поколения в духе коммунизма...»

Сегодня мы, советские люди, вправе испытывать законное чувство гордости тем, что в нашей стране дети окружены сердечной заботой, что им суждено жить по самым справедливым законам на земле, а охрана материнства и детства стала конституционным принципом. Статья 53 новой Конституции СССР гласит:

«Семья находится под защитой государства. Государство проявляет заботу о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот семьям, а также других видов пособия и помощи семье».

Жизнь всех детей на земле могла бы быть счастливой, если бы правительства разных стран относились к ним с такой же заботой, какой окружены дети в социалистических странах. В этих странах принципы принятой ООН Декларации прав ребенка претворяются в жизнь не на словах, а на деле, здесь планомерно и постоянно осуществляются меры по удовлетворению растущих потребностей как семьи, так и детей. Советское государство исключительно щедро на все, что помогает детям лучше учиться, развивать творческие способности и таланты, расти физически крепкими. У советских ребят 4450 дворцов и домов пионеров, 1085 станций и 1283 клуба юных техников, 641 станция юных натуралистов, 39 детских железных дорог, 500 клубов юных пилотов и космонавтов, при дворцах культуры и клубах профсоюзов работают 26900 детских технических кружков. У нас в стране около 6 тысяч специальных музыкальных, художественных и хореографических школ.

Дети — наше будущее! — говорим мы. Дети — это завтрашний день человечества, и от того, каковы сегодня наши дети, зависит, каким завтра будет человечество. Именно эта мысль является главенствующей в «детской политике» нашего государства, и потому нынешний Международный год ребенка мы рассматриваем не только как год борьбы и солидарности всех прогрессивных сил планеты против голода и нищеты, детских смертей и страданий, расовых и социальных унижений, но и как год борьбы за будущее человечества.

И пусть этот год пройдет под знаком проникновенного призыва, с которым обратились к людям доброй воли, к детям всей земли участники Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!», прошедшего недавно в нашей стране:

«...Люди земли!
Мы обращаемся к вам с призывом:
Сделайте все, чтобы нигде и никогда не рвались бомбы и снаряды, чтобы все дети ходили в школу, не знали голода и нищеты, чтобы у них не отнимали родину, близких, детство, чтобы мир стал лучше и справедливее.

Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет мир!»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1239) ЯНВАРЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



НАША
ОБЛОЖКА:
«ДЕТИ —
НАШЕ БУДУЩЕ!»

Фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА.

- 1 Сергей МИХАЛКОВ. «ДЕТИ НА ЛАДОНЯХ МИРА».
- 2 НАВСТРЕЧУ VII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ. «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО». Стихи победителей конкурса одного стихотворения.
- 4 УРОКИ ЖИЗНИ. «НАСЛЕДНИКИ ПЕРВОЙ КОММУНЫ». Диалог председателя Горьковского областного совета ветеранов комсомола Виктора Петровича СОРОКИНА и слесаря-инструментальщика Горьковского автозавода Вячеслава ГРАЧЕВА.
- 6 АВТОБИОГРАФИИ. Народный артист СССР композитор Василий СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. «...И ОТДАЛ ЕЙ ВСЮ ЖИЗНЬ».
- 9 ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ. Юрий РЮРИКОВ. «ЛЮБОВЬ: СТУПЕНИ КУЛЬТУРЫ».
- 12 «ВАШ ДОМ В ДРУГОМ ГОРОДЕ». Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 15 «ПРИКАЗА НЕ ОТМЕНЯЮ...». Фоторепортаж Яна ВЛАДИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 18 НАУКА: АСТРОФИЗИКА. Александр ВЕХОВ, кандидат физико-математических наук. «НЕЙТРИНКА».
- 19 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.
- 20 «А ШКАТУЛКА РУКОЙ СРАБОТАНА...». Фоторепортаж Евгении ПОЗИНОЙ и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 22 Стихи Юрия ПОРОЙКОВА и Вадима ПОЛУЯНА.
- 23 Константин ДЕРИБАС. «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ЯПОНСКИХ УЛЬТРА».
- 24 Рассказ Кирилла БУЛЫЧЕВА «ЖИЛЬЦЫ».
- 26 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Петер АДАМС. «ЗАГАДКА ЗАМКА КАРЕНТИН».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1979 г.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

В прошлом году был объявлен конкурс одного стихотворения. Редакция журнала получила стихи более чем от 2500 авторов. Лучшие стихи 74 участников были напечатаны. Как мы уже сообщали в 24-м номере за прошлый год, победителями конкурса одного стихотворения стали Петр Суханов, Виктор Смирнов-Фролов, Валерий Фокин. Они рекомендованы журналом для участия в VII Всесоюзном совещании молодых писателей.

Сегодня мы знакомим наших читателей с творчеством победителей конкурса одного стихотворения. Коротко об авторах. Петр Суханов работает шофером в Сургуте Тюменской области. Он член литобъединения «Северный огонек» при городской газете «К победе коммунизма». Сама работа, дороги, таежные сибирские просторы подсказывают темы для его стихотворений. Петр заочно учится в Литературном институте имени Горького.

Виктор Смирнов-Фролов работает на стройках Москвы. Он экскаваторщик. Является старостой литобъединения «Высота». Печатался в «Строительной газете», «Социалистической индустрии», «Литературной России». Сейчас в издательстве «Молодая гвардия» готовится к печати первый сборник его стихов.

Валерий Фокин живет в г. Кирове, работает инженером. Он много ездит по области. Родная природа, «вятские негромкие леса», раздумья о русской земле, ее прошлом и настоящем — тема его лирики. В центральной печати публикуется впервые.



Петр СУХАНОВ



Валерий ФОКИН

Обелиски

Тот бой последний не забыть.
И где-то пристально и чисто
Над деревянным обелиском
Звезда фанерная горит.
Пусть нет здесь Вечного огня,
Но, кроме вечного покоя,
Есть что-то вечное такое,
Что стынет сердце у меня.
Лесов российских благодать...
А на дощатом обелиске
При свете сумрачном и мглистом
Уже имен не разобрать.
Рукою бережно протри
Ты строки надписи размытой.
Мы старше тех, кто здесь зарыты,
Хотя нам только двадцать три.
Стоим мы,

головой склонив,
Губами молча ловим ветер.
Перед погибшими в ответе
За все, что стало после них.
Ведь, землю русскую храня,
Нам освещают путь неблизкий
Звездой красной обелиски,
Как искры
Вечного
огня.

По весне сирень обламывал,
Не грустя и не скорбя,
И легко других обманывал,
Как обманывал себя.

Забывал друзей-товарищей,
От любимой убежал.
Сigaretкой догорающей
Больно губы обжигал.

Годы сплетнями и слухами,
Белой ниткой на пальто.
Молодыми были, глупыми,
Но счастливыми зато.

Ветер шастает по городу,
Листья вяжутся к плечу.
Я за ложь беру недорого,
Да недешево плачу.

У Вечного огня

Здесь тишина сквозная.
Звезды горят в венке.
Розы, как кровь.

А с края
Шанежка на платке.
Мать у Огня застыла.
С какого, бог весть, села
Все ж добралась до сына,
Шанежек привезла.
Когда позвала эпоха
И в строй его призвала,
Таких же вот—

из картохи
В дорогу ему печла.
Его фронтовые письма—
Последние две строки:
Вернусь,

как добьем фашиста,
Шанежек напекли.
Есть на Руси традиция,
Прост ее смысл святой:
С павшими поделиться
Хлебушком и судьбой.



Лыжни раздвоенная нить
Ложится стежкой на склоне...
Пусть ветер шишками звенит,
Как палочкой на ксилофоне.
Пусть тает, серебристо тих,
Глубокий вдох и легкий выдох,
И промельк веток голубых,
Как промельк лиц полузабытых.
А за стволами,

коль взглядеться,
Такая глубь,

такая даль.
И верить хочется, как в детстве,
Что это будет навсегда.
Но, словно стоп-сигнал, судьба
Расставит голубые тени
И возвратит

кого куда—
В родные или чужие стены.
Последних сосен рубежи
Растают прозрачно и мглисто...
Все хорошо.

Вот только жизнь
Пускай еще лет двести длится.

Осень 41-го

Гимнастерки жесткий ворот.
Ты не вейся,

черный ворон.
После боя сердцу жарко.
Не летал бы ты,

не каргал.
Посидел бы хоть немножко
От бомбежки

до бомбежки.
Отряхнул бы пепел с перьев...
Нет ни леса,

ни деревьев.
Даже птицы здесь устали
Под дождем огня и стали.
Ветер.

Вороны.
Воронки...
Долго будут похоронки.



Так странно в Новый год прощаться
С привычной старою судьбой,
Как будто в детство возвращаться
На паровозике с трубой.
Миг расставания недолгий—
Твой поезд через пять минут.
А за спиною голос гордый:
«Как нынче скорости растут!»
И в подтвержденье

в дымке мглистой,
Слепя окошками народ,
Экспресс пронесется со свястом,
Как реактивный самолет.
А мне тот паровозик жаль.
Но я под грохот электричек
Зажму в зубах свою печаль,
А в кулаке коробку спичек.
Глаза прищурю на морозе,
И вновь под небом голубым
Увижу детский паровозик
С дымком прозрачным из трубы.

Месяц март

Месяц март.
Зацветут скоро вербы.
А пока на земле гололед.
Эта женщина счастлива, верно,
Коль забыла
и писем не шлет.

Месяц март.
Скоро лебеди вскрикнут
И уронят перо в синеву.
Ничего.

Как-нибудь я привыкну.
Как-нибудь без нее проживу.
Месяц март.

И из форточки дует,
И весенние звезды в окно.
Начинаю о будущем думать,
Пусть до осени так далеко.



Не уехать,
дороги размыло.
И тогда порешила родня,
Чтобы сердце от скуки не ныло,
На охоту отправить меня:
«Под дождем прогуляться полезно,
А не то зачерствеет душа.
Здесь семь верст до небес

и все лесом,

Так что дуй,
размышляй не спеши».
Здесь раздумьям никто не мешает,
Белка спит,

и глухарь не поет.
Только утки сбиваются в стаи,
Собираясь задолго в отлет.

Не в стволах,
а в кармане патроны—

В этом северном тихом краю
Я ни зверя, ни птицы не трону,
Просто так на ветру постою...
А дожди зарядили надолго.
Плащ брезентовый вымок насквозь.
За плечами чужая двустволка—
Только вот пострелять не пришлось.



Тюменщина...
Я знаю—
На свете
множество
дорог.
И не пойму,
судьба какая
Меня
швырнула
за порог...
Казалось, не было печали,
Я удивлялся городам.
Но... не хватило
изначальной
Тоски
по строчкам
и делам.
Менялись песни,
чувства,
годы.
Но... не хватало
с каждым днем
Душе
раздолья
и работы,
Чтоб за добро
платить
добром.

Люблю

Люблю—
за откровение,
За радость
или грусть.

Люблю,
Как вдохновение,
Которого
Боюсь!
Люблю...
И в ночь кромешную,
Сквозь дождь,

по сентябрю
Люблю весь мир
за женщину,

Которую
Люблю.



Какая осень!
День и ночь
Напропалую—
Дождь!
Тугие
Проплывают тучи.
Леса
Печальны и щедры.
И, словно нехотя,
Пастушьи
Ночами
Светятся костры.
Какая осень...
За дождями
Бегут,
Уходят дни мои...
А листья
Кружатся над нами,
Как продолжение любви.



Нефтепровод,
Нефтепровод,
Грохот
слышен
до небес—
Тут подстанцию возводят,
Там еще корчуют лес.
Тут колодцы, блоки, сваи,
Там—на все края тайга...
Мы и думать забываем
О работе «до гудка».
Нефтепровод,
Нефтепровод—
Самый первый мой
и кровный

От начала
до конца!
Сто процентов—
разве норма
Нашим душам
и сердцам!
Здесь,
в тайге,
не в моде ропот—
Север
может
не простить...
Нефтепровод,
Нефтепровод—
Нас
связующая нить!
Пусть порою ноет тело,
Заедает комарье.
Удивительное дело—
Нефтебытие!



И уже
четвертый месяц
Без конца,
в дожди,
и в зной
По три смены в сутки месим
Мы
болото
под собой.
Засыпаем... Отсыпаем...
Возим бревна, пригружа.
И в машинах засыпаем,
Тяжело сомкнув глаза.
Все привычнее
и чаще,
Удлиняя свой маршрут,
По глухим болотам
тащат
Наша «татра»
свежий грунт—
Ни конца ему,
ни края!
Только
все же
на пути
Трубовая—стыковая
Точка
будет
впереди!



Приземлился...
Назавтра
Спозаранку
стоял в гараже.
А потом...
большегрузная «татра»
Завалилась на вираже.
А потом...
бесконечные гонки
Рейс за рейсом,
и ночью
и днем.
По бетонке,
по самой кромке,
Пропадающей за дождем...
Закрутились кубы-километры.
Все входило в свою колею.
Правда, изредка автоинспектор
Останавливал «татру» мою...
Но шумела тайга вдогонку,
Улыбались при встрече друзья.
И натянутую бетонку
Рвали
яростно
тормоза...



Виктор СМЕРНОВ-ФРОЛОВ

Проспект Мира

Москва—
Исток добра и света,
С Москвой—у всех я на виду...
Проспектом Мира
я иду,
Он распростерт
На всю планету!

Спецовка

Космонавты уходят,
Как в цех,—в синеву,
Там рабочие руки
Нужны будут завтра.
По плечу мне придется
Скафандр космонавта...
Я спецовой рабочей
Его назову.

Шоферы

Большая радость им—
Собраться вместе.
Кто за руку,
Кто просто по плечу:
— Хорош жених,
Ни слова о невесте.
Когда на свадьбу?
Поплясать хочешь...
Все новости свои
За две минуты.
Прощаясь, руки крепкие пожмут.
И вновь уйдут
В свистящие маршруты
И кузовами утро развезут.

Бригадир

Давал задания кратко,
На ветру.
И бригадир понимали с ходу...
Уметь сказать—хорошую черту
Я знал еще у нашего комвзвода.

Доброму человеку

Кто он?
Дощечку положил—
Через ручей пройду,
Песком тропу припорошил—
Не поскользнусь на льду.
Ему
Спасибо говорю
За доброту ко мне...
А я?
Кому я жизнь продлю?
В каком зажгусь огне?..



На стройке мы каждому утру
«Вира»—
команду даем.
И, нам повинуюсь как будто,
Утро
становится днем.
Бросается снег нам за ворот,
Дожди не по графику льют...
Но светом встречает нас город,
Где наши кварталы встают.
На наших бульварах под вечер
Нам песни поют соловьи,
Деревья кладут нам на плечи
Зеленые руки свои.

Опоздание

Мои стихи—
Мои ромашки,
Что запоздало проросли...
Школяр—
Пишу на промокашке,
Хоть годы школьные прошли.

Экскаватор

За ним,
стальным,—
домов пехота,
Как новобранцев отделение...
И—
пустыри берутся с ходу...
Идет большое наступленье.

Следы на первом снегу

На первом снегу
Скрип детской коляски—
Аленка-соседка
Отправилась в ясли.
Снежок:
«Хруп да хруп»...
Вслед коляски бегу:
— Аленушка, здравствуй!..
Она мне:
— Агу!
...Снежинки-пушинки
Летят на дорожку,
Ведем разговор
Обо всем понемножку.
Со мною в согласьи
На каждом шагу,
Всегда отвечает она мне:
— Агу!..
С Аленкиной мамой
У нас нелады.
Сходились
И вновь расходились
следы...



Мой дед был плотником.
Где те годы—
Мутные течения?
Те дороги—
Дымные пути?
Позабылись
Беды, огорченья,
Радости покинули почти.
Все ж ему на старости обидно:
Стал рубанок в тягость.
Не к добру...
Как-то дед сказал:
«Умру. А стыдно
Плотнику в плохом лежать гробу».
Доски отстругал—
Ни заусенца!
Словно лечь на них живым ему...
В смерть ушел,
Как в гости по соседству.
Научила жизнь его всему.

Шинель

Когда в шинель меня одели,
Смотрелся долго в зеркала.
На плечи не сукно шинели—
Забота Родины легла.

Семья покорителей

«Арктикою» взят
рубеж высокий!..
Братья есть у «Арктики»—
«Востоки»,
Что открыли космоса просторы.
В Ленинграде мать ее—
«Аврора».
А отцом является корабль
С величавым именем
Октябрь.



Тополек
В расцвете сил
Золото-листву копил.
Полюбил он осень—
Всю листву ей бросил.
И стоит он—жизни рад,
Нищий да счастливый...
По соседству, говорят,
Высох куст крапивы.



Трава зелено-голубая
Ко мне идет со всех сторон.
Приветлив грач.
Мне уступает
Тропинку в скверике сыром.
Он что-то крикнул на грачином—
С деревьев звон поднял грачат.
Я улыбнулся.
Есть причина
Грачей почаще навещать.

Перед отлетом на буровую

Словно полет вертолетов—
Тучи.
Гудит небосвод.
Они мешают пилотам.
А скоро объявят взлет.

Хуже всего на свете,
Когда непогода.
Что ж!
Пусть слушает северный ветер,
Какая она—
Молодежь.

Нежный душою Лешка,
Лишь роба на нем груба—
Как он поет про Аленушку!..
Обская внемлет губа.

Ох, и рассказчик Витька,
Как он красиво врет!..
Слушая, тундра притихла.
Вот и команда. Взлет.

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Итак, конкурс, посвященный 60-летию ВЛКСМ — «Пою мое Отечество», — завершен. Однако, откликаясь на пожелания читателей, о чем свидетельствует непрекращающийся поток писем, мы решили продолжить конкурс и в этом году.

Обращаемся ко всем пишущим стихи (не членам Союза писателей) с предложением принять участие в нашем конкурсе. Рассказывайте обо всем, что живо волнует вас: о комсомольцах разных поколений, вписавших своими боевыми и трудовыми подвигами славные страницы в летопись Ленинского комсомола; о ваших трудовых успехах и дерзаниях; о романтике повседневного поиска, который открывает перед вами все новые и новые творческие горизонты; о замечательных людях, которые вас окружают; о красоте родной земли.

Пусть жизнь нашего народа, нашей молодежи, кипучая, многогранная, наполненная героикой трудовых свершений, послужит основой, на которой возникнут ваши стихи.

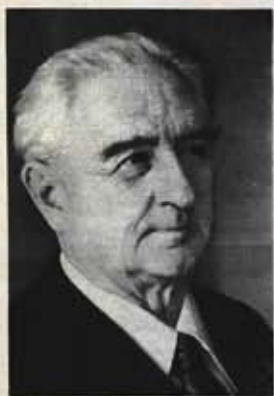
В письмах с пометкой «На конкурс одного стихотворения» должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, возраст, профессия, домашний адрес.

Лучшие стихотворения мы опубликуем на страницах журнала. Победители конкурса, итоги которого жюри подведет в конце 1979 года, будут награждены почетными дипломами и премией журнала «Смена».

Девиз конкурса прежний — «Пою мое Отечество».

Напоминаем: вы должны прислать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются.

В этом году вся наша страна отмечает знаменательные даты: пятидесятилетие массового социалистического соревнования, полудесятилетия юбилей советских пятилеток, шестидесятилетие первого коммунистического субботника... Идет время, но продолжается эстафета славных дел и свершений — молодежь поднимает на новые высоты те традиции, что были заложены отцами и дедами. Об этом размышляют представители первого и нынешнего поколений рабочих Горьковского автозавода.



Виктор Петрович СОРОКИН,
кавалер ордена Ленина, председатель Горьковского областного
совета ветеранов комсомола, заместитель председателя совета
наставников Горьковского автозавода.
Вячеслав ГРАЧЕВ,
слесарь-инструментальщик.



НАСЛЕДНИКИ ПЕРВОЙ КОММУНЫ

В. ГРАЧЕВ. Давайте, Виктор Петрович, начнем со стихов.

В. СОРОКИН. Довольно неожиданное начало.

В. ГРАЧЕВ. Вовсе нет. Помните: «В строительстве опережая сроки, сбивая в месяцы пространства лет, с коммуной своей идет Сорокин к успехам новым, к рубежу побед»?

В. СОРОКИН. Вот ты о чем... Еще бы не помнить. Александр Жаров, поэт комсомола. Был он у нас, если память не изменяет, где-то году в тридцать вторым...

В. ГРАЧЕВ. Одна из наших проходных называется комсомольской. Рассказывают, там раньше стояли палатки вашей бригады-коммуны?

В. СОРОКИН. Да, примерно в том месте.

В. ГРАЧЕВ. Идешь через проходную в свой цех — и представляешь невозможно, что здесь вы когда-то на пустом поле начинали.

В. СОРОКИН. Я в Нижний Новгород с Кубани приехал, большие стройки лишь в кино видел. Работал в конце двадцатых годов в станице Урунской на мельнице, был одновременно секретарем станичной комсомольской ячейки. В двадцать девятом мельницу закрыли: год неурожайный оказался, молот нечего... Понаслышке я знал, что начинается невиданная стройка на Волге. Пришел в райком, объясняю; мол, так и так, остался без работы. Короче, отпустили меня. Поверишь, Слава, приехал в Нижний, спрашиваю на вокзале у милиционера: как найти автозавод? А он мне в ответ: какой еще автозавод?

В. ГРАЧЕВ. Сейчас, когда наши машины чуть ли не по всему земному шару бегают, это сошло бы за анекдот.

В. СОРОКИН. Какой уж тут анекдот... Март месяц был, автозавод на берегу реки несколькими колышками обозначен. Нашел райком комсомола, представился. Только тебя, говорят, здесь и не хватало.

В. ГРАЧЕВ. Отчего же так?

В. СОРОКИН. В тридцатом на Автострой приезжали из деревень парни, как и я, без всякой строительной специальности. Кого же обрадует такое пополнение? Но людей не доставало, и с помощью райкома я определился на курсы арматурщиков. С общежитием тоже удачно получилось — всего две ночи на вокзале провел.

В. ГРАЧЕВ. Зачем же вам палатки понадобились?

В. СОРОКИН. Нашу бригаду сформировали полностью из выпускников курсов. Вышли мы на стройку в мае буквально «в чисто поле» — только-только первый камень был заложен.

В. ГРАЧЕВ. Это на месте кузнечного цеха? Там мемориальная доска теперь. А под первым камнем капсула с актом о закладке завода.

В. СОРОКИН. После торжественной закладки не все сразу получилось так, как мы хотели. Мы рвались к работе, но фронта работ для арматурщиков еще не хватало, перекуры нас просто извели. А бригадир — единственный из нас опытный строитель — почему-то не очень беспокоился. Вот мы и взбунтовались. Созвали бригадное собрание и порешили: создадим комсомольскую коммуну. Что это значило? Преж-

де всего — не ждать работу, а искать ее. Нет арматурной — возьмемся за лопаты, будем землекопами и бетонщиками. Решили еще просить у начальства палатки и жить прямо на стройке. И раз у нас коммуна, то все поровну — жить вместе, зарплату в общий котел, даже в кино ходить только сообща. Кому не по душе пришлось — не задерживали. Проголосовали, бригадиром выбрали меня.

В. ГРАЧЕВ. А ведь и я, Виктор Петрович, под вашим руководством на ГАЗе начинал, в шестьдесят седьмом, сразу после школы. Тогда вы были заместителем начальника экспериментально-учебного цеха.

В. СОРОКИН. Помню, Слава. Я тебе и третий разряд присваивал, чтобы, отслужив, непременно к нам вернулся.

В. ГРАЧЕВ. Так оно и вышло, я не люблю с места на место бегать. Правда, когда я с флота пришел, отдел кадров мне другое производство предложил — инструментальное, цех кузнечных штампов.

В. СОРОКИН. Кстати, возвращаясь к прошлому, — как отнеслись родители к твоему решению пойти в рабочие?

В. ГРАЧЕВ. Нормально отнеслись, с уважением. Вообще, должен вам сказать, бывает еще такая странная тенденция — считать выпускников школ неоперившимися юнцами, молокосами, грубо говоря. Уверен, это совершенно неправильно. По-моему, 17—18-летний парень — вполне взрослый человек, чтобы решать свою судьбу. Так, во всяком случае, должно быть.

То же — на производстве. Я вот невольно сравниваю... Вы на первом году работы, молодой совсем, почти без подготовки бригадиром стали, да еще таким, что о вас стихи писали...

В. СОРОКИН. Стихи обо всех моих товарищах можно было писать. О Грише Переходникове, Оле Прянишниковой...

В. ГРАЧЕВ. Я о доверии к молодежи говорю. Обидно, если тебя перестают считать мальчишкой спустя годы после школы или даже профтехучилища.

В. СОРОКИН. А это уже от вас самих зависит. Впрочем, ты прав: чем больше вам доверяешь, тем скорее вы мужаеете. Я это особенно почувствовал, когда экспериментальному цеху поручили осваивать новую модель гусеничного тягача. Оснастки для станков еще не было, и от нас требовалось делать незнакомые детали вручную. Тысячу наименований деталей! Нашему цеху позарез нужны были слесари самой высокой квалификации, но набрать их не удалось. И тогда отдел кадров вместо асов прислал нам двадцать вчерашних школьников, среди которых был и ты, Слава.

В. ГРАЧЕВ. Наверное, даже хорошо, что мы и не представляли в полной мере сложности задачи...

В. СОРОКИН. А то колени бы затряслись?

В. ГРАЧЕВ. Не исключено.

В. СОРОКИН. Вы тогда нас просто выручили, хоть и учениками были.

В. ГРАЧЕВ. Не преувеличивайте, Виктор Петрович.

В. СОРОКИН. А я и не преувеличиваю. Даже

больше скажу: без вас судьба ответственного заказа была бы очень даже сомнительна. В первую очередь помогла нам давняя традиция наставничества. Прикрепляли вас к кадровым рабочим, по два-три человека, учили и проверяли ежедневно. А с заводоуправлением заключили аккордный договор на три комплекта деталей и выполнили его в срок.

В. ГРАЧЕВ. Правда, иногда вечера для работы прихватывали.

В. СОРОКИН. Бывало. Но заказ-то исключительный. И ни единому из новичков я не мог предъявить ни малейших претензий. Не зря мы доверились вам.

В. ГРАЧЕВ. Я и учеником был, а потом самому новичков обучать приходилось... Нетрудно было заметить, что лучше всего идут дела у тех ребят, которые прошли экспериментально-учебный цех. Это, я считаю, уникальный цех. Почти все девяти- и десятиклассники района в нем учатся. А ведь он, кроме того, выдает плановую продукцию!

В. СОРОКИН. Да и сами школьники сразу начинают с нужных заводу изделий.

В. ГРАЧЕВ. Хотя у школьников отдельный участок в цехе, связь с кадровыми рабочими очень тесная. Например, ученик делает заготовку детали, а опытный мастер доводит ее. Или наоборот. Привыкают к соревнованию: каждый месяц мастер подводит итоги. А конец обучения — это первый в жизни настоящий конкурс профессионального мастера. И все бы хорошо, но, заканчивая школу и трудовое обучение, ребята не получают разряды. Если изменить этот порядок, то, я думаю, приходила бы на завод не половина, а гораздо большая часть выпускников.

В. СОРОКИН. Так и будет. Цех переходит на новую учебную программу, и десятиклассники получают возможность держать экзамен на разряд. Но цель трудового обучения не только в разряде.

В. ГРАЧЕВ. Понимаю, что вы хотите сказать. Главная цель — это приобщение к духу, атмосфере автозавода, постижение нашего основного правила, которое выражено в известном лозунге «Ни одного отстающего рядом!».

В. СОРОКИН. Это, Слава, не просто лозунг, а закон жизни автозаводцев. И как же много он в себя вмещает! Твоя собственная работа, ответственность за товарища, взаимная выручка. Эти традиции автозавода зарождались еще в тридцатых, а нынче вылились в мощное движение наставничества.

В. ГРАЧЕВ. Наставники на автозаводе большим уважением и поддержкой пользуются. Я слышал, на некоторых заводах наставничество материально почти не поощряется. У нас же увеличивается тринадцатая зарплата, выдаются премии за хорошую работу с молодежью. Не так давно комсомольцев-наставников на неделю освободили от работы для специального семинара.

В. СОРОКИН. Что касается учебы самих наставников, то в этом смысле нами сделано еще далеко не все. Вот простой пример. При Доме культуры есть университет наставников, где должны обучаться 500—600 человек. Но посещаемость пока довольно низкая — в основном из-за сменной работы. Совет

наставников предложил в первой смене освободить людей на час раньше, а второй смене приходиться на завод позже. На ЗИЛе, кстати говоря, так и делается. Убежден, окупится это сторицей.

В. ГРАЧЕВ. По правде говоря, мы давно привыкли и не очень задумываемся о том, каким вниманием окружен у нас молодой рабочий. Для него — и лучшие наставники, и цех специальный, и даже нормы сначала пониженные. Наверное, ваша молодежная коммуна подобными льготами еще не пользовалась?

В. СОРОКИН. Едва образовалась коммуна, как нас отправили на самый отстающий участок, стройку деревообделочного цеха — он все время на «черепаше» ехал.

В. ГРАЧЕВ. При чем здесь черепаха?

В. СОРОКИН. Это доска показателей такая была. В верхней графе самолет изображен, ниже автомобиль, паровоз, подвода, на последнем месте — черепаха. Отстающим «торжественно» вручалось рогожное знамя. На том объекте арматуру стен делали наши рабочие, опалубку — американцы. И, признаться, отставали наши. Это и понятно: у американцев механизмы разные, они опалубку всю на земле собирали, а потом буквально за день ставили. А у нас больше вручную. Нагрузили арматуру на плечи, по мосткам вверх топаешь — мостки раскачивает, того и гляди сорвешься. Когда нашу коммуны сюда перебросили, заморские мастера поглядывали на нас скептически. Конечно, это нас за живое задевало. Выкладываться начали до конца, где не умением, там старанием брали. Американцы наше рвение оценили, по-другому относиться стали.

В. ГРАЧЕВ. За 18 месяцев завод построить — этот рекорд и сегодня поражает. Вам, Виктор Петрович, за организацию первой коммуны орден Ленина вручили — казалось бы, после этого прямой смысл продолжать строительную карьеру. Но вы почему-то решили опять начать все с нуля.

В. СОРОКИН. А логика тут очень простая. Завод мы построили не ради орденов, а для того, чтобы дать стране автомобили. Потому я и перешел в станочники. Сначала на шлифовальном работал, позже довелось осваивать универсальный расточный станок швейцарской фирмы.

В. ГРАЧЕВ. А помогал кто?

В. СОРОКИН. Станок, Слава, уникальный по сложности, подобных ему на автозаводе не было. Так что сам себе наставником стал. Инструкции к станку кое-как со словарем перевел. С утра учился, осваивал его, а во вторую смену приступал к основной работе.

В. ГРАЧЕВ. Такой ритм выдержать...

В. СОРОКИН. Что делать, нужда заставляла. Это сейчас есть все условия для учебы в положенные часы. И если человек сегодня в неурочное время работает — это уже непорядок. Вот тебе приходится задерживаться после смены?

В. ГРАЧЕВ. Да, если работа срочная или с планом туго.

В. СОРОКИН. Тогда, в наше время, при всех высоких процентах мы бы не признали тебя передовиком, стахановцем. Мы не считали стахановцем того, кто начинал работу до гудка или заканчивал после смены. Я понимаю, что вина тут не в тебе, а скорее в организации производства. Тем более нельзя с этим мириться. Именно поэтому всем молодым, а в особенности новичкам я обязательно говорю: не робейте, высказывайтесь прямо. Мы, «старички», может, привыкли, а у вас взгляд свежий, непорядки лучше видны. Хочется, чтобы молодежь не только у наставников училась, но и сама иногда подсказывала.

Однажды в начале строительства стало заливать гавань на Оке, где мы складывали камень, бут, песок. Первым директором на Автострое был знаменитый Степан Степанович Дыбец. Собрали партком и начали обсуждать, как спастись положение. Я предложил, чтобы каждая бригада после основной десятичасовой смены отработала по три часа в гавани. Дыбец возразил — это, мол, нереально.

Я вскипел.

— Ты, — говорю ему, — оппортунист!

Дыбец от такой наглости дар речи потерял.

— Да ты хоть знаешь, кто такой оппортунист? — это парторг спросил.

— Знаю, — говорю, — это тот, кто не верит в силу рабочего класса!

Конечно, я перенгул, но Дыбец — человек умный, не обиделся. Позже мы даже подружились.

В. ГРАЧЕВ. Это вы к тому рассказали, чтобы мы никогда не боялись высказать свое мнение?

В. СОРОКИН. Совершенно верно.

В. ГРАЧЕВ. Меня недавно партгруппоргом избрали. Если честно, пока еще непривычно. То работал один, знал свое дело, а тут вдруг ответственность за всю смену. Плюс еще шефство над комсомольской группой. С чего начинать?

В. СОРОКИН. Примерно в твои годы меня направили партгруппоргом на отстающий участок приспособлений. Начал я присматриваться. Станочники все детали сдавали вовремя, а сборка почему-то отставала.

Попросил я перевести к нам мастером Алешу Тарановича из лекального. Вместе мы и разобрались, что хромает у нас организация труда, учет. На собрании партгруппы наладили недельное планирование, точно определили потребность бригад в деталях...

В. ГРАЧЕВ. Должен признаться, часть рабочего времени у нас пропадает. То ждем заготовок, то кран занят. Если подсчитать внутрисменные простои, то, наверное, получаются те самые часы, которые иногда перерабатываем. Но проблема не в одних простоях. Как вы знаете, наше инструментальное производство — одно из самых сложных (если не самое сложное). Достаточно сказать, что настоящий слесарь по штампам получается лет через пять-шесть. Очень трудно находить на нашем участке новые резервы времени, производительности. Причем еще не все от нас самих зависит. В наших личных обязательствах есть также «Требования к администрации». Это не значит, конечно, будто каждый может записать сюда что вздумается. Нет, «Требования» обсуждаются вместе с мастером. Своего рода взаимное соглашение рабочего и администрации, обязательное для выполнения.

В. СОРОКИН. А как это выполняется?

В. ГРАЧЕВ. В том-то и дело, что не всегда четко. Тут, наверное, и наша вина есть. Если, скажем, администрация согласна с «Требованиями», где написано «обеспечить абразивными кругами», то и мы должны настойчивее требовать выполнения соглашения.

В. СОРОКИН. Как партгруппорг ты теперь просто обязан это делать.

Что же касается резервов... Как-то на комсомольском собрании вашего производства я рассказывал о Стаханове. Кто такой стахановец? Это прежде всего рационализатор. Надо, если можно так сказать, не за счет мускулов рекорды бить, а за счет головы, организации рабочего места. После собрания подошел ко мне парень, вытаскивает из кармана приспособление: вот, говорит, Виктор Петрович, изобрел. А пользуется изобретением, как выискивает, тайком, от товарищей прячет и в бризе не оформляет.

В. ГРАЧЕВ. Ну, это случай исключительный.

В. СОРОКИН. Не спорю. Но вот ты заговорил о простоях и резервах, а я вспомнил одну историю, как мы с Аней Генераловой, нашей знаменитой стахановкой, пришли на ее бывшее рабочее место. Все так же, как было при Ане: стоит девушка за станком, готовит заготовки поршней. Станок, конечно, современный. Но если Аня до пяти тысяч деталей в смену выпускала, то сейчас — две, две с половиной. Удивились мы, а нам объясняют: на станке люди все время меняются, постоянно только один человек закреплен. «А мы вдвоем со сменщицей работали, — это Аня вспоминает, — я прихожу в цех — первым делом смотрю, какой у нее результат. Каждый день соревновались, и с таким азартом!» Сопоставь цифры их выработки... А резерв тут простейший — всего лишь правильная организация соревнования и подготовка рабочего места.

В. ГРАЧЕВ. Вы интересную мысль высказали: опыт прежних поколений нельзя считать просто историей, его надо всецело, по-деловому изучать.

В. СОРОКИН. В моем цехе был слесарь по штампам Масленников. Когда кузнецы во главе с Бусыгиным начали стахановское движение, потребовалось все больше и больше штампов. Масленников стал после смены ходить к молоту, смотреть за работой кузнецов. Кузнечный цех от вас далековато, и все же стоит не пожалеть времени, сходить туда, и не раз. Я думаю, и вам не помешает посоветоваться с кузнецами, как это делал Масленников. Сообща они нашли такую технологию обработки металла, которая позволила впятеро сократить время изготовления штампа и сделать его долговечней. Сам нарком Серго Орджоникидзе приехал посмотреть на работу Масленникова, а потом представил его к ордену Ленина.

В. ГРАЧЕВ. Говорят, и вы с Орджоникидзе знакомы были?

В. СОРОКИН. Даже выговор от него получил.

В. ГРАЧЕВ. За что же?

В. СОРОКИН. Многие комсомольские работники — а я в тридцать пятом уже был секретарем заводского комитета комсомола — довольно узко представляли свою задачу: заниматься воспитанием молодежи, не касаясь производства.

В. ГРАЧЕВ. Разве одно отделимо от другого?

В. СОРОКИН. Э, Слава, вам теперь все понятно, а мы иногда вспеную работали.

В тридцать пятом выпустили мы стотысячный грузовик, и мне поручили вести его в Москву. Ехали колонной: впереди секретарь парткома, за ним я, сзади еще сорок машин эскорта. Двое суток по тогдашним дорогам добирались до Москвы. На встрече Орджоникидзе спрашивает: в чем нуждается молодежь автозавода? Я начал перечислять: дома и общежития нужны, самолет для аэроклуба и так далее. Серго меня перебил: а что нужно, чтобы мы могли больше машин делать? Я возьми и ответь: производство, мол, не дело комсомольской организа-

ции, наша задача — воспитание молодежи. Нарком здорово рассердился: «Неверно говоришь! Ваше дело — воспитание в труде!» И тут же предложил мне заключить с ним договор: завод дает сверхплановые машины, а нарком исполняет просьбы комсомольцев. Я, конечно, отказываться не стал. Вернулся на завод, рассказал — начальство за голову схватилось. Но слово дано — надо исполнять. Директор дал команду искать резервы на каждом рабочем месте. И, предства, нашли — за год две тысячи автомобилей сверх плана выпустили!

В. ГРАЧЕВ. Я вот о чем сейчас подумал... Каждый период в жизни автозавода отмечен большими событиями, яркими именами... Причем чем труднее был период, тем сильнее проявлялись рабочие характеры. В военное время завод был разбомблен. Гитлеровское радио сообщало, что ГАЗ мертв; иностранные специалисты «отводили» на восстановление пятнадцать лет. А наши рабочие возобновили выпуск техники через сто дней! В заводском музее я видел фотографию парнишки лет четырнадцати, стоящего рядом со станком. На стенде «молния»: «Леша Елов сегодня выполнил норму на 401 процент». Это даже представить трудно — мальчик, который в пересменках чехардой забавлялся со сверстниками, работал за четверых! Елов и сейчас жив и здоров, трудится в строительном управлении, которое обслуживает наш завод.

Другой ветеран — Василий Шубин, организатор первой фронтовой бригады, — предложил в честь полувековой юбилея комсомола отработать безвозмездно по 50 часов. Тогда и вы вместе со всеми молодыми рабочими к станку вставали, два рацпредложения внесли.

В. СОРОКИН. Да я ведь так и остался в душе комсомольским работником. И сейчас, хотя официально считаюсь на пенсии, от комсомола отрываться не собираюсь. Но связь хочется иметь деловую. А то, чего греха таить, иногда делают из нас, ветеранов, каких-то свадебных генералов. Допустим, приглашают на торжественное собрание. 10 человек в президиуме, сто — в зале. Слушаю речи, сам говорю, а удовлетворения нет. Сперва надо встретиться с ребятами, поговорить по душам с трудными, выслушать лодырей и прогульщиков — вот тогда и на собрании все это обсудим.

В. ГРАЧЕВ. Видимо, сказывается школа Александра Косарева?

В. СОРОКИН. С Косаревым у нас знакомство началось, еще когда я на стройке бригадиром работал. Потом встречал его как комсомольский секретарь завода. Помню, к приезду Саши надел белую рубашку, белые брюки... А он потребовал вести его в цеха, в литейку, в кузницу: не любил он «парадных» приемов...

Так уж сложилось, что все годы моей работы так или иначе, связаны с молодежью. Ты говорил о больших событиях в жизни завода, о ярких именах, которые гремели на всю страну, как имя моего друга Александра Бусыгина. Но «большое видится на расстоянии». Я не сомневаюсь, что с течением времени мы лучше сможем оценить события и имена семидесятих годов.

В. ГРАЧЕВ. Да, значимость многих вещей осознаешь не сразу. Когда мы заменили «Волгу» ГАЗ-21 на ГАЗ-24 без остановки конвейера — это ж уникальное в автомобильной промышленности явление было! По конвейеру еще шла старая «Волга», а сверху уже спускалась кабина новой. Но ребята, которые в тот момент работали на конвейере, тогда вряд ли думали об исключительности события, Они просто делали свое дело.

Назову еще один пример: мой товарищ Миша Смирнов выполнил свою личную пятилетку. Звучит сегодня как-то буднично, а ведь большое дело Миша осилил! К 60-летию комсомола тысячи наших молодых рабочих годовые планы завершили — при современных темпах это тоже много значит. Если присмотреться, то и нынче вы, Виктор Петрович, могли бы найти немало своих «наследников», что ли, которые так же «сбивают в месяцы пространства лет»... А что это означает для экономики сегодняшнего и тем более завтрашнего дня, понятно. Леонид Ильич Брежнев на прошлогоднем ноябрьском Пленуме ЦК нашей партии особо подчеркнул важность интенсивных факторов экономического роста. Говоря иначе, нужно трудиться более рационально и эффективно, с полной отдачей.

Мы вот штампы делаем; кузнецы на штампах валы и другие детали куют; шлифовщики эти валы до зеркального блеска доводят; слесари-сборщики их на машину ставят... У каждого из нас вроде бы свой, узкий участок, но когда видишь, как из проходной, поблескивая свежей краской, грузовики и «Волги» выходят, — особенно понимаешь, как все мы тесно связаны одной целью. Я чище штампа сделаю — кузнец, не меняя его, дольше проработает, слесарь-сборщик не простоят из-за нехватки деталей. А итог будет общий — больше машин с маркой «ГАЗ» выйдет на дороги страны.

К

ажется, это было в 1930 году.

Преподаватель Ленинградской консерватории Юрий Александрович Тюлин предложил студентам композиторского отделения принять участие в научном эксперименте. Юрий Александрович был уверен, что композиторы должны отличаться от простых смертных какими-то психологическими и физиологическими особенностями. Один из его друзей работал помощником у академика Ивана Петровича Павлова. Он-то и помог Тюлину уговорить великого физиолога провести над нами серию опытов. Павлов вроде бы даже сказал:

— Я не представляю, что за люди — композиторы. Но, думаю, они должны обладать особым слухом. Посмотрим, что покажут эксперименты. Может быть, на основании их материалов я подготовлю лекцию о людях творческих профессий...

И вот в один прекрасный день с двумя своими однокашниками — Иваном Дзержинским и Николаем Ганом — я отправился в Колтуши. Согласился участвовать в опытах и Дмитрий Шостакович. Но он был уже знаменитостью, поэтому поехал самостоятельно.

Нас поместили в отдельные звукоизолированные камеры и начали испытания. В разных местах камеры — сверху, сзади, сбоку — неожиданно раздавались звуковые сигналы. Мы, естественно, реагировали, а ученые-экспериментаторы через особые отверстия следили, насколько быстро. Потом проверялась скорость нашей реакции на свет. Дальше нас испытывали на ощущение времени. Предупреждали, что звуковой сигнал, который подадут, будет длиться в течение одной минуты. Нам разрешалось фиксировать его продолжительность каким угодно способом: на счет ли, просто ли запоминать. Когда сигнал прекратится, мы должны были на-

Автобиографии

Василий СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического Труда,
народный артист СССР.

жать резиновую грушу и постараться держать ее такой же отрезок времени. Помню, я продержал грушу только 53 секунды. А Николай Ган — восемьдесят.

В заключение нам предложили уловить различие между низкими звуками различной частоты, подававшимися в пределах субконтрактавы. Я уловил различие звуков при разнице в двенадцать колебаний в секунду, Шостакович — в шесть. Когда звуки отличались на меньшее число колебаний, наш слух воспринимал их как одинаковые...

После того, как все полученные во время опытов данные обработали и представили на заключение Павлову, Иван Петрович сказал:

— Ничего особенного в композиторах нет. Обычные, нормальные люди.

И как бы давая понять, что он ждал от нашего слуха большей чуткости, академик добавил:

— Кстати, мои собаки улавливают разницу между звуками в одно колебание в секунду и соответствующим образом реагируют.

Почему я вспомнил об этой истории? Очень часто меня спрашивают, как сочиняется музыка. Как работает писатель или поэт, мол, понятно, а как работает композитор — неясно. И чувствуется в вопросах оттенок: композиторы — люди особого склада, биография у них должна быть какая-то необычная. А вот академик Павлов заключил: ничего особенного. И я, оглядываясь на свою жизнь теперь уже с высоты семидесяти двух лет, смею утверждать, что моя жизнь мало чем отличалась от жизни многих моих товарищей. Я стал композитором, потому что всегда любил музыку. Но, поверь, жизненные обстоятельства несколько иначе, я, пожалуй, мог бы выбрать и другую профессию...

Родился я в Петербурге. Отец мой приехал в столицу из витебской деревни молодым парнем — на заработки. Он получил место дворника в доме № 139 по Старо-Невскому проспекту. Мать моя тоже из крестьян, но псковских. Когда я родился, отец уже дослужился до должности старшего дворника. Жили мы в полуподвальном помещении пятиэтажного дома, который принадлежал до революции страховому обществу России. В нем снимали квартиры чиновники средней руки. Четвертый и пятый этажи занимало какое-то частное училище.

Дворничья представляла собой большую комнату с пятью окнами по фасаду дома. Слева была раковина для умывания и стояли, отделенные ситцевыми занавесками, кровати и нары пяти дворников. В правом углу висела божница, под ней — стол, а вдоль стены углом — деревянные лавки. Дворники

приезжали в город только на зиму. Они пилили и кололи дрова, топили в квартирах печи, счищали лед с тротуаров, сгребали снег, содержали «в порядке» дом по фасаду. Старший дворник имел работу круглый год, поэтому его семье полагалась примыкавшая к дворничьей крошечная комнатка, в которой ютилась наша семья: отец, мать и трое детей.

В субботу и воскресенье в дворничьей обычно устраивали общую трапезу: жарили треску и картошку на постном масле. Ели из общей сковородки. С тех пор я не переношу запаха жареной на постном масле картошки. Зато всегда с удовольствием вспоминаю песни, которые после таких вот праздничных обедов пели подвыпившими голосами наши дворники. Отец мой подыгрывал им на трехрядной гармошке, а мать подпевала.

Вообще мое детство всегда ассоциируется у меня с народными песнями. Их пели молоденькие работницы типографии полковника Яценко, находившейся в нашем дворе. Я слышал их дома, на улице, в новгородской деревне, где провел одно лето со своим другом по двору Сашей Борисовым. Шла первая мировая война, и родители отправили нас из голодного Питера отъестся на крестьянских харчах.

К музыке меня потянуло рано. Не помню, сколько мне и лет было, когда отец по моей настойчивой просьбе — а проще сказать, дал я реву — купил мне балалайку. На слух я подобрал несколько модных мотивов. Потом освоил гитару.

Чуть не половину третьего этажа нашего дома занимала квартира инженера Писарева. Жил он богато: в гостиной стоял дорогой рояль, в детской — пианино, на стенах висели подлинники Айвазовского. Не было только счастья: сын Писаревых от рождения болел какой-то неизлечимой болезнью. Он не говорил, не ходил, все время лежал

в своей комнате, и только по выражению глаз, по едва уловимым жестам родители догадывались, чего он хочет. Однажды они пригласили меня в гости и разрешили побренчать на пианино. С тех пор сын инженера постоянно требовал, чтобы они опять позвали меня. Мы с ним никогда ни о чем не говорили. Я приходил, садился за инструмент и начинал подбирать какой-нибудь мотивчик. Он слушал.

В соседнем кинотеатре «Слон» демонстрация немых картин шла тогда под аккомпанемент пианино, на котором играла пожилая дама. Я подружился с киномехаником, помогал ему перематывать ленты, убирать зал. За это после окончания сеансов он разрешал мне сесть за инструмент.

Когда я поступил в трехклассное городское училище, мой музыкальный слух был замечен. Меня записали в детский церковный хор, и всякий раз перед началом пения я давал тон, по которому настраивался весь хор.

— Ля-фа, — тянул я дискантом...

В музыкальной сказке «Лиса и петух» я играл петуха и пел его партию.

Кстати; все предметы у нас вела одна учительница — Любовь Ивановна Орлова. После окончания трехлетки в 1917 году я встретил ее в очередной раз только в 1950-м, когда ленинградцы избрали и ее и меня депутатами Верховного Совета СССР.

— Вы знаете, что я у вас учился? — спросил я.
— Конечно, — сказала она, — я же читала вашу биографию перед выборами.

Она и песни мои, оказывается, хорошо знала, но не представляла раньше, что их сочинил ее ученик. Вот ведь как иной раз бывает в жизни. Может быть, это произошло потому, что она знала только мою школьную фамилию — Соловьев. А разве мало в России Соловьевых? Седой — это моя мальчишеская кличка. Так звали меня и отец и мои дружки за белобрысые с детства волосы. Когда я стал сочинять свои первые песни, мне почему-то показалось, что фамилия должна соединиться с привычной уже и для меня и для моих близких кличкой. Вот и стал я Соловьевым-Седым.

После революции я поступил в 110-ю единую трудовую советскую школу, которая была открыта на месте бывшего реального училища. Единая — это значит девочки и мальчики учатся вместе. То было время увлечения художественной самодеятельностью. У нас были кружки в школе, а в нашем дворе мы организовали даже собственный «театр». Он обосновался в дворничьей, откуда наша семья уже перебралась в нормальную квартиру. Первая по-

ставленная нами пьеса называлась «Суп из топора». Мне дали маленькую роль и поручили написать афишу. Не особенно понимая смысл названия, я старательно вывел: «Супаста пора». Может, потому, что это ассоциировалось со словом «супостат»? Не знаю. После пьесы был проведен чемпионат французской борьбы. Боролись азартно и по моде: «Черная маска», «Красная маска» — все как в настоящем цирке, хотя хилые телеса дворовых мальчишек в общем-то ни для кого из зрителей не были тайной.

Представления в нашем театре были платными. Помню, весь первый сбор мы пожертвовали проживавшему в нашем дворе полунищему «художнику-живописцу вывесок» Клячко. Проявили солидарность с «собратом по искусству».

Успех «театра» превзошел наши ожидания: нам отдали пустовавшие комнаты бывшего частного училища на пятом этаже. Там мы соорудили сценку, которая занавесом отделялась от зрительного зала человек на восемьдесят, и поставили популярную в те годы веселую пьесу «Иванов Павел». Главную роль играл Александр Борисов, выделявшийся среди нас своим явным драматическим дарованием. По ходу действия он исполнял многочисленные куплеты и песенки. Аккомпанировал ему, естественно, я.

Потом наш самодеятельный театр переехал в клуб табачной фабрики, и дел мне прибавилось: я должен был музыкально сопровождать не только спектакли, но и занятия кружка художественной гимнастики, которым руководил Владимир Николаевич Карановский, бывший гвардейский офицер, перешедший на сторону революции, весьма образованный человек, влюбленный в художественную гимнастику, которую он обогащал элементами балета. Между прочим, тогда этим видом спорта занимались и мужчины.

...И ОТДАЛ ЕЙ ВС

Так вот, Саша играл в спектаклях, я аккомпанировал и, честное слово, в жизни не поверил бы тому, кто тогда предсказал бы, что Борисов со временем станет народным артистом СССР, популярнейшим актером театра и кино, а я — композитором. Ведь я-то планировал свое будущее по-другому.

Я мечтал выучиться на инженера-судостроителя. В школе дела с науками у меня всегда шли хорошо, и я надеялся по окончании девятилетки получить такой аттестат, который бы давал мне право без экзаменов поступить в институт. Но мне дали обычный. Директор школы Михаил Григорьевич Демин, по кличке Рыжий, — наш общий любимец, на всех вечерах игравший на виолончели серенаду Брага, — объяснил мне:

— Ты с твоими знаниями легко выдержишь экзамены в любой институт и без льготного аттестата. К тому же тебе всего шестнадцать: на мой взгляд, тебе еще рано учиться в высшем учебном заведении.

Однако я имел на сей счет свое мнение. В физике и математике я в самом деле был силен, так что спокойно подал заявление в институт.

Это был 1923 год, первый год демобилизации из рядов Красной Армии. Гражданская война закончилась, и защитившие от врагов свою землю красноармейцы смогли наконец вернуться к мирному труду, к учебе. Наплыв в институты был колоссальный. В судостроительный на сорок вакантных мест, помню, было подано две тысячи заявлений. Я блестяще сдал физику и математику, но срезался на политехникуме. Там на экзамен вызвали сразу по два абитуриента, чтобы одного можно было срезать. На мою беду, а может, к счастью, моим напарником оказался демобилизованный парень. Он ничего не знал, я — тоже. Из двух незнаек одного завалили. Естественно, меня.

К тому времени семейные обстоятельства сложились так, что я должен был стать кормильцем семьи: мать умерла, отец тяжело заболел. Старший брат жил отдельно. А у меня была еще младшая сестренка Надя. Мои способности к музицированию позволяли зарабатывать кусок хлеба. Я музыкально оформлял спектакли «Синей блузы», иллюстрировал выпуски «Живой газеты» — своеобразного полупрофессионального агитколлектива, созданного при отделе коммунального хозяйства города. «Живая газета» громила недостатки в работе, высмеивала всякого рода пережитки прошлого. Главными актерами «газеты» были Александр Борисов и



Ю ЖИЗНЬ

Константин Адашевский. Почти через двадцать лет, уже во время войны, их дуэт вновь возродился: «Фронтальная газета», которую они вели вдвоем, стала одной из популярнейших радиопередач.

Кроме того, я работал аккомпаниатором в кружках художественной самодеятельности, в кинотеатрах, где игрой на пианино сопровождал демонстрацию еще немых фильмов. Между прочим, большинство композиторов моего поколения прошли в молодости через этот род деятельности: были, как их тогда называли, музыкантами-импровизаторами. Работа эта требовала умения не просто хорошо играть на инструменте, но способности реагировать на сюжет: в зависимости от хода фильма менять ритм, настроение мелодии.

Хотя вся эта суетливая и не особенно сытно кормившая работа может показаться несерьезным занятием, дала она мне все-таки очень много. Я не знал тогда нотной грамоты, не умел записывать музыку. Все играл на память. Мое сопровождение выступлений «Синей блузы», «Живой газеты», кинофильмов—это «сборная солянка» из популярных песен, опереточных мотивов, кусочков из народных мелодий, в которую я часто вставлял и музыку собственного сочинения. Все это давало определенный композиторский навык.

В 1925 году Ленинградское радио впервые начало проводить утреннюю зарядку. Вел ее Владимир Николаевич Карановский, который и предложил мне сопровождать уроки игрой на фортепьяно, так как, несмотря на мои восемнадцать лет, я был уже довольно популярным в городе импровизатором. Сама работа на радио не была трудной: переходить с солидного марша на веселенький галоп, с замедленных ритмов на ускоренные—все это я умел. Утомляло другое. Урок гимнастики начинался в шесть утра. Чтобы успеть к началу, я должен был ежедневно вставать в пять утра и пешком отмерять путь с улицы Жуковского, где я тогда жил, на Мойку, в радиокомитет. Постоянно хотелось спать.

Шло время, катились годы. Музыка оставалась моим основным занятием. А я все никак не решался сделать окончательный выбор относительно своего будущего. Кем быть? Ясно: нужно учиться. Но на кого? В свои творческие способности я не особенно верил. Правда, мои песни, написанные к каким-либо праздникам на стадионах, исполняли тысячные хоры. С аэроплана сбрасывали на трибуны листовки с текстом; и собравшиеся пели сочиненное мною. Это было приятно, это раширало грудь от чувства гордости. Но если вдруг появлялась фантастическая мысль стать профессиональным сочини-

телем музыки, я старался так глубоко загнать и спрятать ее, чтобы даже самому после до нее не докопаться. Поэтому идея идти учиться на композитора даже не возникла. Да и было мне уже двадцать два года—возраст солидный.

Помог случай.

Я работал аккомпаниатором в студии художественной гимнастики, в которой занимались многие будущие артисты и киноактеры. Они отработывали свои упражнения под мою музыку. Моя задача состояла в том, чтобы импровизируя на разные темы, постоянно менять темп и ритм исполнения. И студенты должны были успеть за мной. Это помогало им вырабатывать чувство ритма, пластику. Работы было много, и одному мне справиться с ней было не по силам. Поэтому время от времени к нам приглашались другие музыканты. Однажды пришел познакомиться студент консерватории Алексей Животов. Его импровизации поразили меня новизной и сложностью гармоний. Он не стал работать в студии, так как требования к пианисту в отношении ритма показались ему слишком трудными. Но тем не менее даже это краткое знакомство с ним стало решающим в моей жизни. Услышав мою игру, Животов спросил о моей подготовке. Я рассказал, что начинал самоучкой, потом пытался брать уроки игры на рояле, но повредил палец на руке и бросил занятия.

Животов обнаружил у меня композиторские данные и убедил поступить на композиторское отделение в недавно открывшийся Центральный музыкальный техникум. Я послушался и на вступительных конкурсных экзаменах прошел вторым.

Наш класс оказался очень сильным по составу. Вел его профессор П. Б. Рязанов, выдающийся педагог, воспитавший целую плеяду советских композиторов. Дела у нас шли хорошо. Был свой оркестр, свои вокалисты. Мы писали музыку, выступали с концертами в «Обществе друзей камерной музыки». Нас заметили. И однажды газета «Правда» посвятила мне статью, в которой говорилось примерно следующее: «Центральный музыкальный техникум является средоточием молодых композиторских сил страны».

Естественно, мы сразу же возгордились, задрали носы. Вскоре из консерватории к нам пришел профессор и предложил:

— Дорогие друзья, вам необходимо всем классом перейти учиться в консерваторию.

На что мы в запале ответили:

— Что? В эту затхлую академию? Никогда!

Мы, мол, в историю входим, а нас куда-то вспять тянут...

Вот какие мы были—молодые, ершистые и не особенно, можно сказать, умные: нам-то добра хотели, а мы упирались. Но нас перехитрили: композиторское отделение в техникуме было закрыто, и всем желающим предложили перевестись в консерваторию. Выбора не оставалось.

Годы учебы в консерватории—прекраснейшее время в моей жизни. Лучшие педагоги помогали нам постигать тайны музыки. Здесь мы впервые по-настоящему испытали свои творческие силы.

Наши произведения не только находили массового слушателя, но становились популярными. Консерваторию я окончил в 1936 году, но еще за четыре года до этого стал членом Союза композиторов СССР. Пожалуй, именно в студенческие годы я осознал свое призвание композитора-песенника, хотя после сочинял музыку и в других жанрах.

Но учеба и творчество—это еще не вся студенческая жизнь. Как самое дорогое, я пронес через всю свою жизнь дружбу с моими консерваторскими однокашниками, родившуюся в те веселые и шумные годы учебы. Промчались десятилетия, а помню, будто все это было вчера, участие и бескорыстную поддержку в трудную минуту, добрый совет товарищей, их шутки и розыгрыши, неиссякаемый юмор и бьющее ключом жизнелюбие.

Ближе всего я сошелся с Иваном Держинским и Николаем Ганом. Хотя характеры у нас были разные, мы отлично ладили друг с другом. Может быть, качества одного дополняли качества другого—не знаю, только наша троица всегда была неразлучной. Музыкальное творчество композиторов Держинского и Гана хорошо известно. Но я хочу рассказать об их студенческой поре, потому что без этого невозможно будет понять их чисто человеческих черт.

На время летних каникул нас троих обычно поощряли путевкой в Крым, в наш студенческий дом отдыха, который находился в Судаке. На досуге мы сочинили для самих себя эстрадную программу минут на сорок, которую показывали не только в своем, но и в соседних домах отдыха.

Одним из номеров программы было выступление «духового оркестра». Играли на губах. Я изображал альт, Иван—трубу, Николай—тубу. Мы исполняли какую-нибудь популярную музыку, стараясь мимикой, жестами передать характер инструментов.

Потом я изображал фокусника. Выходил на сцену в чалме, «продевал» иголку с ниткой через щеку, ухо, нос, превращал медяки в рубли. Иван наигрывал в это время какую-нибудь восточную мелодию.

Иван Держинский был разносторонне одаренным человеком. В нашей программе он обычно выступал и в роли конферансье. Едва выйдя на сцену, он затевал со зрительным залом игру: кому-то подмигивал, кому-то посылал воздушный поцелуй, пожимал руку, гримасничал, шутил, вгонял в краску одних и гомерический гогот других.

Зрители нас любили. И на наши острые шутки отвечали тем же: дарили вместо букетов цветов венки или преподносили изящно завернутый огромный огурец, на котором было начарапано какое-нибудь пожелание...

Через сорок лет, на одном из вечеров в Ленинградском Доме композиторов, мы вспомнили нашу молодость и тряхнули стариной. Наши юные зрители—нам, старикам, все уже казались юными—не ожидали, что мы, известные композиторы, можем вот так дурачиться и веселиться.

По-моему, это большое счастье—до седых волос сохранить чувство юмора и непосредственность мальчишек.

Песня—главное дело моей жизни. Я писал симфоническую и фортепианную музыку, романсы, оперетты, балет, музыку к художественным и документальным фильмам. Но песня всегда была основным жанром моего творчества. Их у меня более шестисот. Они оказались настолько популярными, что вот уже десятилетия не стареют, исполняются по радио, с эстрады, поются народом. Другие до сих пор еще не нашли своего исполнителя. Их никто не слышал. Но они мне так же дороги, как и те, что стали популярными и принесли мне признание. Для меня мои песни все равны, все одинаково любимы, как для матери равны и любимы все ее дети—и те, у кого жизнь сложилась счастливо, и те, кому не повезло.

У каждой песни, как у человека, своя судьба. И чаще всего композитор не в силах изменить ее. Он создал ее, дал путевку в жизнь, но не может гарантировать ей популярности. Многие зависят от разнообразных привходящих обстоятельств.

Расскажу о личном опыте.

По-настоящему я поверил в свое призвание после успеха песни «Гибель Чапаева», написанной мною в 1935 году вслед за выходом на экран кинофильма «Чапаев». Популярности песни во многом способствовало то, что впервые ее исполнила известная певица Ирма Юнзев во время декады советской музыки, проходившей в Москве, в Большом театре. Песня понравилась, ее стали петь, и не только с эстрады. И все-таки я понимал, что далек от истинного успеха. Я искренне завидовал Дунаевскому и братьям Покрасс, песни которых стали по-настоящему народными. Тут у меня была своя жесткая мерка: если из тысячи человек песню знают все, но поет только один—это еще не популярная песня. Вот если из тысячи человек всего

один не поет—значит, действительно песня пришла по душе людям. У меня самого такой пока что не было, хотя и жаловаться было грех: «Гибель Чапаева», «Казачью кавалерийскую», «Песню о Ленинграде», «Таежную»—все эти мои песни пели.

Когда началась Великая Отечественная война, я стал сотрудничать в Ленинградском радиокомитете. Там организовали ежедневные выпуски радиохроники, которые, кроме последних сообщений с фронта, включали рассказы о героях, их подвигах, а также эстрадные номера. Для этих передач нужны были частушки, песни, сатирические куплеты. Вместе с моим другом по техникуму и консерватории композитором Ходжа-Эйнатовым я взялся сочинять музыку к этим выпускам.

Рабочий день наш строился строго по расписанию. Вставали в восемь утра и два—два с половиной часа посвящали частушке или песне, текст которых нам приносили накануне. Один из нас сочинял, импровизируя за роялем, другой корректировал, критиковал, помогал отбирать лучшие варианты. На следующий день мы менялись ролями.

Когда песня была готова, мы ехали на радио и показывали ее там. Работа у нас шла удачно, и почти все песни получили одобрение. Из радиокомитета мы шли в Союз композиторов, где ежедневно наши коллеги и музыковеды собирались для прослушивания новых произведений. Если на обсуждении признавалось, что наша песня представляет особый интерес, мы ехали в управление по делам искусств. Если и там наша работа получала высокую оценку, она немедленно отсылалась в типографию, и на второй-третий день выходила листовка со стихами и нотами.

Так изо дня в день мы проработали около полутора месяцев, создав изрядное количество песен и частушек. Были среди них и «однодневки», но некоторые все же приобрели популярность и долго еще исполнялись в концертах фронтовых бригад. Именно тогда были написаны «Играй, мой баян», «Встреча Буденного с казаками», «Песня часовщика»...

Война тем временем все дальше катилась на восток. Враг валил к Москве, к Ленинграду. В эту суровую пору каждый старался хоть чем-то помочь фронту. В один из августовских дней 1941 года группа ленинградских композиторов и музыкантов была направлена в Лесную гавань морского порта. Нам предстояло убрать с берега штабеля бревен, которые могли быть подожжены во время налета вражеской авиации.

Мы работали целый день. Окончив дело, присели отдохнуть. Стоял чудесный вечер. Недалеко от берега, на рейде, стоял военный корабль. С него доносились звуки баяна и тихая песня. Мы слушали, как поют моряки, и как-то сама собой пришла мысль, что, может быть, завтра эти ребята уйдут на боевое задание, в бой, и неизвестно, вернуться ли обратно в родную гавань, в свой любимый город. Я решил написать об этом песню. Придумал даже первую строчку припева: «Прощай, любимый город!». Отталкиваясь от этих слов, в два дня сочинил музыку, передал ее своему давнему другу поэту Александру Чуркину (автору слов «Казачьей кавалерийской»), и тот очень быстро написал полный текст «Вечера на рейде».

Через несколько дней я спел новую песню друзьям-композиторам, и они ее решительно забраковали. Честно говоря, тогда меня это обидело, потому что самому мне песня нравилась. Сейчас-то понимаю, их претензии были обоснованными: люди эвакуировались на восток, покидая родные места, и слова припева «Прощай, любимый город» могли быть истолкованы предвзято. Тот трудный для страны час требовал других слов и не спокойного, тихого мотива, а бодрого, решительного, мобилизующего, что ли, ритма.

Короче, огорчившись неудачей, я спрятал песню подальше, чтобы никому больше не показывать.

Положение на фронте осложнилось. Вражеские дивизии подступили к Ленинграду. К концу лета моя семья эвакуировалась на восток. Получил предписание уезжать и я. Но все тянул, надеясь—обойдется, думал, что фашистов наконец остановят, погонят вспять. Однако они подходили ближе и ближе. Я покинул родной город накануне блокады с одним из последних эшелонов, который увозил артистов Малого театра оперы и балета. Под станцией Мга нас сильно бомбили, но повезло—не попали.

В Чкалове, куда я добрался через несколько дней, в то время было много артистов и музыкантов, приехавших со своими театрами из Белоруссии, Ленинграда, других западных городов. Помещений для всех трупп не хватало. Тогда я организовал эстрадный театр «Ястребок». Вот уж где пригодился опыт работы в художественной самодельности и личное участие в комическом трио студенческой поры! Сначала художественным руководителем на-

шего театра был знаменитый в то время артист Московской оперетты Николай Бравин. Но вскоре я стал и режиссером, и постановщиком танцев, и даже автором стихов, песен, интермедий и сатирических сценок. Само собой разумеется, что и всю музыку к ним писал тоже я.

«Ястребок» имел потрясающий успех. Особенно нравился номер «Танец сидя». Артисты сидят рядом, их лица ничего не выражают, словно окаменели, пляшут одни ноги, выделявая под музыку замысловатые колена. Получалось страшно смешно. До сих пор горжусь, что сам придумал и поставил эту комичную сценку.

Но гастроли по уральским городам не удовлетворяли нас—хотелось в действующую армию, ближе к сражающимся войскам. У меня был еще и личный мотив: моя жена, Татьяна Давыдовна, пианистка фронтовой бригады, постоянно выезжала с концертами на фронт. А я, мужчина, оставался в тылу.

Наконец, в феврале 1942 года наша концертная бригада приехала в Москву и показала свою программу в Центральном Доме Красной Армии. Ее одобрили. И вскоре мы отбыли на Калининский фронт, в район Ржева. Хотя, по сообщениям Совинформбюро, на этом участке в то время существенных изменений не происходило, там было настоящее пекло. Шли постоянные бои. Мы попадали под бомбежки, артобстрелы, однажды даже три дня находились в окружении. Правда, узнали об этом позднее, когда прорвавшиеся в этом месте немецкие части были отброшены и наш участок снова соединился с основными силами фронта.

Выступали мы на самой передовой. В землянках и блиндажах первой линии обороны, всего в нескольких сотнях метров от вражеских траншей. Нашими слушателями были бойцы и командиры, которые совсем недавно, еще сегодня, отбивали атаки врага, сами наступали, ходили в разведку. Все было так необычно, что хотелось, чтобы каждый наш номер зашел в душу солдат.

Как-то мы давали концерт в тесной землянке, в которой собралось, может быть, 30—40 бойцов. Мы исполнили все, что было в программе. Они попросили дополнительно какую-нибудь песню. Как на грех, наш вокалист накануне простудился, и петь песни должен был я, аккомпанируя себе на аккордеоне. Обычно я исполнял свою «Играй, мой баян». Она была популярной и всегда проходила под аплодисменты слушателей. Но в тот момент я понял, что бойцам нужна какая-то другая песня. И я вспомнил о забракованном «Вечере на рейде».

Когда спел—попросили повторить. Начал снова и сам кивнул бойцам, чтобы они подтягивали припев. И они запели со мной.

В следующие дни мы давали концерты на других участках фронта, и меня сразу же просили спеть «Вечер на рейде». Оказывается, связисты до нашего приезда успевали сообщить соседям о «звезде» программы и даже передать слова.

Когда через два месяца наша бригада вернулась в Москву, песня была исполнена на концерте в Центральном Доме композиторов, а потом и по радио. И сразу со всех фронтов, из тыловых городов, из партизанских отрядов посыпались письма с просьбой повторить ее и приглашения нашему коллективу приехать с концертами. Сбылась моя давняя мечта—мою песню из тысячи человек не пел, наверное, только один.

Почему же произошел такой неожиданный поворот в ее судьбе? Думаю, потому, что изменились дела на фронте. Фашистские полчища были разгромлены под Москвой, освобождена большая территория, ранее оккупированная врагом. Уверенность в скором возвращении во временно покинутые города подкреплялась боевыми успехами нашей армии. «Вечер на рейде» был созвучен нашему настроению...

Песни военной поры дороги мне, потому что они были моим вкладом в общее дело борьбы с врагом. Работал я в те годы много. Писал музыку, выступал в концертах, режиссировал. Мои песни на слова В. Лебедева-Кумача, В. Гусева, М. Исаковского, А. Чуркина стали популярными. Но особенно плодотворным оказалось мое сотрудничество с поэтом Алексеем Фатьяновым, одним из талантливейших и прекраснейших людей, с которыми сводила меня жизнь. Высокий, красивый, он был щедро одарен природой. Многие его помнят как поэта-песенника, но ведь он был еще и прекрасным конферанسه. Я много гастролировал с ним и знаю, как мастерски он умел овладевать вниманием слушателей. Когда уже в конце войны он попал на фронт, то и там не оплошал: его танк первым ворвался в венгерский город Секешфехервар. За этот боевой подвиг ему предоставили отпуск для творческой работы. Мы встретились в гостинице в первый же день приезда в Москву: я прибыл из Ленинграда, он с фронта—в гимнастерке, с новенькой боевой медалью на груди. Он привез тексты песен, написанных им на фронте,

в том числе «Соловьи» и «Ничего не говорила». Стихи сами просились на музыку, и я написал песни в тот же день. Тут же исполнил соседям по гостинице, аккомпанируя себе на фортепьяно. Понял, что получилось. А вскоре радио разнесло их по всей стране, их стали петь, как пели до этого наши с Фатьяновым «Гармонику», «На солнечной поляночке», как вскоре запели «Давно мы дома не были».

Шли последние дни войны... Солдаты жили мечтой об отчем доме.

Когда я слышу позывные радиостанции «Маяк»—первая строка «Подмосковных вечеров»,—всякий раз вспоминаю, что у этой песни судьба поначалу складывалась не совсем удачно. Трудно этому поверить, но что было, то было. Я объездил десятки разных стран, и не было ни одной, где бы зрительный зал не подхватывал вместе со мной эту песню, едва я брал первые аккорды на фортепьяно. Я слышал не менее тридцати обработок ее мелодии, мастерски сделанных разными композиторами-аранжировщиками. Я играл ее вместе с Ваном Клиберном в Ленинградском Доме композиторов. Ее исполняют многие зарубежные артисты.

А ведь как поначалу получилось? В 1956 году снимался документальный фильм «В дни спартакиады», который должен был ненавязчиво популяризировать те виды спорта, где наши спортсмены еще не добились заметных успехов. Мне поручили писать музыку к фильму, а тексты песен (их было четыре)—Михаилу Матусовскому. Мы в меру сил старались справиться с поставленной задачей, но особого значения этим песням не придали. Одна из них должна была быть мелодичной, лирической. Предполагалось, что она зазвучит в тот момент, когда на экране появится вечерний палаточный городок спортсменов, приехавших в Москву на спартакиаду. Работа у нас шла легко и споро. Получив стихи, я тут же набросал мелодию «Подмосковных вечеров», которая после почти не изменилась.

Режиссеру песня не понравилась. К тому же сюжет фильма несколько обновился, и кадры с палаточным городком в него не вошли. Исчезла и сама песня. Сохранилась только мелодия, и то как далекий, едва слышимый фон...

В общем, зрители фильма песню не заметили. Не обратили на нее внимания поначалу и мои коллеги. Только после того, как «Подмосковные вечера» несколько раз исполнили по радио, к ним пришла слава. Порой мне кажется, что и сам я по-настоящему понял свою песню лишь после того, как ее запел весь народ, что лишь тогда и для меня самого открылась вся ее неброская лиричность.

И подобных примеров можно привести немало.

Я прожил большую жизнь. Всякое в ней было, ибо труд композитора вовсе не сплошной веселый праздник и радость творческих удач не приходит сама по себе—ей предшествуют муки творчества. Есть в нашей профессии особенности, которые отличают ее от многих других. Прежде всего, если можно так выразиться, сугубая индивидуальность труда. Сочиняя свою музыку, композитор остается с нею один на один. Ни автор либретто, ни поэт, написавший стихи будущей песни, ни режиссер, заказавший музыкальное сопровождение к спектаклю или кинофильму, ни даже собрат по профессии не помогут тебе. Они только высказывают свое мнение о музыке—да и то субъективное—лишь после того, как она сочинена. Поэтому композитору столь дороги дружба и участие товарищей, чувство локтя, которые поддерживают, вдохновляют в самые трудные моменты.

Но есть в нашей работе и другая сторона. Пока ты пишешь музыку—ты один. Но стоит тебе создать произведение, созвучное настроению людей, как рожденную тобою мелодию подхватывают буквально миллионы. И ты уж не одинок, а частица этих миллионов и на радостях сам уж не особенно веришь, что сумел сочинить подобное. Мне не раз выпадало такое великое счастье.

И вот теперь, оглядываясь с высоты своих прожитых лет, я убеждаюсь, что мне везло в жизни, везло в друзьях, везло в работе. Друзья были верными, работа—благодарной.

Я писал симфоническую музыку, сочинял оперы, балеты, оперетты. Я писал музыку к кинофильмам, театральным спектаклям и радиопостановкам. Но главное: написал более шестисот песен. И я благодарен судьбе, что она дала мне профессию композитора-песенника. Не только потому, что труд мой получил признание, отмечен самыми высокими наградами Родины, да и сам я не обойден славой,—не только поэту. Моя профессия—«должность» на всю жизнь, тут не уйдешь на пенсию по возрасту. Твой труд нужен—и ты работаешь.

Литературная запись
Леонида ПЛЕШАКОВА.

Статьей «Любовь: ступени культуры» журнал начинает публикацию серии материалов Юрия Рюрикова, писателя и социолога, автора многих книг о любви и семье, таких, как «Через сто и тысячу лет—о социальной утопии и фантастике», «Три влечения. Любовь, ее вчера, сегодня и завтра», «Трудность счастья (любовь и молодая семья)».

Эта статья, как и последующие, возможно, покажется вам спорной, вызовет желание высказаться, поделиться своими мыслями по затронутой теме, может быть, даже возразить автору. И это правомерно, потому что предлагаемые материалы действительно проблематичны, дискуссионны, во многом новы. Мы обращаемся к читателям разных возрастов—и к тем, кто только начинает семейную жизнь, и к тем, кто уже располагает собственным опытом в этой сфере: присылайте свои письма, выскажите ваши соображения по проблемам, поднимаемым Ю. Рюриковым. Наиболее интересные письма мы опубликуем в журнале.

Письмо читателю

Юрий РЮРИКОВ

ЛЮБОВЬ: ступени культуры

ТРИ НЕВЕЖЕСТВА

Редакция журнала «Смена» познакомила меня с письмом Марины Ш. из города Горького. Вот оно:

«Что-то неладное творится сейчас с любовью. В книгах, особенно в старых, возвышенные чувства, любовь до гроба, да еще какая—огонь, пламя, землетрясение души! А в жизни—так, огонек от спички, погорит год или два и погаснет. В одной книге я прочитала: жизнь без любви—мертвая жизнь, люди без любви—живые трупы. У меня много замужних подруг, у которых быстро прошла любовь и которые живут мертвой жизнью. Очень трудно в семье, когда тяготы ее повседневности нечем уравновесить. Неужели ничем нельзя помочь нам?»

К сожалению, смертность в стране любви рекордная. Психологи и социологи выяснили: спустя несколько лет после свадьбы сердечные влечения уцелевают меньше чем у половины супругов; у одних паруса любви оказываются как одуванчик, у других они хотя и покрепче, но все-таки слабы для шквалов жизни.

У любви—все мы, конечно, знаем это—много врагов: и внешних (житейские неурядицы, квартирные и денежные нехватки) и внутренних (психологические изъяны, моральные слабости, ахиллесовы пяты в нашем опыте, белые пятна в знаниях).

Трудно сказать, кто из этих врагов страшнее. Возможно, для тех, кто меньше развит психологически, страшнее внешние враги (хотя, наверно, страшны и внутренние); для тех, кто душевно тоньше—и, значит, ранимее,—опаснее, видимо, внутренние враги (хотя опасны и внешние).

Нас никто не готовит к искусству семейной жизни, никто не учит, как сохранять любовь. А ведь это, пожалуй, самое сложное, самое запутанное из всех искусств—все из летучей череды полутонов, из филигранного сплетения оттенков... Мы не знаем тут очень многого—не знаем даже размеров своего незнания: большинство из нас здесь самоучки, а значит, неучи.

Наш быт, как на трех китах, стоит на трех докультурах, которые резко вредят любви и семье. Это **психологическая неграмотность**, незнание азов эмоциональных отношений в семье; **половое невежество**, незнание глубочайшей разницы в половой биологии и психологии мужчин и женщин; **педагогическая малограмотность**, непонимание детской психологии, неумение по-настоящему растить детей. Ничему этому не учат ни в школах, ни в вузах, ни на курсах; а ведь для нашей жизни любое из этих знаний куда важнее любой школьной науки.

ПОЛЮСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Сейчас происходят громадные—и двойные—перемены в самой нашей психологической природе. Перегрузки от ритма жизни, минусы урбанизации (роста городов)—все это ослабляет и стандартизует чувствования у многих из нас, делает их более головными, рациональными, менее сердечными, эмоциональ-



ными. А рядом идут полярные сдвиги: у многих все глубже индивидуализируются чувства, привычки, сознание, появляется все больше людей-личностей, людей с развитым внутренним своеобразием.

В современном человеке как бы нарастают оба эти полюса: быстро идет его индивидуализация—и стандартизация каких-то слоев души. И любовь тоже поляризуется: у одних, не очень развитых душевно, она становится малокровнее, недалеко уходит за грань простого влечения; у других, душевно глубоких, она внутренне усложняется, делается полновеснее, объемнее.

Первое русло перемен—обмеление, девальвация любви—тревожно массово, но оно лежит на поверхности, все мы его видим, знаем, и, пожалуй, много говорить о нем не стоит. Гораздо труднее, наверно, уловить те перемены, которые происходят в чувствах психологически усложняющихся людей, потому что перемены эти глубинны, многосложны и часто двойственны.

У таких людей к наслажденческим слоям любви, к голоду чувств по любимому человеку, к радужному его приукрашиванию, к сопереживанию с его переживаниями сейчас все заметнее притекают новые струйки эмоций: желание найти в любимом отзвук как можно большему числу своих душевных струн, стремление к многогранному единению с ним, к слиянию не только душ, но и духа, не только чувств, но и идеалов, интересов... В душевных приемниках развитого человека как бы появляются новые диапазоны, и он может теперь принимать новые потоки волн человеческой привлекательности. К старым волнам такой привлекательности, которые неосознанно и таинственно пробуждают в нас любовь, добавляется, видимо, сила ума и интуиции, близость идеалов,

интересов, своеобразие взглядов и привычек, нестандартность поступков, поведения...

Эти новые волны любовных тяготений—«эхо», отголосок в любви тех новых психологических потребностей, которые начинают созревать в нынешнем человеке. Ведь любовь—это как бы внутренняя тень человека, ее характер повторяет очертания его характера, и человек любит так, какой он есть.

Родников, которые питают любовь и от которых зависит ее жизнь и смерть, стало теперь, как видим, гораздо больше. Любовь от этого усложняется,—но и осложняется: чтобы поддерживать ее жизнь, теперь нужно куда более многозвенное, куда менее доступное для нас скопление условий...

Первый пыл любви чаще всего проходит через год-два семейной жизни. Молодожены живут обычно в первых, эмоционально-телесных этажах своей любви. Потом—или они надстраивают над ним духовные этажи, создают сплав любовных и дружеских тяготений, или их любовь умирает: к этому жесткому двоению ведет, к несчастью, наша новая психологическая природа.

Дружеские тяготения, нити душевной близости—новый фундамент для любви, который приходит на смену первой пылкости или не приходит совсем. Конечно, создать такой сплав очень трудно; а то и невозможно: для этого нужен тяжелый, иногда каторжный труд души. Но другого пути сохранить любовь для нынешнего усложненного человека, к сожалению, нет, и тут приходится выбирать: или сознательное (не искусственное!) сращивание любовных и дружеских тяготений, или пассивное скольжение по течению, к смерти любви...

Эти глубинные перевороты ведут к огромным сдвигам во всех основах супружества. Родается совер-

шенно новый психологический фундамент брака: теперь это не просто влечение чувств, как раньше, а многогранная индивидуальная совместимость жены и мужа: совместимость их чувств, характеров, темпераментов, совместимость идеалов, взглядов, совместимость привычек, поведения...

Перемены в нас резко усложняют весь строй супружеской жизни. Пожалуй, человеку-личности гораздо труднее сохранить любовь, чем полюбить: полюбить, наверно, можно многих, а сохранить любовь — только к совместимому, только к «рифмующемуся» человеку.

И сохранить любовь — значит, видимо, не просто сберечь ее; это значит изменить ее — ввести в многозвучие других чувств и отношений, сделать нотой в аккорде, звеном в многозвонной совместимости. Для человека-личности уберечь любовь — значит вдобавок к ней приобрести совместимость; наверно, любовь может сегодня выжить только как часть этого многослойного сплава...

Но перемены в нас идут очень быстро, они намного опережают осознание этих перемен, и мы часто ведем себя «на поколение назад», не в рост своему сегодняшнему облику. Мы не знаем себя сегодняшних, держим себя по-вчерашнему, и это изо дня в день наносит нашим чувствам множество микроран. Если мы будем знать свои новые плюсы и минусы, нам будет, наверно, легче растить эти плюсы и умерять минусы, — будет легче друг с другом и с самим собой.

Как вытеснить докультуру любви культурой? Просвещением, знаниями? Но знания — только часть культуры: это не нить Ариадны, которая сама выводит из лабиринта, — скорее это компас, который показывает на полюс счастья. А вот дойдем мы до него или нет, зависит, наверно, от того, сможем мы или не сможем обратить знания в чувства, в душевные способности, в дружные отношения. Такой сплав знаний и чувств, разума и душевных умений — главная, пожалуй, дорога, которая может вывести из низин докультуры к высотам культуры.

КУЛЬТУРА ССОРЫ

Молодая семья проходит в своей жизни три возраста — и три зоны конфликтов. Первый — «**младший супружеский возраст**», медовый год, который, кстати, часто бывает полным; это, пожалуй, самый накаленный из всех лет супружества — год и самых бурных радостей и самого жгучего горя.

Главные его барьеры — конфликты притирки, приравнивания друг к другу двух непохожих людей, невероятно трудное создание из разных «я» одной системы «мы».

Женихи и невесты частенько думают, что супружество — голубой океан радостей, лазурный эдем любви. И чем неожиданнее для них обычные в семье капризы горя и тягот, тем больнее раны, которые получает их любовь. Многие из нас, видимо, понимают: семья — не рай, где ангелы обмахивают друг друга крылышками, в ней неизбежны обиды, разлады, непонимания. Их, пожалуй, тем больше, чем индивидуальнее люди, и нынешняя семейная жизнь ждет от нас куда больше усилий, куда больше отречений, куда больше внимания к каждому, самому мелкому шагу супружества.

Влюбленность бывает поначалу чаще всего доличностным чувством: многие любят в это время не самого человека, а его розовый мираж, вымышленный образ, в котором достоинства как бы стоят под увеличительным стеклом, а недостатки — под уменьшительным. В медово-полынный год это доличностное чувство или переходит в личностное, или умирает. У молодых супругов рождается — или не рождается — совместимость: близкие интересы, взгляды, привычки, похожие принципы поведения, отношения друг к другу...

Пожалуй, один из главных конфликтов медового года — борьба двух самолюбий, неосознанная война за власть в семье. Это, видимо, новая сложность, которую принесла с собой эмансипация женщин — и непонимание, что нынешняя семья — не очень-то подходящая арена для единовластия; у душевно развитых людей вознесение одного «я» над другим часто убивает любовь...

Как установили социологи, частые ссоры разъедают жизнь от половины до трех четвертей городских семей. Ссора, видимо, одна из главных убийц любви; один из главных губителей хороших отношений.

В прошлом году я проводил в «Неделе» круглый стол счастливых семей, — именно счастливых, не просто хороших. Пары, которые там были, создали свою «технику безопасности» в конфликтах, и она служит хорошим сторожем их счастья. Главный прием этой психологической техники — сужать площадку спора до минимума, говорить только о самом предмете разногласий. Они не вспоминают о старых промахах друг друга, не защищаются контрвыпадами вроде «а ты сам», не клеймят друг друга ярлыками. Они понимают, что резкость рождает ответную резкость и

если хочешь убедить другого, лучше говорить бережно, не задавая.

Еще одна основа их «мирного кодекса» — стремление обуздывать гнев и раздражение в ссоре, управлять отрицательными эмоциями во время острых разногласий.

Очень важно для них — уметь понять позицию другого, стать на его место, посмотреть на спор его глазами. Это как бы «высший пилотаж» в культуре спора, по-настоящему творческое, почти актерское умение перевоплотиться в другого человека, почувствовать его чувства, увидеть его глубинные переживания. Чаще всего это дает ясное понимание своей и чужой позиции, их сильных и слабых сторон, и помогает прийти к согласию. Но тут, считают они, нужна очень важная (и, к сожалению, очень редкая) способность — уметь переступить через самолюбие, признать, что ты неправ.

Несходство мнений, конфликты, споры — все это естественно и при самых хороших отношениях, но решать конфликт можно в общем-то двумя путями. Или с позиций умной доброты, когда на первом плане стоит самое главное для вас — хорошие отношения, и только потом — истина, и совсем в конце — чья-то правота; тут стараешься идти к ладу через разлады, искать согласия в разногласиях. Или ссорой — когда на первом плане не хорошие отношения и даже не истина, а уязвленное желание отстоять себя, победить. Можно, пожалуй, сказать: умный человек не идет на ссору, даже когда он прав; вставая на путь ссоры, он тут же делает ее неправ, потому что наносит удар по хорошим отношениям. Это ведь неправда, что «милые бранятся — только тешатся»; каждая перепалка делает милых чуть меньше милыми друг для друга.

А ведь именно хорошие отношения — высшая истина в семье, и эти отношения в тысячу раз важнее, чем чья-то сиюминутная правота...

В ссоре, видимо, вообще нет правоты, в ней обе стороны неправы, хотя, наверно, одна меньше, а другая больше. Ссора не разрешает конфликт, а разжигает его; она несет тройной вред — делает нормальные разногласия ненормальными, рождает обиду и отчужденность, каждый раз убивает кусочек любви. Понимание всего этого — стержень культуры конфликта.

ЯД ПЕРЕГРУЗОК

В «младшем супружеском возрасте» мы учимся семейной жизни так, как раньше учили плавать: бросали в воду и ждали, кто выплывет, а кто начнет захлебываться. Одолев начальные воды супружества, мы вступаем в «**младший родительский возраст**» — вторую зону особых семейных радостей и особых конфликтов.

Молодые мамы и папы открывают для себя новый материк чувств — родительскую любовь. Но она нередко вступает в спор с супружеской любовью, особенно у женщин. Одних людей (чаще, пожалуй, тех, у кого хорошие отношения и одинаковый подход к воспитанию) ребенок облизывает, других (у кого душевные связи не очень сильные или воспитательные подходы полярны) отдаляет.

Круто меняется весь уклад семейной жизни: убывают духовные и культурные занятия, резко растут хозяйственные. Домашние дела съедают у молодых мам 15—18 часов в сутки, то есть два рабочих дня в день — огромная перегрузка. И в это вот тяжелое время многие молодые мужья бросают своих жен один на один с кастрюлями и корытом. Вместе с рождением ребенка часто рождается и домашнее неравенство — и зияющие трещины в отношениях. Перегрузки могут круто менять весь облик молодых женщин: они гасят в них юность и свежесть чувств, вселяют тусклость ощущений, усталость нервов, раздражительность, а то и сварливость. В них идет на убыль то обаяние, которое вызывает любовь к ним, и разрастается антиобаяние, которое эту любовь гасит.

В старых сказках были добрые родники, которые делали человека красивым, и злые — уродом. Многие из мужей равнодушно смотрят, как жена тонет в злой воде перегрузок, не помогают ей выбраться из них. А ведь тонет не только она одна — тонет и их любовь, и счастье самого мужа. И, пожалуй, таким мужьям — даже с самых эгоистических позиций — выгодно брать на свои плечи побольше нагрузок: это не даст злой воде украсть у жены обаяние, свяжет их новыми нитями близости, подарит лишние годы любви.

К сожалению, многие из нас не понимают этих буквальных истин. А ведь та самая повышенная психологическая взыскательность, которая укорачивает жизнь нашей любви, прямо-таки вопиет, чтобы мы **помогали друг другу** стоять на уровне этой взыскательности, **помогали** сохранять те свойства, которые поддерживают наше чувство... Это краеугольный камень сегодняшней культуры любви, и, соразмеряя с ним свою жизнь, можно, пожалуй, уберечь любовь от быстроты угасания.

Малыш приносит в дом и радости и опасности. Семейный обиход из открытого как бы становится замкнутым: у молодых родителей резко сокращается жизнь за порогом дома, резко вырастает прикованность к дому.

Раз в неделю или в месяц дается пойти к друзьям, в кино, остальное время царит домашнее затворничество, жизнь в узком кругу — муж, жена, ребенок. Появляется «**чрезмерность общения**», и она несет с собой психологическую сытость друг другом, гасит тот душевный голод по человеку, который и есть любовь.

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

Но тут мы встаем на почву «**среднего супружеского возраста**», новой ступени в жизни молодой семьи. Дети уже в школе, быт устоялся, и домашняя жизнь перестает бурно меняться; она теперь не река, в воды которой нельзя ступить дважды, а озеро, чьи воды те же сегодня, завтра, послезавтра...

Главные конфликты здесь — конфликты рутины, однообразия.

Есть коренной физиологический и психологический закон: повторяющиеся ощущения притупляются. Закон этот играет громадную — и двойную — роль во всей нашей жизни. Он — главная защита наших нервов, он позволяет нам переносить самые горькие потери: повторяясь, тягостные ощущения притупляются, теряют свою нестерпимую остроту... Но за смягчение тягостей мы платим потускнением радостей. Притупление повторяющихся впечатлений — тот самый психологический механизм, который постепенно охлаждает и гасит любовь.

Человеческой психике все время нужен приток новых впечатлений — это ее главная пища. Пожалуй, голод по такому притоку, тяга к разнообразию впечатлений — стержень всей нашей психологической жизни. Однообразие впечатлений калечит наш внутренний мир, иссушает лучшие чувства, гасит самые светлые душевные черточки.

Так бывает и в любви. Чем меньше мы меняемся, чем меньше к нашей старой интересности прибавляется новая интересность, тем быстрее, пожалуй, эта старая интересность делается однообразной, привычной, полунинтересной. А когда с близким человеком не так интересно, как раньше, начинает круто падать его магнитная сила для наших безотчетных чувств. Это печальный, но, наверно, неумолимый закон нашей психологии: чем менее интересно нам с человеком, тем меньше, видимо, наше подсознание и наши чувства влекутся к нему.

Притупление повторяющихся ощущений — вечный враг любви, может быть, самый безжалостный из ее внутренних врагов. Можно ли победить его? В общем, наверно, можно, и прежде всего самым азбучным, но и самым трудным способом: чтобы сохранить свою интересность для близкого человека, нужно постоянное доброе участие в его жизни, постоянная помощь в его главных тяготах. Нашим подспудным чувством дороже всего те, кто делает нашу жизнь лучше и чью жизнь мы делаем лучше; это одна из основ человеческой психологии, один из главных фундаментов психологической культуры супружества.

И, конечно, не стоит идти на поводу, вернее, сидеть на поводу у телевизора, превращать свою неделю в семь одинаковых, как близнецы, пятниц. Закон повторяющихся впечатлений можно победить законом чередующихся впечатлений; но тут придется класть все силы души, чтобы наполнить свои будни новизной, не заикаясь в нуднообразии, творить — именно творить — интересную домашнюю жизнь...

Ито, пожалуй, сверхтрудно, потому что у закона притупляющихся впечатлений есть сильные, и тоже вечные, союзники — органические теневые стороны самого супружества.

Первый из них — непрерывное и как бы принудительное общение жены и мужа; не по потребности, а как бы по обязанности. Такая ежедневная совместность (да еще в узком кругу) и рождает повторение одинаковых впечатлений, психологическую сытость друг другом.

Есть ли защита для чувств от этого «чрезмерного общения»? Наверно, есть — на словах простая, на деле трудная: главное — это уже говорилось — все время участвовать доброй помощью в жизни другого, чтобы он не тяготился твоим присутствием, а тяготел к тебе. И устраивать перерывы в общении, не мозолить глаза друг другу, давать отдохнуть друг от друга. Это, конечно, общие слова, но рецептов тут — как и вообще в любви — быть не может, и каждому приходится искать свои, подходящие именно для него пути.

Второй органический изъян супружества — щеголяние друг перед другом в нижнем белье, душевном и телесном. Для людей, развитых психологически, «эффект нижнего белья» — губительнейшая из теневых сторон супружества.

До свадьбы мы изо всех сил тянемся друг перед другом, стараемся быть лучше и выглядеть лучше. Это золотой век нашей взрослости, и, может быть, только в младенчестве мы бываем лучше и счастли-

вее. Наверно, именно тоска по этому золотому веку — в себе и в жизни — и рождает у многих молодых горькое полустремление, полумечту — подольше вести себя друг с другом как жених и невеста.

К сожалению, после свадьбы мы быстро становимся из воскресных будничными, перестаем следить за собой, отпускаем тормоза со своей естественной подтянутости.

От чужих мы скрываем свои минусы, физические и духовные, а на домашних обрушиваем их водопадами. Почему-то мы ведем себя с самыми близкими так, как не ведем с самыми далекими — отмахиваемся, разряжаем на них свое раздражение, ущемляем по мелочам, наносим вереницы обид. С людьми, которые играют в нашей жизни роль солнца, мы держим себя как с мелкими мимолетными метеоритами... Изюм дня в день мы травим, загоняем, калечим свою любовь и при этом не понимаем, что мы убийцы и самоубийцы самого лучшего в себе и в своей жизни.

Откуда берется эта почти повальная эпидемия, почему мы красуемся дома в этом заносном психологическом белье? Только потому, что получили его по наследству от старой ремесленнически-крестьянской семьи?

Но в этой семье людей связывали прежде всего материальные, а потом уже душевные узы. Она была пожизненной — независимо от чувств — ячейкой, чувства не были ее сердцевинкой, и мужу с женой незачем было ходить подтянутыми: в старой культуре от этого не зависела судьба семьи, судьба супружеских отношений.

Старая семья насыщала простейшие, базовые нужды людей — материальные, сексуальные, душевные. Сегодняшнему человеку, самой его усложненной психологии нужно, чтобы семья насыщала и более высокие его потребности — психологические, моральные, эстетические, умственные. У нынешней семьи появляется новая функция, новая обязанность — обязанность удовлетворять высшие эмоционально-духовные запросы человека.

Самой нашей подспудной психологии невероятно важно то, что мало значило раньше, — повседневная высота внутреннего и внешнего облика близкого человека, его постоянная готовность сдерживать свои слабые стороны, развивать сильные.

Для человека, у которого так круто выросли бытовые идеалы, так же круто, пожалуй, затрудняется семейная жизнь. Всегдашняя подтянутость, особенно душевная, берет у нас множество сил и нервов, и многим она, возможно, непосильна. Но она продлевает нам любовь, симпатию, хорошие отношения, и, может быть, эти бесценные ценности стоят таких тяжелых душевных затрат?

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

У психологической культуры чувств есть еще один краеугольный фундамент. Пожалуй, вся жизнь нашего тела и духа циклична, состоит из взлетов и спадов: это касается всего в нас и, может быть, больше всего любви. У многих людей чувства как бы живут приливами и отливами. В дебюте любви отливы неглубоки, коротки, потом они удлиняются, делаются глубже...

В каждой фазе этого цикла царит своя психологическая установка — особая настроенность наших чувств, особая душевная призма, через которую мы видим все в жизни.

Во время прилива чувств это розовая, радужная призма: она как бы выдвигает на первый план каждого нашего слова, поступка их светлые стороны и скрадывает, осветляет темные. Во время спада царит черная оптика: к каждому поступку она как бы добавляет долю тени, от каждого отнимает долю света, и это резко ухудшает весь облик близкого человека.

В такие дни и бывают самые сгущенные скопления ссор; чувствительность у людей болезненно высока, и малейшая пылинка в домашней атмосфере бьет по их нервам, как камень. В это время нужна, наверно, двойная сдержанность, двойное доброжелательство: ответная нервозность только затягивает фазу спада, грозит сделать ее хронической, а доброта и мягкость быстрее выводят из провала.

Какие ритмы организма больше всего действуют на наши чувства?

Прежде всего это лунный цикл у женщин: у большинства — 28 дней, лунный месяц, у других — чуть длиннее или короче. Перед лунными днями многие женщины быстрее устают, больше раздражаются, легче впадают в тягостные настроения. В эти дни женскому организму не хватает нужных ему гормонов, и чем эмоциональнее женщина, чем неустойчивее ее нервная система, тем больше ее выводят из равновесия эти нехватки. Это крупное несовершенство биологической природы женщины, и, наверно, всем нам, особенно мужчинам, стоит знать дни лунного спада: женщинам — чтобы сдерживать извержения темных чувств, мужчинам — чтобы прощать им срывы, беречь от нервных тягот и физических нагрузок.

Второй по силе цикл, который влияет на наши чувства, — сезонный, годовой. Осенью и зимой многие из нас переживают спад в работе организма; он плохо усваивает кальций и фосфор, и их нехватка больно бьет по нервам и мозгу. Больше всего это задевает людей с повышенной эмоциональностью и пониженной нервной устойчивостью: они чувствуют себя вялыми, у них растет раздражительность, нервность...

С началом весны в нашем организме начинается подъем, растет бодрость и энергичность, лучше усваиваются нужные вещества, в глубинах подсознания рождаются радостные эмоции.

Осенью и зимой мы как бы становимся хуже друг для друга, во многих из нас укрупняются недостатки, в отношениях бывает меньше летнего тепла, больше зимней прохлады. Зная это, стоило бы в это время быть особенно настороже против своих слабостей, а срывы близкого человека прощать с повышенной терпеливостью. Добрые душевные свойства — лучшее, наверно, лекарство от минусов нашей биологической и психологической природы.

Третий ритм, который действует на многих людей, — суточный. Среди нас есть «жаворонки» — люди, которые утром испытывают взлет в работе всех систем организма, а к вечеру — усталость и вялость. Есть и «совы» — люди вечернего типа, у которых вялость царит утром, а пик бодрости наступает к вечеру.

Если в семейную пару входят «жаворонок» и «сова», у них, наверно, могут быть хронические вереницы мелких разладов. Утром один недоволен «замороженностью» другого, а тот — «суетливостью» первого; вечером они меняются местами, и каждый обрушивает на другого его утренние слова...

Шестая часть всех людей — «жаворонки», треть — «совы»; другая половина человечества не подчиняется так ярко суточному ритму. Выходит, не так уж часто «сова» и «жаворонок» попадают в одно гнездо, да и тут многие, наверно, могут приспособиться друг к другу; у людей меняется с возрастом даже врожденный темперамент, и при хороших отношениях «сова» и «жаворонок» вполне могут смягчить разницу между собой.

Сколько вообще среди нас людей, которые подчиняются циклам взлета и спада? По иностранным сведениям, таких 56 процентов, и чаще всего это люди повышено возбудимые, эмоционально ранимые. По данным наших психологов, которые изучают спортсменов, таких людей семь из десяти. Впрочем, среди спортсменов ритмиков может быть больше, чем среди других людей.

Как именно влияют биоритмы на наши чувства, на кого они действуют сильнее, на кого слабее — во всем этом много неясностей и загадок. Можно предположить, что биоритмам больше подвластны женщины, так как они эмоциональнее мужчин; люди, у которых возбуждение сильнее торможения, — так как их эмоции неуравновешеннее; люди нервные — так как у них понижена эмоциональная стойкость; юные — так как эмоции дирижируют их внутренней жизнью куда сильнее, чем разум...

Наверно, чем глубже любовь, тем меньше она подвержена волновым колебаниям. Бывает, впрочем, что весенняя бурность чувства спала, но людей связывает много и других нитей — душевная близость, токи доверия и благодарности, глубинное тепло от сплетения общих интересов, привычек, занятий... У таких людей биоритмы меньше действуют на отношения, потому что в радуге этих отношений много слоев, которые попросту неподвластны биоритмам.

Здесь, пожалуй, и таится архимедов рычаг, который может помочь нам от эмоциональных качелей. Если не плыть по течению одних только чувств, если создавать многослойную душевную близость, тогда и отливы чувств станут, пожалуй, слабее, не будут смертельной угрозой любви: их будут сдерживать плотности совместности.

У нынешней любви немало болезней, и, чтобы избавиться от них, нужна, пожалуй, широкая и разветвленная система лекарств. Психологические лекарства — часть этой системы, и в них входят знание плюсов и минусов своей психологии, культура ссоры и спора, избавление женщины от перегрузок, нейтрализация «чрезмерного общения», противостояние «эффекту нижнего белья», творчество интересной жизни, душевное внимание друг к другу, тяга к повседневной высоте своего облика, умению сдерживать отливы чувств плотинами совместности...

Чтобы долплыть до острова счастья, надо, наверно, знать, как обходить подводные камни, — иначе супружеская ладья будет напарываться на них и тонуть, как тонут сейчас целые флотилии таких ладей. Психологические лекарства, о которых шла речь (а о других лекарствах — в следующий раз), очень непросто, но они могут помешать быстрому старению любви, снизить ее раннюю смертность. Тогда, видимо, и мертвой домашней жизни будет поменьше, и любовь будет дольше отеплять и осветлять наш дом.



БИБЛИОТЕКА «СМЕНЫ» В УРЕНГОЕ

В нашей редакции недавно раздался телефонный звонок. Приехавшие в Москву школьники из Орчической средней школы Кировской области ждали нас на Комсомольской площади. Школа передала в дар Уренгою 148 книг. «Сбор продолжается, — сказали ребята, — это только наш первый вклад».

Читатели, конечно, помнят, что «Смена» выступила с призывом создать библиотеку на 25 тысяч томов в поселке Новый Уренгой.

Каждый день в редакцию продолжают приходить книги. Мы получили бандероли: от учеников 6-го класса средней школы села Вудалаи, Читинской области; из средней школы № 51 Киева; из музыкальной школы Червонограда; от областной юношеской библиотеки Пензы; от библиотеки Удмуртского государственного университета (Ижевск); от Дома техника г. Альметьевска; от ленинградского объединения «Светлана»; от комсомольцев московского Центрального университета и книжного магазина «Весна».

На многих книгах дарственные надписи, пожелания молодым строителям Нового Уренгоя. Вот что пишут врачи кандидат медицинских наук Гаврюшова Л. П. и доктор медицинских наук Гаврюшов В. В., приславшие книги по медицине: «Книги наши и наших товарищей могут быть полезны в лечении маленьких граждан Сибири».

Благодарим за присланные книги читателей: москвичей Андрееву В., Журавлева А., Арубюльникова С. из Еревана, Альчинову М., Захарьева Б., Лазарева М., Левшанова В., Парамонова В. из Московской обл., Быкову А. из Павлодарской обл., Бондаренко Е. из Краматорска, Буракову В. из Ивано-Франковска, Ванюшину М. из Новгорода, Втюрина В. из г. Горького, Герашенко А. из Коми АССР, Голубеву О. из Саратова, Ляхину Е. из Новороссийска, Мадыгину Н. из Йошкар-Олы, семью Михеевых из Ленинграда, Миронова А. из Минска, Панкратова В. из Свердловска, Понарина О. из Бреста, Решетько Н. из Владивостока, Свищова И. из Челябинска, Соколова Н. из Ростова-на-Дону, Татаренко Ю. из г. Новом, Трегубуна В. из Киева, Фалеева В. из Воркуты, Черепанова Д. из Семипалатинска, Чумакову Л. из Краснодара, Хрипунова В. из Тюменской обл.

Пополнятся также «золотой фонд». Свои книги прислали писатели: Виктор Астафьев, Михаил Вавилин, Ирина Ирошниковна, Лев Кузьмин, Иван Новиков, Олег Попцов, Виктор Сафронов, Нонна Слепакова, Елизавета Стюарт, Юрий Таран, Борис Тартаковский, Марина Тарасова, Анна Уроева, Михаил Хопинов, Василий Юксерн.

Ждем ваших книг, товарищи!

Напомним, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной — ведь интересы молодых строителей безграничны.

Мой знакомый, занимающийся проблемами психологии, в том числе общественной, как-то позвонил мне и рассказал, что его попросили проконсультировать проект одной из гостиниц. Я заинтересовался, с какой точки зрения.

— Я должен буду дать рекомендации по внутреннему интерьеру, расположению мебели в номерах и тому подобным вещам, чтобы жильцы будущей гостиницы чувствовали себя в ней максимально удобно, то есть ощущали свою полную совместимость с окружающей обстановкой.

Участие психологов в проектировании отелей? Интересно. Мы встретились, и я узнал немало любопытного. На протяжении нескольких месяцев мой знакомый встречался с самыми разными людьми, только что вернувшимися из поездки в другой город, и задавал им вопрос: удачно ли они съездили, а если нет, то почему? Среди опрошенных были работники отделов снабжения крупных предприятий, то есть почти штатные командированные, участники совещаний и симпози-



ОТЕЛЬ «КАЗАХСТАН» — САМОЕ ВЫСОКОЕ В МИРЕ ЗДАНИЕ ПОДОБНОГО ТИПА, ПОСТРОЕННОЕ В СЕЙСМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ.

деловых качествах (если это выражение применимо к гостиницам). Немаловажным было и то, что «Казахстан» — самое высокое здание в сейсмической зоне не только у нас, но и за рубежом.

Было около полуночи, когда портье отеля выдала нам ключи и пожелала спокойной ночи. Через две минуты скоростной лифт распахнул двери на 25-м этаже, где нам предстояло жить без малого две недели.

На следующее утро мы исследовали здание с дотошностью пожарных инспекторов и убедились, что ни один из пунктов рассказа об архитектурных и планировочных достоинствах гостиницы не был преувеличением. Высот-

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены».

ВАШ ДОМ В ДРУГОМ ГОРОДЕ

умов, туристы, вырвавшиеся на два-три дня в Киев, Одессу или Новгород, как говорится, посмотреть.

Люди, отвечавшие на вопрос психолога отрицательно, объясняли это целым рядом причин: не удалось встретиться с нужными товарищами, неважно себя чувствовали в командировке, слишком много времени тратили на переезды внутри города, мучились бессонницей в незнакомом месте, не повезло с гостиницей. Но вот что характерно: последняя причина называлась в 90 случаях из 100.

Те же, кто утверждал, что их поездка была удачной, оказывается, в 85 случаях из 100 жили в удобной гостинице, где под рукой имелось все необходимое. У них был прекрасный аппетит, крепкий сон, возможность отдохнуть после трудового дня, порой даже не выходя из отеля. Как правило, у них все ладилось по работе, им нравился новый город.

— Итак, не вытекает ли отсюда некоторой закономерности? — задавался вопросом мой знакомый. — Человек, в силу обстоятельств покинувший привычную среду и не нашедший опоры в новом для него общественном и предметном окружении, оказывается как бы выбитым из колеи, ему труднее, к примеру, устанавливать деловые и личные контакты, что не может не отражаться на выполнении им производственного задания. А ведь такой опорой может и должен быть для него в чужом городе его временный дом.

И я стал перебирать в памяти одну за другой гостиницы, в которых приходилось жить самому. Высокие, из стекла, бетона и алюминия, с огромными вестибюлями, баррикадами ад-

министраторских служб, перед которыми невольно робеешь; старые, обжитые, пахнущие паркетной мастикой и плюшем, с бесконечными лабиринтами коридоров, толстыми стенами и вытертыми ковровыми дорожками, теплые и надежные, как крепости; крохотные райцентровские гостинички, с деревянными скрипучими лестницами, крашенными в синий цвет, с обязательным графином в номерах посреди стола, застеленного ломкой от крахмала скатертью, с белыми занавесками на крошечных окнах и единственной хозяйкой, которая примет в вас почти родственное участие.

Каждая из гостиниц была отлична от других, несмотря на стандартную мебель и порой внешнюю похожесть; так же как отличаются друг от друга человеческие жилища, каждая имела свои цвета, запахи, характер. В одних, мне помнится, было хорошо и спокойно, в других чувствовал себя чужим и старался сократить свое пребывание в них до минимума. Происходило это не только потому, что в номере не было элементарных удобств, а главным образом из-за ощущения безразличия к тебе со стороны персонала, окружавшей тебя казенной безвкусицы и еще по каким-то неуловимым, но существенным признакам, подчеркивающим твою временность в этом городе, усиливающим твою изолированность в нем. И тогда я замечал, что почему-то не клеится дело, из-за которого приехал, нет настроения куда-то идти, что-то смотреть, кому-то звонить, а ждешь не дождешься дня, когда можно будет наконец вернуться домой.

После встречи со знакомым психологом многое из того, что происходило



СКОРОСТНОЙ ЛИФТ В СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ ДОСТАВИТ ВАС НА ЛЮБОЙ ИЗ 26 ЭТАЖЕЙ ОТЕЛЯ.

ЭТО ИМ ГОСТИ ОТЕЛЯ ОБЯЗАНЫ УЮТОМ.



со мной во время командировок, стало, с точки зрения его науки, объяснимым: дело упиралось в гостиницу. Но это было суждение одностороннее, потребительское. Возможно, существовали и объективные причины, мешающие отелям стать твоим домом, пусть временным, но доброжелательным и удобным. Проверить это, понять, что же представляет из себя сложная, мощная отрасль нашего коммунального хозяйства, можно было, только попытавшись взглянуть на нее изнутри. В ряде учреждений порекомендовали для этого несколько гостиниц, которые полностью отвечали нашим требованиям — современные, комфортабельные, удобно расположенные. Мы выбрали отель «Казахстан» и прилетели в Алма-Ату. Почему именно сюда? Еще в Москве мы были наслышаны об этом суперсовременном во всех отношениях отеле, его оригинальной конструкции, архитектонике, солидных размерах и высоких

ГОСТИНИЦА НАЧИНАЕТСЯ С ВЕСТИБЮЛЯ



ное здание в форме чечевицы, благодаря своей пластичности и легкости, словно устремлялось к небу и венчалось собой одну из красивейших площадей города. Высотный, то есть жилой, корпус отеля опирался, как на ладонь, на стилобатную часть, состоящую из нескольких павильонов, в которых размещались ресторан, кафе, бары, пиццешка, вестибюль и прочее. Всего одновременно пообедать или поужинать в отеле могут около 1200 человек, сам же он рассчитан на 1000 мест. Кроме того, в комплекс отеля входят закрытая и открытая автостоянки на сто с лишним автомобилей, конференц-зал, почта, сберкасса, газетный, книжный, аптечный, цветочный, сувенирный киоски, множество различных служб. К одному из важнейших достоинств отеля надо отнести и то, что окна всех номеров выходят в сторону гор, а это не только красиво, но и полезно, налицо все плюсы инсоляции.

На уровне самых современных тре-

бований были решены вопросы кондиционирования воздуха (постоянная температура поддерживается в каждом номере), водоснабжения, лифтового сообщения между этажами, противопожарной безопасности, сигнализации и многое другое. Словом, гостиница была спроектирована и построена с учетом последних достижений архитектуры и строительной инженерии и ни в чем не уступала лучшим отелям Европы.

При нескольких необычных обстоятельствах нам довелось вскоре познакомиться с главным архитектором проекта высотной гостиницы, лауреатом Государственной премии СССР Львом Леонидовичем Ухоботовым. Той ночью в Алма-Ате и окрестностях города были зарегистрированы довольно сильные подземные толчки, которые вполне ощущались нами на 25-м этаже. Нельзя сказать, что это

временно решить вопрос обеспечения ими городов, люди перестают довольствоваться минимумом удобств,— делился с нами своими мыслями Лев Леонидович.—Нужно строить долговечные, современные, обязательно красивые, вместительные отели, которые и через двадцать и через сорок лет будут украшать город, вписываться в его облик, как бы он ни был осовременен. А ведь многие проекты гостиниц пока почти ничем в архитектурном плане не отличаются от проектов жилых зданий. Но по ним все же строят, рассчитывая на то, что когда-нибудь заменят другими—современными, большими. Проходит 10—15 лет, город постепенно меняет свой облик, вокруг гостиницы появляются здания действительно красивые, а сама она, продолжая фактически оставаться в чьей-то визитной карточке, теперь уже, по существу, уродует

весь ансамбль. Так что я за радикальное решение проблемы.

Впрочем, у гостиницы противников не было. Проект—плод работы целой группы ведущих архитекторов Алма-Аты—был принят и понят сразу всеми инстанциями. Его необычность, непохожесть на все остальные никого не испугали, вопрос был в другом—осуществление проекта требовало довольно много дефицитных строительных материалов. Здесь архитекторам и инженерам-проектировщикам пришлось выдерживать не один натиск планирующих органов. С одной стороны, всем хотелось, чтобы отель был таким, каким он виделся на макетах, с другой—кое-кому казалось, что архитекторы потеряли чувство меры, закладывая дорогостоящие гранит или алюминий там, где можно обойтись другими, менее дефицитными материалами. Но Ухоботов и его коллеги настояли на своем, доказывая, что они при проектировании стремились не только к красоте и зрительной завершенности здания—в не меньшей степени их заботили его надежность и долговечность.

Каждый настоящий автор не может не болеть за свое произведение. И хотя отель давно сдан и успел «пропустить» не одну тысячу жильцов, Ухоботов до сих пор ведет дискуссии со строителями и дирекцией отеля по поводу деталей интерьера, благоустройства двorca, бассейна и т. д. По сравнению с уже проделанной гигантской работой строителей, художников, декораторов это мелочи, но не обращать на них внимания—значит разрушать единство замысла. Кроме того, известно, что именно мелочи могут испортить общее доброе впечатление от результатов колоссального труда. Помню возмущение директора отеля Самурата Какишевича Какишева, заметившего в вестибюле несколько перегоревших ламп. На следующее утро должен был начаться большой заезд участников симпозиума физиков, и директор, болезненно переживающий любой беспорядок во вверенном ему хозяйстве, сам обходил гостиницу.

— Дело не в перегоревших лампочках: в конце концов не каждый их заметит,—потом объяснял Какишев.—Но если мы с самого начала не покончим с любого рода недисциплинированностью, нам будет трудно работать. Мы все здесь просто увязнем в мелочах. А я хочу быть уверенным в том, что каждый из пятисот служащих

гостиницы добросовестно исполняет свои обязанности.

Какишев совершенно справедливо считает, что не обязан заниматься текучкой. На нем генеральное руководство. Тип директора, принимающего в своем кабинете заказы на номера и обсуждающего с кастеляншей вопросы бельевого обеспечения гостиницы, отживает. У Какишева есть заместители по размещению и эксплуатации, целый штат администраторов, заведующих этажами, начальников служб энергетики, вентиляции и кондиционирования, лифтов, автоматики и связи, сантехники, ремонтно-строительной. Директор же занимается внедрением новых форм обслуживания, экономикой отеля, кадровыми вопросами, контролирует деятельность служб. Ему нелегко. Пришлось осваивать совершенно новое для себя дело. Какишев, человек уже немолодой, всю жизнь проработал на строительстве, а последние годы руководил крупным ремонттрестом. При нем трест вышел в передовые по республике, вел самые сложные объекты.

Но когда строительство отеля подошло к концу и пора было назначать директора, выбор пал на Какишева. Волевой, требовательный, чуткий ко всему новому, Самурат Какишевич был, по мнению многих, человеком, который в состоянии должным образом организовать работу этого дома-комбината, если хотите, в чем-то делового центра, потому что именно таким представлялся отель его создателям.

Да, именно делового центра, хотя это и не совсем вяжется с привычным представлением о гостиницах. Тем не менее отель, особенно такой, как «Казахстан», может быть не только временным пристанищем гостей города. В нем есть все необходимое не только для отдыха, но и для работы. Я встречался в отеле с людьми, которые, приехав в Алма-Ату с деловыми целями, за несколько дней всего два-три раза выходили на улицу. Им просто не было нужды покидать стены отеля, разве что посмотреть сам город и прокатиться до Медео.

Один из них, руководитель крупного столичного института, профессор, приезжал помочь своим казахстанским коллегам, проконсультировать их работы. Каждое утро в его номере, в котором есть и рабочий кабинет, и гостиная, и комната отдыха, собиралось и работало до десяти человек. Обедали все в ресторане при отеле,



СЕРВИС—ЭТО ЕЩЕ И БЫСТРОТА ОБСЛУЖИВАНИЯ.

ТАК ГОТОВИТСЯ ОДНО ИЗ ФИРМЕННЫХ БЛЮД—ЛАПША ПО-ДУНГАНСКИ.



ВРЯД ЛИ КТО ИЗ ЖЕНЩИН, ЖИВЯ В ОТЕЛЕ, УПУСТИТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАЙТИ В ХОРОШУЮ ПАРИКМАХЕРСКУЮ.

У ПУЛЬТА УПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГОХОЗЯЙСТВОМ ГОСТИНИЦЫ.



были самые приятные минуты в нашей жизни, но к тому времени мы уже знали: гостиница способна выдержать землетрясение до 9 баллов—и не особенно волновались. На следующее утро к нам в номер постучался сухощавый порывистый человек. Он представился одним из авторов проекта отеля и принялся рассматривать потолок и стыки панелей—нет ли на них последствий землетрясения? Убедившись, что все нормально (скажу заранее—гостиница с честью выдержала испытание), Ухоботов собрался уходить, и мы пошли вместе с ним на другие этажи. А потом несколько часов разговаривали в одном из холлов о проблеме строительства гостиниц вообще.

Ухоботов считает, что, несмотря на относительно высокую стоимость отеля, строить надо именно так, не скупясь на затраты.

— Нет смысла строить дешевые, маломощные гостиницы, чтобы лишь

СЕГОДНЯ БОЛЬШОЙ ЗАЕЗД



вечером профессор читал, смотрел телевизор, играл с кем-нибудь в шахматы, взятые у дежурного по этажу. Когда ему понадобилось приобрести букет цветов, он попросил об этом горничную, и та достала именно такие цветы, которые были заказаны. В самом отеле профессор через службу сервиса купил билет на эстрадный концерт. В отеле же он провел заключительное совещание с коллегами, на котором присутствовало около шестидесяти человек, свободно разместившихся в пресс-центре на первом этаже гостиницы. Рассказывая об этом мне накануне своего отъезда, мой собеседник признался, что эта его командировка прошла с исключительно высоким КПД благодаря тому, что не надо было терять время на заботы о питании, переездах, организации отдыха.

Почти то же повторили мне одна наша прославленная спортсменка, поселившаяся в отеле с единственной целью — отдохнуть от соревнований и досыта начитаться, представитель армянского торгового предприятия, который за четыре дня только дважды выезжал из гостиницы, но зато послал 54 телеграммы, сделал, по его подсчету, около 100 телефонных звонков и встретился более чем с двадцатью алма-тинскими коллегами. Все это, повторяю, не выходя из отеля. Люди чувствуют себя здесь в полном смысле слова удобно, все свои деловые и духовные запросы они удовлетворяли с минимальными затратами времени, нервов, энергии. Это, понятно, не исключает ситуации противоположной, когда большую часть времени жильцы отеля проводят вне его стен. Но, вернувшись в отель, они в полной мере пользуются всеми благами сервиса. По заверениям опрошенных людей, принадлежащих к этой категории, им достаточно провести в гостинице час-полтора, чтобы полностью прийти в норму, освободиться от последствий психологического стресса.

Вместе с тем мы обнаружили и такую закономерность: чем лучше отель, тем выше степень наших запросов в его стенах. Срабатывает так называемый статус исключительности. К примеру, вам вряд ли придет в голову требовать ужин в номер во второразрядной гостинице, где вы делите комнату без удобств еще с четырьмя соседями. Вы рады уже тому, что удалось принять душ, пусть даже отстояв двухчасовую очередь, и просто-таки счастливы, если администрация гостиницы «благодетельствует» вас настольной лампой, ибо таковая для многоместного номера — почти недостижимая роскошь.

Но вот везение — вы волею судеб оказались в отличном, благоустроенном отеле. И если час назад вы мечтали хоть о какой-нибудь крыше над головой, то теперь уже критически поглядываете на неразглаженную складку покрывала, на цветное несоответствие обивки кресел и штор в номере. И это не только потому, что вы выросли в собственных глазах, став полноправным хозяином прекрасного номера, а стало быть, вправе требовать к себе максимального внимания, но и потому, что вам просто хочется, чтобы в хорошей гостинице все было хорошо. А кое у кого к этому естественному желанию присоединяется раздражительность.

Я был свидетелем того, как один из жильцов устроил горничной скандал только потому, что она подала ему в номер чай, заваренный, с его точки зрения, недостаточно густо. Горничная извинилась, сказала, что через три минуты принесет другой, но утихомирить привередливого жильца было не просто. Девушка расплакалась и в сердцах объявила, что завтра же уйдет с работы, пусть другие терпят оскорбления.

Она не ушла. Не потому, что этот инцидент забылся, незаслуженная обида живет в каждом из нас долго. Но

для того, чтобы уйти, в общем, с устраивающей его работы человек должен иметь более веские причины, чем чья-то случайная бестактность, даже грубость. А работать в отеле подавляющему большинству людей нравится. И, как это ни парадоксально, даже при сравнительно невысоких окладах в штатах самой распространенной категории работающих — горничных — вакансий нет. Больше того, при приеме на работу был своеобразный конкурс — на место старшей горничной (она же дежурная по этажу) в среднем претендовали трое.

Специальная кадровая комиссия, в которую входили представители ГК ЛКСМ, на собеседовании знакомились с каждой претенденткой, при этом решающими факторами были возраст (в отеле работает преимущественно молодежь), образование, манеры, знание иностранных языков, умение держаться, понимание своей высокой роли хозяйки гостиницы. Почему было так много желающих работать в отеле, несмотря на то, что труд там в принципе не очень легкий и не всегда приятный? Да потому, что работа в отеле, если вдуматься, сама по себе очень женская, и именно этим она привлекательна. Горничная, по сути, — та же хозяйка дома, от которой зависит, будет этот дом красивым, удобным, гостеприимным или нет. Женщины, наделенные качествами истинной хозяйки, работают в отеле, что называется, в охотку. Кроме того, многих по семейным обстоятельствам устраивает сменность — сутки дежурства, трое дома.

Словом, кадровой проблемы в том ее значении, когда работников попросту неоткуда взять, здесь не существует. Зато есть проблемы иного порядка. И, может быть, именно потому, что «Казахстан» — отель новый, профессиональные недуги гостиниц здесь выражены в более или менее обостренной форме.

Посидев несколько часов рядом с дежурным администратором, я провел хронометраж: на оформление нового жильца администратор тратит 5—7 минут. Стало быть, если кто-то оказывается в очереди десятим (это еще не самая большая очередь, которая устраивается в холле в дни массовых заездов), ему приходится ждать около часа. А у кого-то в городе назначено деловое свидание, кто-то вообще прилетел только на один день и дорожит каждой минутой, кто-то просто устал с дороги. Да и не слишком ли это щедро: в наш рациональный, высокоделовой век тратить время на очередь к администраторскому окошку?

Можно ли работать без очереди или хотя бы сократить их до минимума? Все четыре дежурных администратора ответили, что да, вполне. Объясняют: необходимо, чтобы администраторская служба была связана с дежурными по этажам селекторной связью для более оперативного обмена информацией о наличии свободных номеров; ну и, конечно, требуется немножко опыта самим администраторам в работе с документацией.

Все правильно, нужен селектор, нужен опыт. Но какой опыт?

Научиться быстро заполнять необходимые графы несложно. Значительно труднее научиться работать с людьми. Организовать свое поведение, найти такие формы общения с ними, чтобы люди не чувствовали себя обиженными даже в случае отказа принять их в отеле. А это целая наука, название которой пока еще не придумали, но она, на мой взгляд, сродни деонтологии — науке о взаимоотношениях врача и пациента. Администратор половину рабочего времени тратит на объяснения, казалось бы, простой истины — гостиница не в состоянии принять всех желающих (увы, это пока еще так, и не только в Казахстане). На то же можно затратить гораздо меньше времени, если владеть элемен-

тарными знаниями человеческой психологии.

В таллинской гостинице «Виру» я слышал, как в подобной ситуации дежурный администратор произнесла такую фразу: «Мы были бы рады вас принять, если бы имели хоть какую-то возможность. Поверьте, сейчас мы ее не имеем». И человек, к которому она была обращена, отошел от администратора если и неудовлетворенный, то наверняка убежденный в искренности должностного лица. Ничего сверхъестественного в этой фразе нет, слова как слова. Но произнесены они с соответствующей интонацией, сопровождаемые соответствующей улыбкой.

Если даже не брать во внимание психологические факторы, а касаться чистой арифметики, администратор «Виру» тратит на оформление жильцов времени вдвое меньше, чем администратор «Казахстана», которому попросту не хватает чисто профессиональных знаний. Так же, как их не хватает пока горничным. Иначе у них не возникало бы недоразумений с жильцами отеля по поводу чая и тому подобных мелочей.

Одна из горничных как-то посоветовала на то, что ей порой недостает элементарных знаний своей специальности. Например, вправе ли она поздно вечером напоминать жильцам о том, что у них просрочена оплата за номер. «Знаете, некоторые люди обижаются, говорят, зачем нас беспокоите, разве мы удерем, не заплатив? А администрация требует, чтобы мы не имели на этажах должников». Частность? Пожалуй, но таких частностей набирается много. И все они требуют ответа. Кто-то должен убедительно и очень подробно объяснить вновь принятым на работу служащим отеля, как себя вести в самых различных ситуациях, как строить взаимоотношения с жильцами, научить не умиению угодать, нет, а профессиональному такту и т. д.

В ряде других городов существуют специальные курсы по подготовке среднего звена служащих отелей. За несколько недель они под руководством опытных педагогов, в числе которых есть и психологи и врачи, изучают необходимые основы будущей профессии. В Казахстане таких курсов нет, хотя объем гостиничного строительства в республике довольно высок. В Москве и Сочи уже несколько лет администраторов отелей готовят специализированные техникумы, выпускники которых приобретают очень широкий круг знаний, там изучаются психология, иностранные языки, экономика, планирование, санитария и еще ряд предметов, имеющих отношение к их отрасли. Словом, там, где к вопросу подготовки кадров работников гостиниц относятся серьезно, дело ставится на государственную основу.

Правда, дирекция «Казахстана» делала попытки пригласить для факультативных занятий с обслуживающим персоналом отеля преподавателей сочинского техникума. Оттуда ответили согласием, но преподаватели так и не прибыли в Алма-Ату...

Дело, конечно, прошлое. Но факт несерьезного отношения к подготовке будущих специалистов, подчеркиваю — специалистов гостиничного сервиса, — налицо. Ведь и до сих пор никаких, даже факультативных занятий с вновь принятыми на работу людьми в отеле не проводится. Правда, комсомольская организация гостиницы делает робкие шаги в этом направлении: обобщается опыт лучших дежурных по этажу, горничных, а недостатки в их работе также становятся предметом разговора комсомольцев на собраниях. Но, чтобы восполнить пробел в профессиональной подготовке обслуживающего персонала отеля, предприятия весьма специфического, усилить одной комсомольской организации недостаточно, нужны объеди-

ненные действия руководства отрасли, городских общественных организаций.

Есть и еще один вопрос, над которым стоит поразмышлять. Пожалуй, самый болезненный. Гостиничных мест в наших городах, особенно в крупных, с развитой промышленностью, широкой сетью научных учреждений, пока не хватает. Пока, ибо в будущем, несомненно, проблема будет решена: гостиничному строительству уделяется все больше внимания. Ученые сейчас разрабатывают научно обоснованные нормы необходимого количества гостиничных мест для разного типа городов. Но пока в редком отеле вас не встречает в холле традиционное «мест нет».

Их действительно нет. Хотя и не исключено, что занятые места фактически не заняты. Они попросту на брони, оплачиваемой брони. Ибо некоторые организации и предприятия предпочитают оставлять за собой почти на вечное пользование ряд номеров и оплачивать их только для того, чтобы в случае нужды не заниматься добыванием гостиницы, что всегда сопряжено с трудностями для приехавших по их ведомству командированных. Накладно? И не погосударственному? Да, но зато как удобно иметь «свои» номера. Тем временем люди, у которых и нужда-то всего — переночевать одну ночь, спят в холле на креслах. Мы наблюдали подобное и в «Казахстане». Свободные номера были, но их не давали, пусть даже только до утра, объясняя это тем, что номера «на брони» или их готовят для какого-то большого организованного заезда. И хотя по-человечески администраторы были бы рады помочь людям, маявшимся у них на глазах, они не имели права отдавать уже оплаченные предусмотрительными организациями места.

А ведь решение проблемы подсказано самой жизнью: если до контрольного часа, скажем, до десяти вечера, места, забронированные каким-то ведомством, остались не занятыми его представителями, бронь снимается до десяти утра следующего дня. Выигрышно все — ведомство платит соответственно меньше, уже не за сутки, а за половину, гостиница имеет прибыль, взимая с вновь прибывшего жильца полную суточную плату, а самое главное, люди не терпят неудобств, ничем не оправданных.

Коммунальный сервис давно перестал быть побочной отраслью. О необходимости совершенствовать сферу услуг все чаще говорится с самых высоких трибун. У нас в стране уже немало гостиниц, архитектура и планировка которых отвечает самым взыскательным требованиям. «Казахстан» — одна из таких. И тем обиднее, что, решая гораздо более сложные проблемы, связанные с развитием этой отрасли, руководители ее на местах упускают из виду вопросы, казалось бы, лежащие на поверхности, подсказанные многолетней практикой и не требующие значительных материальных затрат. Пока же уровень проектирования отелей, качество их строительства опережают уровень их эксплуатации. Для наглядности это можно сравнить с такой ситуацией: проектировщики создали прекрасную, умную, высокопроизводительную машину, а вот заставить ее работать на полную мощность некому. Потому что обслуживающий ее персонал оказался недостаточно квалифицированным. Отсюда следует: в интересах дела при проектировании машины думать о том, кто будет ею управлять.

Гостиница — в определенной степени тот же сложный механизм, от мельчайших неисправностей которого зависят наше с вами самочувствие, настроение, наша работоспособность. Именно поэтому наш дом в другом городе обязан быть всегда гостеприимным.

Старший сержант Иван Раабе проснулся от ноющей боли в пальцах правой руки, которую он во сне высунил за брезентовый полог палатки. На земле, еще вчера вечером теплый и мягкой, лежала седая ломкая корка инея. Иван сунул одеревеневшие на холоде пальцы под шинель и, почувствовав, как боль проходит, хотел было доспать оставшиеся до подъема час-полтора. Но сон не шел...

Ян ВЛАДИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены».

«ПРИКАЗА НЕ ОТМЕНЯЮ...»

Тогда он осторожно, чтобы не выпустить из-под шинели драгоценное тепло, перевернулся на спину и, открыв глаза, представил в деталях, как все это произойдет. Где-то к обеду батарея вернется в расположение. Час на то, чтобы привести в порядок технику, загнать ее в парк, сдать имущество батарее теперь уже новому старшине сержанту Анатолию Осадчуку. Потом он достанет давно отглаженную парадную форму (на брюках стрелочки—порежешься), пройдет суконкой по пуговицам (батарея несколько дней на учениях, могли и потускнеть), побреется, в общем, наведет лоск. Пожитки в портфель сложить—минутное дело, да и чего там особенно собирать! Всякая мелочь да фотоальбом, который между собой они называли дембельским, где его, Ивана Раабе, солдатская жизнь, от курса молодого бойца до последних дней.

Впрочем, вся ли? В альбоме, в который по сложившейся традиции Иван старательно еще за полгода до демобилизации начал вклеивать фотографии своих товарищей по батарее и свои собственные, все получалось как на витрине фотоателье—красиво и безмятежно. То он сидит в обнимку с кем-нибудь из ребят возле спортгородка, то изображен с гитарой на подмостках поселкового клуба в гостях у шефов, как заправский менестрель, или кто-нибудь в этом же роде. Правильно, бывают и в их жизни короткие минуты отдыха, но в основном состоит она совсем из другого.

Это другое еще долго будет жить в памяти Ивана тугим цепким клубком, в который спрессованы долгие ночные марши по гладкой, продуваемой насквозь степи, когда глаза устают от белого однообразия, надрывный рев двигателей «Уралов», карабкающихся вверх по скользким склонам гор, грохот гаубиц, отдающийся молотом в висках, липкий пот на груди, между лопаток, на губах, когда начиналась их работа с орудием, после которой еще долго самые обычные вещи вроде собственного сапога видишь сквозь словно налившуюся на глаза «марку» прицела. Да мало ли из чего еще складывается их солдатская служба, чем не принято хвалиться на гражданке, но что прочно остается в каждом из тех, кто хлебнул свою порцию из армейского котелка! Взять хотя бы эту палатку с негнущимися, заледевшим пологом, ребят в ней, ставших для него, Ивана, за два года службы близкими и дорогими. Ох, как ему будет

не хватать их там, в новой жизни, от которой успел отвыкнуть. Особенно Сергея Батлука, Петра Помазного, Вахоба Худайбердыева, Ивана Бруделя. Он сегодня простится с ними, и кто знает, доведется ли им еще когда-нибудь встретиться.

За его спиной, что-то бормоча во сне, зашевелился Вахоб. Вахобджан, как уважительно называл своего наводчика Иван. В начале службы Худайбердыев, выросший под Ферганой, неважно говорил по-русски. Когда товарищи по взво-

стров зажигать было нельзя, чтобы не выдать местонахождение батареи, спали прямо в окопах, рядом с орудиями, застелив дно жестким вереском. Рядовой Григорий Мартынов тихо охал, тер варежкой широкое, белобровое лицо и чистил почем зря мороз, и ветер, и узкий неглубокий окоп, в котором они лежали, тесно прижавшись друг к другу.

Худайбердыев молча сидел в стороне, привалился плечом к стенке окопа, поджав под себя ноги. Иван думал, что наводчик спит, и откровенно ему завидовал. Но Вахоб не спал, и, когда Мартынов в очередной раз полез наверх побегать, чтобы согреться, он дернул того за сапог и, протягивая сверток, пробурчал:

— Надаел—лазает, лазает, вот на, надень, может, тепло будет.

— Братцы,—воскликнул Мартынов, разворачивая сверток,—да это ж рубашка нижняя, да еще байковая! Откуда. Вахобчик?

— Запас имел.

— Ну и ну...—Лязгая зубами, Марты-

ручью. Хрустнул под сапогами лед у берега, Иван зачерпнул обжигающей, с ледяными крошками воды, брызнул на лицо, растер щеки рукавом шинели, полез обратно наверх. Слева, у позиции крайнего орудия, маячила фигура часового.

«Володька Бунин,—узнал Иван,—его шапка, второй год служит, а головной убор носить не выучился». И тут вдруг ему навстречу из-за кустов вынырнул старший лейтенант Каралетян. Раабе улыбнулся, но, встретив сосредоточенный взгляд командира батареи, вытянулся перед офицером в струнку, выдохнул с хрипотцой:

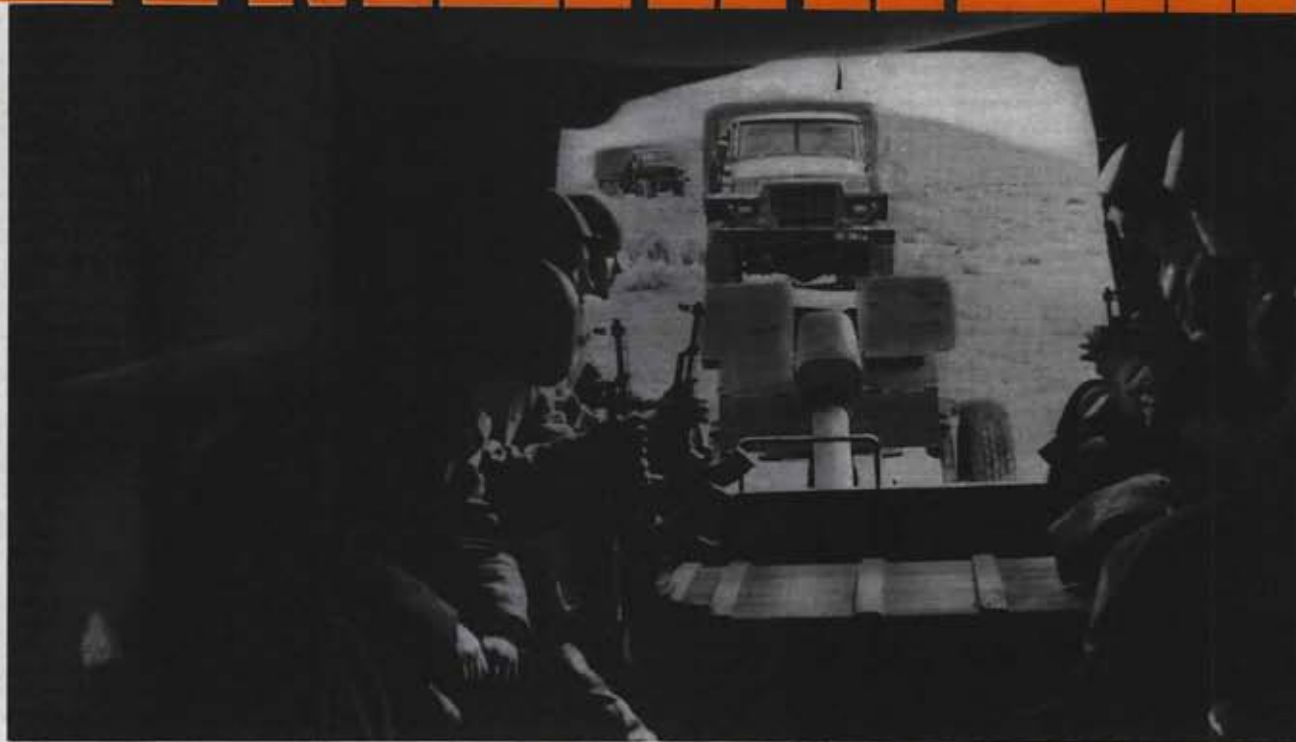
— Здравия желаю, товарищ...

— Раабе, ты?—Каралетян одернул портупею.—Поднимайте батарею, товарищ старший сержант... Поднимайте по тревоге, быстро.

Сказал и пошел дальше, вернее победил. Уже на ходу из темноты бросил:

— Через пятнадцать минут снимаемся.

...Уже в машинах личному составу раздали по серой картонной коробке с



ду подтрунивали над его ошибками в произношении, он отшучивался:

— Я тэбэ нэ какава-нибудэ дыктор, я наводчик.

А наводчиком он действительно скоро стал таким, что не в каждой батарее сыщешь. Когда они работают на прямой наводке, у него цель входит в «марку» прицела с ходу без поправок. А быстрота для артиллериста—первое дело, особенно когда батарея противостоит танкам. Тут, если с одного-двух выстрелов цель поразить не успел, считай поединок проигранным—танкисты тоже мазать не любят. Занимался с Вахобом русским языком он, Иван. Месяца три они долбили склонения и спряжения. Худайбердыев был упрям, даже после отбоя в кровати, как молитву, бубнил шепотом: «День, дня, дню, днем... гильза, гильзы, гильзе...»

Ивану вспомнился случай на учениях. Несколько дней они шли по горным дорогам, пока наконец не достигли заданного района. Шли—вроде ничего, а тут вдруг поднялся ветер, да такой, что маскировочные сети срывало, как листья с деревьев. Грунт промерз на полметра в глубину; пока позиции подготавливали—ладони в кровь посбивали. Ко-

нов разделся, натянул на себя рубашку и блаженно улыбнулся.—Ребята, лафа!

А ночью, когда все спали, согретье тепло друг друга, Иван проснулся от шороха ссыпавшейся в окоп земли и увидел Вахоба. Тот стоял наверху и приплясывал то на одной, то на другой ноге. И тут Раабе осенило:

— Так ты, значит, не лишнюю рубашку Гришке отдал?

— Ну и что! Я горячий, кровь быстро бэгает. А ты не гавари никому, что меня такой смешной видел. А то мне плохо будет, понимаешь?

Да, вот такой он, Худайбердыев Вахобджан, наводчик первого класса...

...Иван вылез из палатки, в лицо ударило морозной утренней свежестью. Сквозь низкие—рукой достанешь—облака высвечивали уже исчезающие звезды. Бело-синие, они гасли буквально на глазах, словно уплывая в неведанную, недосыгаемую бесконечность. Такого ночного неба, как здесь, в горах, Иван не видел нигде и никогда—необъятного, многоцветного, тяжелого от звезд, как рыбацкая сеть, полная добычи. Смотри, Иван, запоминай, будет ли еще в твоей жизни такое.

Он съехал на одних подошвах вниз, к

В ЗАДАННОМ РАЙОНЕ ОНИ БУДУТ ТОЧНО В НАЗНАЧЕННОЕ ВРЕМЯ.

сухим пайком. Мартынов тут же его распаковал, поиграл банками, выбирая ту, что потяжелее, вскрыл штыком.

— Пойдет, ребята, мажь на галеты, тушенка!

Сергей Батлук повернул к Ивану скуластое лицо, хрустя галетой, проговорил:

— Не расстраивайся, Иван, к вечеру все равно будем в расположении, проводим тебя честь по чести.

Ничего не ответил, Раабе только качнул головой и крепче вцепился правой рукой в скобу, потому что дорога пошла под уклон. Было видно, как швыряло из стороны в сторону прибуксированную к «Уралу» гаубицу. Он вовсе даже не расстраивался из-за того, что внезапный марш спутал его планы, хотя дома его ждали именно к празднику, и наверняка мать будет переживать и думать бог знает что, если он задержится. Тем более он сам же дал телеграмму, что едет. Но ничего, такая она, солдатская жизнь, приедет домой, объяснит то, что можно будет.

Тут машину тряхнуло так, что Батлук подлетел вверх, ткнувшись плечом в борт, навалился на Ивана.

— Мы едем, едем, едем в далекие края...— заголосил с набитым ртом Мартынов.

— А вот где остановка, того не знаю я,— в тон ему подтянул Сергей.

С Батлуком Раабе подружился сразу, как только тот прибыл в батарею. Иван тогда еще ходил в наводчиках, командиром орудия его назначили через полгода. Сдружила их музыка. Раабе до армии играл на ударнике в поселковом ансамбле «Молодые голоса», Сергей любил гитару, неплохо пел. Иван помнит, как, появившись в батарее, Батлук вечером разыскал его в бытовке.

— Я слышал, ты барабанил чуть-чуть до службы, может, попробуем вместе, а?

Они попробовали. И скоро слушать их приходили по вечерам из других подразделений. Но гитара для Батлука—это

ко секунд раньше».—любит повторять Каралетян. Впрочем, Батлук не из тех, кого надо подстегивать: он свое дело знает, отличник боевой и политической подготовки, специалист I класса.

...Серой гусеницей тянется колонна по ущелью. Сохраняя дистанцию, идут «Уралы» друг за другом, по-звериному рыча на крутых подъемах, оставляя после себя изрытый оспинами протекторов след, который разглядят на этих пустынных склонах разве что сели или лавины, больше некому. Ветер бичом хлестал и пузырил брезент кузовов, катил по голым склонам и лепил в лобовые стекла ворохи колкой, сухой травы. Но колонна упрямо шла все дальше и дальше на восток. Впереди колонны, прокладывая ей путь, двигалась головная командирская машина старшего лейтенанта Каралетяна. Его «Урал» первым пробовал дорогу, сигналила остальным, если попадался трудный участок. На плоскогорьях, где грунт был прочным, Каралетян давал команду во-

мандное училище имени 26 бакинских комиссаров. И три его самых близких товарища тоже избрали судьбу кадровых военных. Год назад у них случайно совпали отпуска, и они встретились в родном городе. У всех четверых были разные эмблемы и одинаковое количество звездочек на погонах. Сели, поговорили, с мальчишеской увлеченностью поспорили о преимуществах родов войск, которые они представляли, но в основном сошлись—судьбами своими они распорядились правильно.

...Водитель достает откуда-то из-под педалей теплую банку тушенки—ухитрился разогреть ее на ходу, пристроив поближе к двигателю.

— Ешьте, товарищ старший лейтенант, пока опять не застыла.

Каралетян мотает головой:

— Спасибо, Хныкин, не хочется.

Тот обиженно умолкает, сует банку в грудь ветоши.

Каралетяну действительно не хочется есть, голова его занята совсем другим.

решительному виду, сходить с дороги не собирался. Командир батареи выпрыгнул из машины.

— Что такое, сержант?

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?—Каралетян кивнул.—Наш командир просит вас зайти к нему на КП.

Вскарабкавшись следом за сержантом по отлогому склону холма и пройдя метров сто по гребню, Каралетян оказался в расположении мотострелкового подразделения. В неглубоких, видимо, только вчера вырытых (срезы на земле были совсем свежие) окопах залегли автоматчики, техника их находилась где-то неподалеку; до Каралетяна доносились пофыркивание моторов.

Из-под растянутой над одним из окопов плащ-палатки навстречу ему вышел капитан с полевым биноклем на груди. По его еще очень молодому, но уставшему лицу можно было догадаться, что последние сутки были для него не самыми легкими.

«БАТАРЕЯ ...ТОВСЬ!»

НАВОДКА ОРУДИЯ—
ДЕЛО ТОНКОЕ.



так, между прочим. Он по специальности техник-строитель, мечтает после службы поехать с отцом, специалистом по монтажу турбин, в Печору на большую стройку. Там сейчас работы невпроворот. А здесь, в армии, Батлук вычислитель—специальность в артиллерии самая необходимая. Без вычислителя батарея все равно что машина без водителя: он готовит и выдает данные для стрельбы—рассчитывает параметры цели, угол наводки, дальность, прицел. Ошибись он на миллиметр при вычислении—снаряды уйдут от цели на 40—50 метров.

Но на первых стрельбах Батлуку не повезло: за спиной у него стоял наблюдатель из вышестоящего штаба. Он не вмешивался, но Сергей затылком почти физически ощущал его цепкий, придирчивый взгляд. Продолжалось это не больше пяти минут, потом он весь ушел в работу, думать о чем-то постороннем было некогда—целеуказания с НП следовали одно за другим. В современном бою иначе и не бывает: высокие скорости боевой техники предполагают непрерывную смену обстановки. «В артиллерийской дуэли двух батарей побеждает та, у которой лучшие вычислители, потому что она выдает залп на несколь-

дительно увеличивать ход, и вся колонна, следуя примеру ведущего, устремлялась вперед, усиленно газуя, навесывая время, потерянное на крутых склонах.

В заданном районе они должны были быть в 9.00 и ни минутой позже. Таков приказ, переданный Каралетяну по радио. До получения приказа старший лейтенант успел целых два часа соснуть, а это в условиях учений не так мало, если учесть, что иные сутки и вовсе напролет проводились на ногах. Некоторые ухитряются спать в машине, а вот Альберт не мог, не умел: почти всегда за спиной у него шла колонна, и отдых в этой ситуации казался ему чуть ли не предательством по отношению к подчиненным, которых он вел за собой. Будучи по натуре человеком мягким, Каралетян мог многое простить другим, не прощав лишь равнодушия к общей работе, стремления перевалить свою ношу на другого.

После школы Каралетян хотел стать педагогом, преподавать историю. Это было почти решено, и все домашние одобряли его выбор. Но тут произошли события на Даманском, и он подал заявление в Тбилиское Краснознаменное высшее артиллерийское ко-

до района развертывания осталось километром десять, не больше. По времени они укладываются вполне, имеют даже некоторый запас. А вот что будет там, в районе? Об этом в приказе не сообщалось, но судя по всему, на том участке со стороны «противника» ожидался танковый удар. Что ж, поживем—увидим, главное, батарея почти у цели.

Теперь, когда пройдены самые трудные участки маршрута, уже ничто не должно помешать им почти на час раньше подготовиться батарее к бою. Мысль об этом не могла не радовать старшего лейтенанта, что было вполне объяснимо. Ведь его работа как раз и заключалась сейчас в том, чтобы провести колонну по маршруту за минимальное время. В конечном итоге именно из этого складывается такое понятие, как обороноспособность, за которую он, Каралетян, его непосредственные командиры и подчиненные ответственны здесь, на этой земле, изрезанной цепью горных хребтов.

Мысли Каралетяна прервал внезапно появившийся на дороге невысокий, в пропыленной, перепачканной землей шинели сержант. Он стоял на пути колонны, подняв руку, и, судя по его

— Первачев. Командир мотострелкового подразделения. Выручай, артиллерия,—сразу приступил он к делу.—Тут за сопкой минометная батарея «противника», обозначенная на местности щитами. Не подавив ее, дальше идти мы не можем. А приданные нам орудия придут только через два часа... И обойти батарею, будь она неладна, нельзя, моя разведка уже все вокруг облазила. Помогите, товарищ старший лейтенант, такое дело... Для ваших гаубиц это разчихнуть...

Голос у капитана был хриплый, то ли сорванный, то ли простуженный, и, когда он говорил, лицо его краснело от напряжения.

— Так как, поможете?

Каралетян думал. Он хорошо понимал, каково сейчас этому капитану. Минометная батарея перекрывала путь его подразделению, заставляя напрасно терять время. А с БМП до цели не достать, не та дистанция. Так что без артиллерии тут не обойтись. И вообще, что бы там ни говорили о преимуществах реактивного оружия, пушка еще долго будет служить верой и правдой в бою, как надежный, высокопроходный, маневренный вид боевой техники, способный поражать любые цели на значи-

тельных и минимальных расстояниях. Правда, пушка сейчас не та, что была прежде. Возросла ее скорострельность, огневая мощь, улучшились средства ее транспортировки. Взять хотя бы их 122-миллиметровые гаубицы. Легкие, подвижные, с круговым обстрелом, они незаменимы в поле и в горах, в любых условиях, против любых целей.

Все это так, но и его, Карапетяна, положение не из легких. Залас времени у самих артиллеристов не так уж и велик.

— Без приказа не могу, товарищ капитан. Рад бы, но не могу.

— Ладно, дайте позывные, сейчас вызовем ваше командование.

— Я сделаю это сам.

Найти в многоголосье эфира нужный радиоабонент не так просто. Но командир отделения связи сержант Сергей Хамыляев чувствовал себя в этом бушующем радиоморе звуков как рыба в воде. Связь с «пятым» он дал почти мгновенно и в таком чистом виде, что,

высокой отвесной скалы, почти сливаясь с ее глянцевой стеной. Карапетян, замерив расстояние, потянулся за биноклем.

— Сколько у вас, Кандауров?

Командир отделения артрязведки посмотрел на таблицу:

— Пять тысяч двести.

— Все точно. Значит, в угол укладываемся... Запросите готовность батареи, Хамыляев. Сейчас будем передавать целеуказания.

— Батарея к стрельбе готова.—Хамыляев вопросительно смотрит на Карапетяна. Тот медлит, надо еще раз просчитать координаты, на пристрелку нет времени, значит, они обязаны поразить цели с первого, максимум со второго залпа. Пока разведчик и вычислитель перепроверяют данные на цель, Хамыляев следит за секундной стрелкой на часах—когда же?

И тут Карапетян чувствует, что разведчик волнуется, это плохо, это мешает работе, мешает сосредоточиться.

отбросило его далеко в степь. Карапетян вытащил из кобуры ракетницу...

Когда они ехали обратно, догоняя свою батарею, дорогу им преградила колонна БМП. Из люка головной машины высунулась голова капитана Первачева. Держа в одной руке шлемофон, он что-то кричал, улыбаясь. Старший лейтенант сумел разобрать только: «Спасибо, артиллерия».

...Они успели. В 9.00 батарея 122-миллиметровых гаубиц была полностью готова к бою. Карапетян выбрал позицию за небольшим пригорком, который скрывал орудия почти до половины, но оставлял полную свободу маневра. Впереди, метрах в восьмистах, горбатилась гряда голых серых холмов, западные склоны которых были на виду и просматривались по всему горизонту.

Проверив установку калибратора, Раабе отдал ручки поворотного механизма, установив прицел на едва заметный бугорок на гребне холма прямо перед ним. Вахоб Худайбердыев стоял рядом и

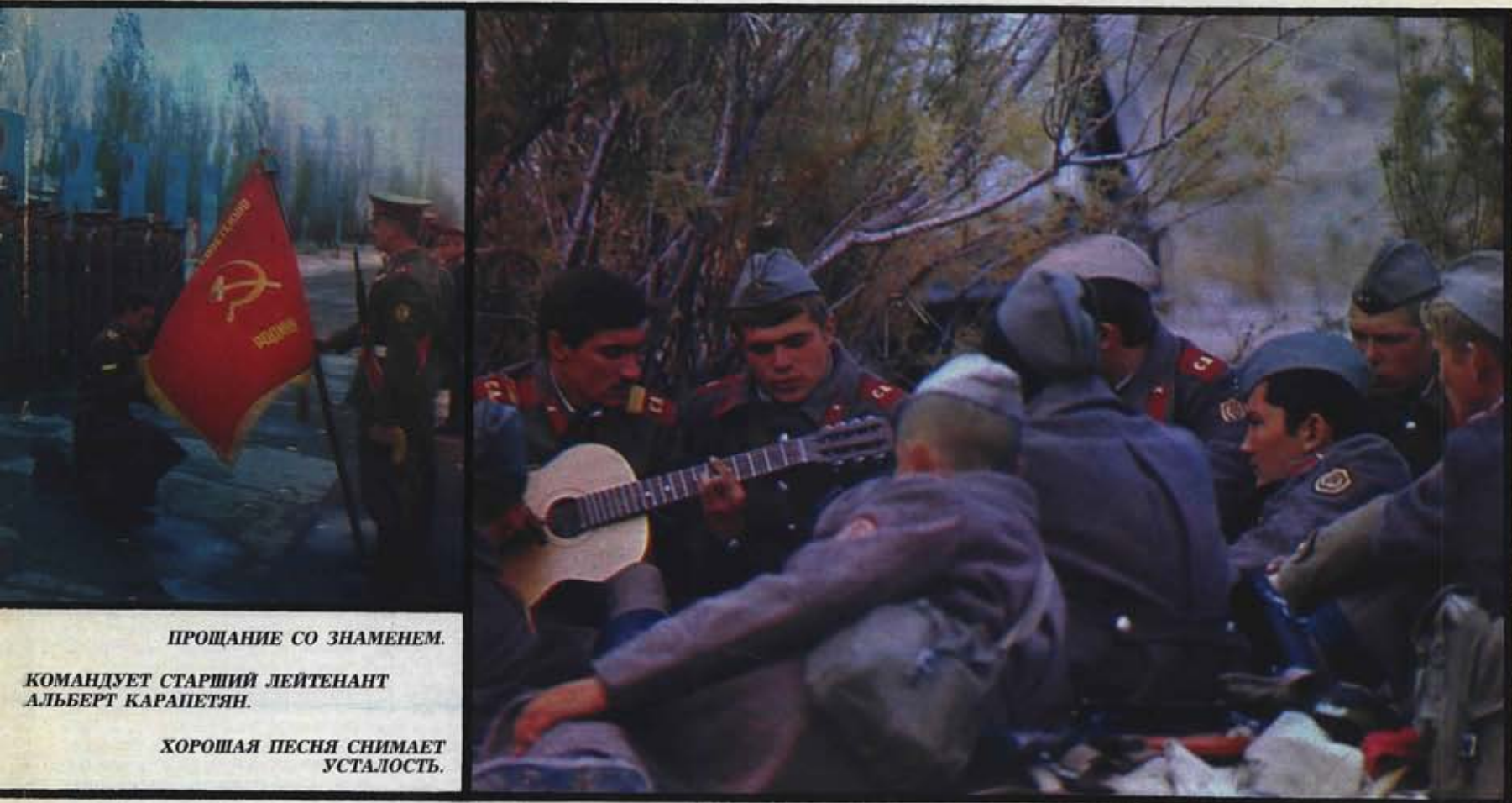
— Заряд уменьшенный... Прицел 160. Уровень 30—28... Дальность 3200...

Он никогда не был особенно сентиментальным, но в те минуты ему казалось, что он прощается со своим оружием, к которому успел привыкнуть, которое никогда не подводило его, как не подводит товарищ, оружием, ставшим могучим, грозным продолжением его солдатского «я».

На следующее утро перед разводом командир гаубичного дивизиона капитан Поверенный обратился к командиру полка с просьбой:

— Товарищ подполковник, увольняемые в запас сержанты Раабе, Помазной, Хамыляев, Кандауров хотят проститься со знаменем части. Я поддерживаю их просьбу.

Подполковник задумался: проститься со знаменем—это честь, которой удостоивается далеко не каждый! Он попытался представить лица людей, фамилии которых назвал капитан. Да, он знал их всех, видел не раз в учебном



ПРОЩАНИЕ СО ЗНАМЕНЕМ.

КОМАНДУЕТ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ АЛЬБЕРТ КАРАПЕТЯН.

ХОРОШАЯ ПЕСНЯ СНИМАЕТ УСТАЛОСТЬ.

не зная, где он находится, Карапетян мог подумать, будто говорит из своей квартиры с соседом по лестничной площадке. Объяснив ситуацию, старший лейтенант с полминуты слышал густое покашливание, потом:

— Приказа прибыть в район в ранее назначенное время не отменяю. Что касается артподдержки мотострелков, действуйте, сообразуясь с обстановкой... А вообще-то, рассуждая по военному, надо им помочь, Альберт Антонович.

Большого Карапетяну и не требовалось. Развернув батарею и скомандовав: «К орудиям!»,—он с Хамыляевым и еще двумя бойцами сел в машину. По пути они заскочили к мотострелкам.

— Есть добро!—крикнул он капитану.—Корректировать огонь буду сам с того вон валика.—Карапетян показал рукой в сторону холма, высившегося чуть правее места, где была расположена «батарея» условного противника.

Тот кивнул:

— Правильно. Давай оттуда. И как только цели повалите, мне сигнал. Я сразу бойцов на машины и вперед...

Метровые, с черными кругами посередине щиты стояли у самого основания

— Спокойно, Кандауров, нужна предельная собранность.

Он переводит взгляд на Хамыляева. Вот кто всегда умеет оставаться невозмутимым. Отличный связист, разберется в любой радиосхеме. Но Карапетян знает: промахнется батарея, Сергей первым будет переживать неудачу, искать ее причину. А ведь не сразу он стал таким. Сначала Хамыляев держался среди бойцов особняком: «Мое дело—радио, связь...» Как-то выдали ему ребята на комсомольском собрании, особенно Брудель: «Правильно, за связь с тебя спрос, но ты комсомолец, значит, отвечаешь и за то, чтобы и рядом с тобой полный порядок был, чтобы твой армейский коллектив был еще сплоченнее, и запомни: батарея—это огневая и тактическая единица, а единица—значит целое. Кстати, это ты сейчас связист, а понадобится—встанешь к орудию!» Подействовало.

Все. Пора. Теперь можно... Резкий грохот прокатился по горам.

Первый снаряд ударил в самое основание скалы. Брызнули во все стороны, рассекая со свистом воздух, тысячи каменных осколков. Последним взрывом подняло уже поверженный, вырванный из земли, но уцелевший щит и

не вмешивался, понимая, что командир имеет сегодня право сделать и часть его, Вахоба, работы, как-никак начинал Иван в батарее тоже с наводки. А это для людей понимающих говорит о многом. Настоящему наводчику, как пилоту—самолет, послушно многотонное орудие, у него свои не менее чувствительные приборы управления: механизмы поперечного качания, углов места цели, дистанционный барабан, множество шкал, отсчитывающих траекторию полета многокилограммового снаряда с точностью до десятка метров.

Расчеты замерли в ожидании команд, метеорологи сняли показания своей аппаратуры, чтобы дать поправки вычислителям. Сергей Батлук, чем-то напоминающий со своим раскладным ящиком художника, вышедшего на эюды, был готов принять с наблюдательного пункта координаты цели и, обработав их, передать Карапетяну. В 9 часов 20 минут батарея вступила в бой с танками «противника», преградив им путь в долину.

Раабе стоял возле своего орудия и кричал, стараясь «проскочить» в паузу между оловянным звоном гильз, лязгом орудийных затворов, откатных механизмов.

бою, объявлял им благодарность перед строем. Особенно хорошо помнил Раабе. Почему именно его?

Это было на учениях. Раабе вместе с группомсоргом Иваном Бруделем, узнав, что соседняя батарея запаздывает с маскировкой орудий, подошел к Карапетяну и попросил разрешения пойти помочь соседям.

— Дело добровольное,—ответил тот,—решайте сами.

Разговор их слышал командир полка, обходивший в это время позиции батареи.

— А пойдут за вами люди?—спросил он у Раабе.—Сами-то устали, ведь только что оккупываться кончили...

— Думаю, пойдут, товарищ подполковник.

И ведь пошли все как один, стоило только Раабе сказать, что так надо для общего дела.

С тех пор командир полка запомнил этого худощавого темноволосого парня, который оказался к тому же командиром лучшего в батарее расчета.

— Значит, Помазной, Хамыляев, Кандауров, Раабе?

— Так точно,—кивнул капитан.

— Ну что ж, хорошие парни и солдаты настоящие, пусть простятся.

Александр ВЕХОВ,
кандидат
физико-математических наук.

«Правильно говорится: нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования».

Л. И. БРЕЖНЕВ

НЕЙТРИНКА

Давно ли к снежным вершинам Альп, Кавказа и Памира физики несли в рюкзаках нехитрые приспособления для регистрации космических лучей — гейгеровские счетчики. В ту «романтическую», по выражению Гейзенберга, пору научные коллективы «космиков» не превышали нескольких человек, и каждый из них был сопрячен тайне: откуда пришли эти загадочные лучи, о которых безучастно однообразными щелчками сообщают приборы?

В горах, в удаленности от суеты городов, от застилающей небо копоти, через прозрачный холодный воздух ночами лучше видишь глядящий на нас мириадами глаз космос. И поневоле проникаешься его величиной и загадочностью. Лишь теперь открываются нам единство всей природы, взаимосвязь событий во Вселенной и на Земле. Идеи, впервые научно обоснованные выдающимися русскими учеными Вернадским и Чижевским, привели к интересным, порой даже неожиданным открытиям. Например, среди причин активности Солнца, влияющей, как теперь известно, на состояние биосферы, обнаружена зависимость этой активности от группового положения планет. Никогда не иссякало стремление людей разобратся в неведомом. Вернадский относил его к отличительной особенности человеческого сознания, которому в конечном счете обязано все многообразие материальной и духовной культуры.

В наше время это стремление получило организованную форму выражения через научные исследования. Все меньше остается предметов познания, в которых можно разобратся, не соорудив хитроумные системы для проведения экспериментов. То же можно сказать и о современной физике космических лучей. Чтобы их удачно регистрировать, бесполезно лезть и на самые высокие горы. Большинство космических частиц задерживается еще в верхних слоях атмосферы. Есть, однако, и такие частицы, которые пропускает не только атмосфера, но даже и вся толща планеты: нейтрино. Лишь очень редко нейтрино может застрять в ядрах некоторых элементов. Нейтрино, как говорят физики, имеет малое сечение взаимодействия — меньше, чем у всех других элементарных частиц. Рождаясь в недрах звезд при термоядерных реакциях, нейтрино свободно проникает через огромные толщи звездной плазмы и продолжает свое движение со световой скоростью в просторах космоса. Потоки нейтрино несут «отпечаток» породивших их процессов. Нет пока у физиков никакой другой возможности заглянуть в недра звезд и нашего Солнца иначе, как «ощупать» потоки нейтрино. Только так можно понять прошлое, предугадать будущее нашего светила. Конечно, в любом случае люди не в состоянии вмешаться в деятельность Солнца, но... все то же их извечное стремление.

Конечно, об этом стремлении не говорят сплошь и рядом, однако оно подспудно заставляет вершить все обыденные дела. Те самые, из которых в конечном счете состоит физический эксперимент и его подготовка. А для нейтринных экспериментов они особенно громоздки: проведение таких опытов связано с построением огромных систем регистрации. В Советском Союзе эксперименты с космическими нейтрино решили вести на Северном Кавказе, где в Баксанском ущелье, немного ниже знаменитого горнолыжного курорта Терскол, у подножия горы Андрычи построена Нейтринная обсерватория Института ядерных исследований Академии наук СССР.

С некоторыми из ее сотрудников я знаком еще по учебе на факультете теоретической и экспериментальной физики МИФИ. Когда приблизилось распре-

деление, то на эту только начавшую строиться станцию первыми из нашего выпуска уехали Володя Тизенгаузен и Евгений Алексеев. Естественно, что, приезжая время от времени на Северный Кавказ, я заворачивал и к своим знакомым. Им было что рассказать не только о будущих проектах, но и о своих исследованиях, начавшихся задолго до пуска гигантских установок. Ждать никому не хотелось, параллельно с текущими заботами нетерпеливо стремились они установить свои приборы в тоннеле, прорытом всего метров на триста. Но этого уже оказалось достаточно, чтобы толща крутого склона Андрычи действовала для многих космических частиц, словно фильтр.

На первых порах предполагалось проверить один из ядерных процессов, обнаруженных итальянскими физиками при регистрации космических лучей в тоннеле под Монбланом, — так называемый Турин-эффект. Сутками поочередно велись наблюдения, поздними вечерами проявлялись пленки, читались и разбирались научные статьи. Заходя в общежитие, я поневоле проникался этой обстановкой. Мне как привычному гостю да и просто из желания пообщаться рассказывали об этих измерениях, о жите-бытье. А оно, это жите-бытье, несмотря на вроде бы внешне одинаковые неудобства, протекало у каждого по-своему. Когда я оказывался у Володи Тизенгаузена, то уютная его комната, книги, радушная хлопотливая жена с маленьким сынишкой напоминали бы московскую квартиру, если бы не горные вершины за ее окнами. По всему было видно, что Володя устроился основательно и надолго, словно решившись взять в «осаду» исполнение будущих проектов. Но последнее впечатление скорее чисто внешнее — Володя, как, впрочем, почти все остальные, не ожидал затягивания сроков пуска станции. Он энергично отлаживал одну из вспомогательных установок — так называемый «Ковер», состоящий из четырехсот полуметровых счетчиков. Предназначался «Ковер» для регистрации ядерно-каскадных лавин, возникающих при столкновении высокоэнергетичных протонов с ядрами атомов верхней атмосферы. Впрямую этот эксперимент не имел отношения к нейтрино, но косвенно — да. Дело в том, что на будущем телескопе собираются регистрировать не сами нейтрино, а те события, которые они вызывают, застревая в ядрах. Впрочем, пора сделать маленькое популярное отступление в область ядерной физики, а также по существу самого проекта нейтринной станции.

Как-то было обнаружено свойство нейтрино задерживаться в ядрах некоторых атомов. Эта задержка не проходит бесследно для ядра — один из его нейтронов под действием нейтрино выбрасывает электрон и превращается в протон. Общий заряд ядра атома увеличивается на единицу, и он «соскальзывает» в соседнюю клеточку таблицы Менделеева, уже принадлежа к другому химическому сорту атомов. В качестве атомов — ловушек нейтрино советский академик Бруно Максимович Понтекорво предложил изотопы хлора-37. В этом случае «вылавливать» придется атомы инертного газа аргона-37. Но далеко не всякие нейтрино могут вызывать эту реакцию, а лишь нейтрино с энергией, превышающей 816 килоэлектрон-вольт. Но это не единственное ограничение — большинство из таких нейтрино не зацепятся в атомах хлора. Чтобы увеличить вероятность этого процесса, в детекторе должно быть очень много хлора, скажем, сотни и даже тысячи тонн. А число родившихся атомов аргона-37 будет исчисляться десятками. Тонны атомов с одной стороны и поштучно атомы с другой — попробуй вытащи их из всей массы детектора.

Лишь через 10 лет после предложения Бруно Понтекорво американец Рей Дэвис соорудил хлор-аргоновый детектор для регистрации нейтринного потока из ядерного реактора. Он использовал 12 тонн перхлорэтилена, залитых в огромный герметичный бак. Туда ни в коем случае не должен был попадать атмосферный воздух — ведь в нем содержится около одного процента атомов аргона. Эти «конкуренты» могли «смазать» всю красивую картину регистрации нейтрино: тогда уже бесполезно разбираться, откуда взялся в детекторе атом аргона. Поэтому установку тщательно калибровали. Только после этого Рей Дэвис мог уверенно искать нейтрино от реактора. Но он их не нашел. Оказалось, что в реакторе образуются антинейтрино. Ученый, однако, не растерялся, а сумел организовать постройку нового, 600-тонного детектора для регистрации нейтринного потока от Солнца и упрятал его глубоко под землю в золотоносные шахты Южной Дакоты. Сделано это было, конечно, не для таинственности, а чтобы не мешали посторонние космические частицы. С 1968 года пошли многомесячные измерения. И что же? Дэвис не обнаружил должного нейтринного потока от Солнца, точнее, лишь одной его ветви — так называемой борной, на которую и был рассчитан детектор. Основная часть нейтринного потока от Солнца имела энергии меньше, чем мог регистрировать Дэвис. Но и этого оказалось достаточно, чтобы всполошили все астрофизики. Экспериментально был поставлен под сомнение термоядерный механизм «горения» звезд, предложенный еще в конце тридцатых годов Бете и с тех пор хорошо отработанный. Появились различные объяснения эксперимента Дэвиса, строились новые модели недр Солнца и других звезд. Но пока они могли оказаться преждевременными: все сходилось во мнении, что нужно продолжать эксперименты и в первую очередь измерить солнечный нейтринный поток от главных реакций слияния протонов.

Постановку этих принципиальных нейтринных экспериментов советские физики готовили еще до нашумевших опытов Дэвиса. Так, например, в 1963 году в Физическом институте имени П. Н. Лебедева АН СССР аспирант Вадим Кузьмин, работавший под руководством члена-корреспондента Георгия Тимофеевича Зацепина, предложил галлиевый детектор, пригодный для регистрации протонного потока солнечных нейтрино. Как и во многих других ядерных экспериментах, опыты требовали тщательных технических разработок: по расчетам, из 50 тонн жидкого галлия за короткое время после экспозиции нужно было выловить сотню атомов германия. Тогда же продумывали проект большого нейтринного телескопа, искали место для его размещения. Для успешной регистрации нейтрино, как и в опытах Дэвиса, было необходимо продумать систему защиты детекторов от посторонних воздействий из космоса и естественной радиации земных пород. Поэтому первое условие состояло в размещении всей аппаратуры в специальных камерах глубоко под землей. По ряду причин казалось удобнее делать не вертикальную штольню, а горизонтальный тоннель под какой-нибудь большой горой. Тоннель местами можно было бы расширить до залов, куда поместились бы проектируемые установки. Проект советских физиков предусматривал сооружение хлораргонового детектора емкостью в три тысячи тонн тетрахлорэтилена — в пять раз больше, чем в установке Дэвиса, затем галлиевый детектор, большого детектора для регистрации нейтрино от вспышек сверхновых звезд и сооружение большого нейтринного телескопа для изучения направленности звездных потоков нейтрино высоких энергий и мезонезонов.

Сейчас, при еще частичном завершении проекта, нейтринная станция уже ведет научные наблюдения. Более того, в какой-то степени она стала местом своеобразного паломничества советских и зарубежных астрофизиков. Гостей в первую очередь привлекало подземелье: большой нейтринный телескоп, первая заработавшая под горой установка из задуменных. Ее даже так сразу и не осмотришь — секционный дом в четыре этажа с лабораториями, пультом управления и вспомогательными помещениями в искусственном двадцатиметровом гроте на расстоянии полукилометра от входа в тоннель. Каждая секция — практически такой же «Ковер», как в ангаре у Володи Тизенгаузена.

Но и «Ковер» тоже привлекает внимание, причем не столько как макет одной восьмой части телескопа, сколько самостоятельно, как установка, на которой получены важные данные по физике частиц сверхвысоких энергий, недостижимых ни на каких ускорителях.

Но вернемся снова к уже знакомым нам сотрудникам станции. На основе работы с «Ковром» Володя подготовил диссертацию, вокруг него сложилась небольшая, но очень активная научная группа. Да и бытовые условия изменились. Как и большинство семейных сотрудников станции, он живет теперь в отдельной квартире в одном из благоустроенных домов, расположенных на высоком берегу Баксана, прямо напротив горы Андырчи. Не все, правда, в его «горной» жизни протекало гладко. Как-то он мне рассказывал, что несколько лет назад его сильно подмывало уехать. Уже и горы казались не столь красивыми и опыты однообразными... Да еще неопределенность: он не чувствовал в своих руках физической задачи — рядовые экспериментаторы больших коллективов легко могут понять это состояние. Но постепенно все устроилось, а работы его получили известность, так что и сам он стал ездить в командировки и к нему гости наезжают частенько. По признанию Володи, в конечном счете он и другие его коллеги получили, что хотели, — настоящую работу.

Евгений Алексеев с первых дней пребывания на станции выделился своими организаторскими способностями. Возможно, здесь сказался большой жизненный опыт Алексеева — еще до поступления в МИФИ он работал на заводе. Руководство станции быстро оценило его выдержку, спокойствие, продуманность организационных решений, которые приходится принимать здесь почти каждому, и возложило на Евгения обязанности заместителя начальника обсерватории по научным вопросам. Евгений предельно загружен и научной и административной работой. Что поделаешь, любое сооружение, даже такая вроде пустяковина, как мостик или котельная центрального отопления корпусов, — все имеет прямое отношение к его повседневной деятельности. Приходится даже в выходные ею заниматься. Не будешь же сидеть сложа руки, если, например, с Андырчи грозит сползти снежная лавина. Евгений показал мне гильзу от снаряда, которым по его инициативе предотвратили накопление большой снежной массы на желобе склона. Застать Евгения в кабинете трудно, он целый день на ногах: то у отладчиков электроники на телескопе, то у строителей, то на вычислительном центре станции. ВЦ — очень важный объект и требует особого внимания, он оборудован новейшей электронной аппаратурой, которую осваивают выпускники различных вузов страны. А на станции их все больше привлекает перспектива фундаментальных физических задач, «живая» работа. С одним из них — Юрой Андреевым, выпускником Московского физико-технического института, — меня познакомил Евгений, когда показывал пультовую большого телескопа, Юра работал на вычислительной машине с дисплеем. К этой машине, точнее к ее входному блоку — годоскопу, со всех детекторов жгутами тянутся кабели. Здесь происходит первичная обработка тысяч сигналов. Программу для машины, на которой работает Юра, составляет выпускница Ростовского университета Елена Петрова. В работе Елена — сама серьезность, потому что знает: только ЭВМ способна разобраться в показаниях трех с лишним тысяч детекторов телескопа. Данные сюда поступают круглосуточно. Лена сейчас осваивает новую вычислительную машину, в чем ей помогают опытные программисты. На станции создана такая атмосфера благожелательности, квалифицированной помощи и участия, что любой научный сотрудник, чем бы ему порой ни приходилось заниматься, чувствует себя на переднем крае астрофизики, на «пороге неизвестного». И «виной» тому любимая «нейтринка», в верности которой не однажды признавались мои знакомые астрофизики.

В последнем номере 1978 года были подведены итоги конкурса интересного письма. Корреспонденций пришло очень много, а опубликовать мы смогли лишь небольшую их часть. По-прежнему на конкурс идет большая почта. Поэтому редакция решила продолжить его и в 1979 году. Тема письма свободная. Пусть читатели разных возрастов и профессий расскажут о своей судьбе, о чем-то поучительном в ней, пусть расскажут о трудовых достижениях или неполадках в работе; о становлении личности, нравственных и духовных поисках. Пусть вспомнят люди пожилые, задумаются молодые, как складывался их характер, что послужило для них толчком к самоосмыслению, самоанализу и «диалектике души».

Наиболее интересные письма будут опубликованы в журнале. Победителей конкурса, как и в предыдущие годы, ждут премии — годовая подписка на журнал «Смена».

ЭПОПЕЯ НАРОДНОГО ПОДВИГА

В жизни подчас происходят такие события, когда свое, субъективное, вдруг оказывается понятным многим людям. Мне кажется, что мои личные мысли и чувства в связи с выходом в свет книг Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» будут понятны многим, особенно фронтовикам и людям, прошедшим нелегкий трудовой путь и хотя бы небольшой путь общественной деятельности. Как прекрасный подарок нам, вышли в свет книги человека, прошедшего тяжелые дороги войны и труда, познавшего бесценные характеры советских людей не со стороны, а в самом эпицентре борьбы, в масштабах, позволяющих сделать все это сокровищницей опыта для всей партии, для страны.

Как из кирпичей складывается дом, так и из того, что пережили мы, складывается общая панорама подвига, — и в книгах этих видны и эти кирпичики и общая картина воздвигаемого здания. Годы войны и восстановления — эпопея великих сражений на ратных и мирных полях. Целина — еще одна битва народа, священная битва за хлеб. Три книги Л. И. Брежнева, каждая из которых поднимает огромный пласт жизни нашего государства, всколыхнули нашу память, заставили еще раз осознать величие и грандиозность наших дел. Мне, как фронтовику и ветерану труда, дороги все три книги, но особенно близка «Малая земля». В годы Великой Отечественной войны «малые земли» были и на полуострове Ханко, и у стен Ленинграда, и в Одессе, и далеко на северных островах.

Воспоминания о «своей малой земле» связаны у меня с морским гарнизоном, сражавшимся в годы

Великой Отечественной войны на небольшом острове Лавансаари в Балтийском море.

У нас не было прямой связи с Большой землей: ни с блокадным Ленинградом, по суше, ни с Кронштадтом, до которого сотни километров по морю; впереди просторы Балтики и неперенная встреча с морским противником; справа занятая немцами Финляндия, слева порабощенная Эстония. Но и в таком окружении мы были достойной частицей нашей Большой земли. Какой близкой была она, эта наша Большая земля! Даже в этих условиях мы не чувствовали своей оторванности, тем более обреченности. Выходила островная газета «Фортост Балтики», работала самодеятельность, и приезжали на наш остров артисты. Странно немножко было слышать русские напевы, видеть задронные танцы у самого синего моря; ведь налеты противника были внезапными, и бомбили наш островок отчаянно.

Эти воспоминания волнуют меня и сейчас, особенно потому, что эпопея подвига Малой земли есть наше общее достояние, достояние нашего духа. И все это есть в книге Леонида Ильича Брежнева «Малая земля». Книга стала настольной для всех нас потому, что выражает наши чувства, нашу гордость тем, что уже совершено и что мы совершаем ныне для блага людей. Молодым эта книга — напоминание о подвиге и примере их отцов, о наследстве, не имеющем себе равных.

Николай РОЗНАТОВСКИЙ,
ветеран войны и труда,
Курск

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

...Это было три года назад, мне было тринадцать лет, но я помню все до последнего момента...

...Все началось с того, что мы, я и мой брат Алешка, совершенно не знали, как нам провести майские праздники. Было слишком много вариантов: и театр, и кино, и прогулки в лес.

Но со своим неожиданным предложением вмешался дедушка.

Полушутливо он предложил нам встретиться вместо него с фронтовыми друзьями. Сам он очень тяжело болен, почти не может двигаться и никогда не выходит из дома. Сейчас уже не могу сказать точно, какова была моя реакция, но думаю, что на моем лице отразилось явное неудовольствие. Тем не менее, мы решили поехать. Заранее я взял у бабушки огромный букет кавказских роз, присланный его другом-однопольчанином, чтобы специально возложить его на могилу Неизвестного солдата.

Место встречи было назначено на улице Горького, у памятника Юрию Долгорукому.

В этот день, выйдя из метро, мы не узнавали родной город. Шумные толпы людей — радостных, счастливых, с горящими глазами, с улыбками и слезами одновременно — шли по всем центральным улицам. У многих на груди не оставалось свободного места от орденов и медалей.

Странное дело, но мне показалось, что эти пожилые люди, так молодо сейчас выглядевшие, люди, которые отдавали свои жизни за нас, были взволнованы и смущены, когда октябрятя и пионеры дарили им цветы, поднимаясь на цыпочках и с восхищением глядя на многочисленные награды фронтовиков. А нам было с Алешкой отчего-то тревожно, мы чувствовали себя одинокими среди моря людей. А когда мы подошли к памятнику Долгорукому, сердце у меня

упало. Как мы боялись, что на нас никто не обратит внимания, не спросит, откуда мы и кого ищем!

Но нас почему-то сразу заметили, обступили со всех сторон, а когда узнали, что Пётр Сергеевич Ухов, начальник шестьдесят четвертой стрелковой дивизии, — мой дедушка, — забросали вопросами так, что мы едва успевали отвечать.

А потом мы услышали удивительный рассказ о моем деду, о том, с каким трудом он заставлял измученных и усталых людей, проходящих за день по шестьдесят километров пешком, рыть на ночь убежище от бомбежки. Ежедневно заставлял падающих от усталости рыть мерзлую землю, стирая до кровавых мозолей руки!

И как невзлюбили его, потому что под страхом смерти он вынуждал выполнять эту тяжкую работу.

Дойдя до Берлина, лишь не многие знали, что только в единственной дивизии, только здесь, в легендарной шестьдесят четвертой, все бойцы из связного штаба живы! Все!

Дедом я гордился всегда, не представляя себя без него, без его насмешливого и чуть ироничного голоса, без его бесконечных «придинок», как считал раньше. Но тут я почувствовал, что это за человек, что за люди — его однопольчанин; что они прошли, что видели, что сделали для нас.

Мы с Алешей долго стояли и смотрели, как люди встречались после тридцатилетней разлуки, иногда и не узнавая друг друга, смеялись, плакали, обнимались, пели фронтовые песни.

Домой мы возвращались молча. Нам не хотелось разговаривать, но думали мы об одном — о великом народном подвиге.

Дмитрий ВЫБОРНОВ,
Москва



Премия Ленинского комсомола 1978 года присуждена Николаю Солонинкину — одному из молодых мастеров стародавнего федоскинского искусства...

**Евгения ПОЗИНА.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.**

Глаза разбежались. Восторг и удивление.

Неужели меня, современного человека, привыкшего к многопредметности и эмоциональной насыщенности городской жизни, научившегося последовательно переходить от экспоната к экспонату на выставках, неужели меня может привести в замешательство сотня-другая шкатулок и ларцов, панно и брошек? Да, прекрасные формы, пропорционально безукоризненные, но ведь я уже это знаю. Всевидящее око XX века — телевизор — не раз услужливо и крупным планом демонстрировало мне вереницы предметов совершенной формы, спешащих из производства ко мне в дом.

А может, весь секрет в том, что этим предметам никогда не бывать на потоке? И уж если они попадут в наш дом, то в левом углу или по круглому краю прочтем: «Федоскино», год создания, а чуть дальше — фамилию мастера. Человека, который преобразил свойства предмета, превратив его из сугубо практического в произведение искусства.

ДАВНЫМ-ДАВНО

Ну что ж, воспользуемся счастливым соседством образцов федоскинской миниатюры разных эпох, мудро предоставленных нам музеем, чтобы найти ту генетическую связь, что роднит лаковые козырьки для фуражек двух служивых за самоваром на табакерке купца Лукутина и красную конницу на шкатулке Федоскинской орденна «Знак Почета» фабрики миниатюрной живописи. Роднит федоскинские тройки, одной из которых, может, все сто, а другая родилась лишь вчера. Но обе ни за что не спутаешь с тройкой Палеха или Мстеры.

...С чего все началось? С того почти двухсотлетней давности дня, когда русский купец Петр Коробов оказался

МИНИАТЮРА «ТРОЙКА» ВЫПОЛНЕНА ФЕДОСКИНСКИМ ХУДОЖНИКОМ С. БОРОДКИНЫМ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА.

ров (все за большие деньги, конечно). Удача ждала его и в России. В своем имении Данилково, близ Федоскина, открыл Коробов лаковую мануфактуру. А тут как раз царский указ вышел. По «высочайшей воле» в войсках заменялись головные уборы. Нужны были, и в большом количестве, лаковые козырьки. Шел 1795 год.

Есть заказ, есть капитал, производ-

нужда в козырьках отпала, но уже ходко шли в торговлю русские табакерки для нюхательного табака. В описании первой выставки российских мануфактурных изделий (а шел уже 1829 год) вот что сказано: «Бумажные табакерки московского купца Лукутина ни в чем не уступают брауншвейгским. Прежде к нам привозилось множество брауншвейгских табакерок, которые и продавались довольно дорого, но ныне, при дешевизне и превосходной отделке наших собственных, иностранцы не находят уже выгоды присылать свои изделия сего рода».

Но откуда взялся Лукутин? Что, еще одно производство в России? Нет, все

Я ШКАТУЛКА

ство растет. Крепостные Подмосковья — а без них было не обойтись: не справлялись германские специалисты с лавиной заказов (вскоре Коробов вовсе отказался от их услуг) — быстро освоили небывалое для России производство.

Чему ж они научились? А вот послушайте: «...бумага, склеенная вместе во много листов и крепко сжатая под прессом, высохши, делается крепкой и плотной массой, совершенно похожей на дерево, в сем виде ее можно пилить и точить на токарном станке, как дерево, и делать из нее разные вещи, особливо такие, в которых не держат жидкостей. Их полируют, наводят грунтовую краску, покрывают лаком».

Многое изменилось с тех лет, но суть технологии описана точно, за исключением одной детали. Заготовка диковинного «папье-маше» после склейки опускается в горячее льняное масло, потом сушится несколько дней, и вот тогда уже она делается «совершенно похожей на дерево».

...Форма в армии вновь изменилась,

то же. После смерти Коробова хозяйкой фабрики изделий из папье-маше в Данилково стала его дочь Екатерина Петровна. Она же потом вышла замуж за дворянина Петра Лукутина, человека бедного, но делового и с хорошим вкусом. Он-то и выстроил на окраине Федоскина новую фабрику, с которой и пошла настоящая слава русской миниатюрной живописи.

«КРАСОТА, КРАСОТИЦА — ВОТ ОНА»

Традиция — два цвета: ослепительно черная поверхность и ярко-красная внутренность шкатулки. Берешь такую коробочку в руки, и уже чудится праздник. Но это лишь полуфабрикат. Полуфабрикат для художника. А вот сейчас начнется самое важное. Приложенный к нарядной, но в общем-то обычной коробке труд мастера назовется потом прикладным искусством, а коробочка станет его произведением... В стихотворении «Русские лаки»,



ЭТИ РАБОТЫ НИКОЛАЯ СОЛОНИНКИНА НАЗЫВАЮТСЯ «ХЛЕБ-СОЛЬ» И «ПЕЙЗАЖ».



посвященном Федоскину, Дмитрий Блынский писал:

*Красота, красотища — вот она,
Только в сказке рождаться ей!
А шкатулка рукой сработана,
Человеческою, твоей.*

Как это происходит?

Просто стоит у мастера на столе шкатулка, черная, а внутри — красная, рядом — палитра с масляными красками (масло — традиция федоскинцев), кисточки колонковые, самые тонкие, лупа, конечно. Мастер грунтует поверхность, наносит контуры рисунка, делает подмалевок, потом

ство — во всем: и в задумке художника и в технологии. Не получается что-то одно — и нет произведения искусства, присущего только федоскинцам.

— Коля, а это что?
В ящике стола на крышках двух одинаковых шкатулок одинаковые Аленушки. Николай Солонинкин достает крышки, разглядывает. Да нет, пожалуй, они разные. На одной Аленушка решительная, а на другой чего-то ждет, задумалась.

— Не получается, — хмурится художник, — пусть полежат. Потом подумаю.

Николай Солонинкин решительно задвигает ящик своего рабочего стола,

НИКОЛАЙ СОЛОНИНКИН ЗА РАБОТОЙ.

стодушие, идущее от лубка, поэтичность — все это ложилось в основу федоскинской живописи, передавалось от старшего поколения мастеров к младшему. Только благодаря такой преемственности миниатюра Федоскина смогла пережить расцвет стиля «рококо» при внуке Лукутина, спрос на пошлые «поцелуйные» сюжеты начала XX века, бесконечные копирования, заказываемые земством...



РУКОЮ СРАБОТАНА...

накладывает тени, блики, обрабатывает детали. Письмо «по-плотному», обычные приемы классической трехслойной живописи. Но есть ведь и живопись «по-сквозному», когда тончайшие прозрачные мазки краски ложатся на листочки сусального золота или серебра, пластинки перламутра. И тогда загораются сказочным светом перья жар-птицы или золотом пылает закат в пейзаже.

А зима? Припудрит мастер фоновый лак серебряной пылью и напишет по нему зимнюю сцену, тогда и глазам становится больно: искрится снег, сверкает.

А вот «шотландка»: разноцветные прямые пересекающиеся линии на крышке шкатулки, да еще покрытые лаком — какая-то особая драгоценная материя. Или вот скань: под лаком сияют металлические узоры. Есть узоры тоньше паутины, они делаются иначе: орнамент процарапывается на черном лаке, покрывающем слой олова. Такой способ называется церковкой.

В федоскинской миниатюре творче-

точно такого же, как и у других двухсот художников фабрики. Того самого стола, где лежит палитра, стоят кисти, баночки с искрящимися порошками, хранятся эскизы, стола, за которым мастер творит. А рядом большое светлое окно, выходящее на речку Учу, на холмы и перелески типичного среднерусского пейзажа.

ТРАДИЦИИ И НОВОЕ

Все чаще лукутинские табакерки украшались не мифологическими сценами или копиями станковой европейской живописи, а сюжетами из русского быта. Крестьянка за едой, русская баня, пляска, плетение лаптей... Или возникла на них купеческая, дворянская жизнь: катание на Невском, игра в шашки, портрет. Появляются и совсем новые формы: сигарницы, пудреницы, чайницы, стаканы (пробовали и такое).

Реалистичность, искренность, про-

То, что для нас теперь милая сердцу старина: тройки, чаепитие за самоваром, хороводы, крестьянки с серпами, — ведь все это когда-то было реальной жизнью. Острота восприятия современности — вот что характерно для сюжетов федоскинской миниатюры. И традиция эта продолжалась и продолжается. В доказательство можно перечислить только названия миниатюр, но уже по ним легко определить время их создания: «Чапаев», «Ликбез на Севере», «Разведка», «Салют Москвы», «Африка», «Карнавал на фестивале», «У могилы Неизвестного солдата», «Космонавты»...

Рассказывает главный художник федоскинской фабрики Юрий Гусев: — Не все у нас шло, конечно, гладко. Еще лет двадцать назад мы делали очень «копийные» портреты. И поза нелепо напыщенная. Нет, и сегодня создать в миниатюре настоящий портрет, чтобы не раскрашенной фотографией был и не сказочным вариантом реального человека, могут пока

очень немногие наши мастера. Вот Солонинкин, он смог. Ему в прошлом году присудили премию Ленинского комсомола как раз за серию портретов — Ленина, Жукова, Гагарина, Терешковой.

Да, традиции и новое. Вот посмотрите работы мастеров старшего поколения — Пашина, Страхова, Чинова, Липицкого. У них композиция классическая — по центру. А молодежь наша — Сережа Козлов, Лена Хомутинникова — ищет уже более пластичное решение композиции. Они уже работают не в столь ярких, «семафорных», что ли, цветах, а стремятся к изысканным тональным и цветовым отношениям. Правда, в тоне они частенько еще грешат. Это заметно, когда делаешь фотографию с миниатюры. Все становится плоским, пропадает читаемость.

А в целом проблема одна — подготовка творческих кадров художников. Ведь при всей нашей индивидуальности что, скажем, пять лет назад составляло нашу продукцию? На пятьдесят процентов копии! Картин, традиционных сюжетов. Пятьсот сюжетов, представляете? О каком тут высокохудожественном исполнении могла идти речь? Да, очень вовремя тогда, в семьдесят пятом, появилось Постановление ЦК КПСС о народных художественных промыслах. Содержание его прекрасно помню, очень точные там были слова. Недооценка специфики традиционного творческого труда мастера народного искусства, а в результате — сближение народных художественных промыслов с промышленным предприятием. Аналогичная с промышленностью система планирования и ценообразования. Стремление механизировать не только вспомогательные работы, но и творческий процесс создания вещи.

Точный был анализ и полезный. Сейчас у нас только свои сюжеты. Их разрабатывают наши художники. Было пятьсот сюжетов, стало сто девяносто. И ежегодно обновляем ассортимент не меньше чем на тридцать процентов. Малая серия — десять экземпляров, не больше. Тираж средней — около ста. А сколько вообще уникальных, единственных работ!

Сейчас важно изменить процесс обучения в нашей школе миниатюрной живописи. Открыть при ней филиал высшего художественного заведения. Чтобы все двести художников, что сейчас трудятся на фабрике, были творцами, чтобы каждый мог придумать и разработать новый сюжет... Вот такая мечта.

«СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ». ХУДОЖНИК ЮРИЙ КАРАПАЕВ.

«КОНЕК-ГОРБУНОК». ХУДОЖНИК ВИКТОР АНТОНОВ.



С твоих берегов не доносятся вести,
О, как далеко разошлись берега!
Уже не дотянется больше рука,
Мостов же не строят на брошенном месте.
С твоих берегов не доносятся вести,
Как море, река разлилась, глубока...
Но я не об этом хотел, ведь по чести
Всего лишь одна здесь правдива строка:
«С твоих берегов не доносятся вести...»
С твоих берегов не доносятся вести!
Какие уж тут у ручья берега...

«Я жизнь без колебания и сомнений
Отдам за возвращенное мгновенье.
Я счастлив был». Такое объявление
Повесил некто, вроде бы шутя,
Но кто-то утром, мимо проходя,
Сорвал его в великом раздраженье...
Смотрю на шляпку ржавого гвоздя.
А если б стал я людям тем судьей?
Что я б сказал? Конечно, он был прав,
Когда, крамолу со стены содрал,
Пошел путем привычным на работу.
Немало знали мы таких забав,
Дурацких шуток. Надоело что-то...
Что до того, другого... Тот, другой...
Как жаль, что адрес неизвестен твой,
Насмешник ли, романтик ли, герой.
Я разыскать тебя б не поленился,
О, как бы мир, наверно, изменился,
Когда бы каждый был самим собой,
Когда бы люди стали откровенней,
Не знали разрушающих сомнений,
Стоящих не боялись за спиной,
Когда б счастливый был сказать готов:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»
О черт возьми, как надо много слов,
Чтоб стало вдруг до отвращения ясно,
Как плохо жил, как годы жег напрасно...
Смотрю на шляпку ржавого гвоздя,
На рваные клочки простой бумаги.
Вот у меня хватило бы отваги
Так написать, но только не шутя?

Да, такую распутицу
Потерял—не найдешь...
Ищет осень-попутчицу
Очарованный дождь.
Посулила, что встретится
Там, где скошена рожь,
Потому больше месяца
В поле топчется дождь.
Неудачная спутница—
Ни за грош пропадешь.
«Ох ты, осень-распутница!»—
Шепчет праведник-дождь.

Добро должно быть с кулаками...
С. Куняев.

...И полетела шерсть клоками!
На улице, как на плацу,
Представил я—бьет кулаками
Добро! С размаху! По лицу!
Ну бьет и бьет... К чему вопросы?
Добро суровым быть должно.
«О боже праведный, как просто!»—
Шептало про себя добро.
И, отступив на шаг, устало
Взглянуло под ноги, туда,
Где, распластавшись, зло лежало...
А если встанет, что тогда?
Да, что тогда? Плоды науки,
Поспешно снятые, горьки...
Добро под краном моет руки
И гладит, морщась, кулаки.
Ну что, поэт? Ты прав, конечно.
Имея множество врагов,
Добро не может быть беспечным,
А значит, быть без кулаков.
Вот только где она, граница,
Невидимый на глаз разлом,
Где надлежит остановиться
Добру, чтоб не очнуться злом?
Мир старых истин... Как непрочен
Тот мир, который уповал
На ярость праведных пощечин—
Ведь кто их только не давал
Во имя доброго и злого...
Увы, всего не перечешь!
И вызывал один другого

А она где-то кружится,
Что кричит, не поймешь.
Расплескался на лужицы
Обессиленный дождь.
Сказки свадьбой кончаются,
Я не спорю, ну что ж...
И они повстречаются,
Эта осень и дождь.
И простится-забудется
Всем привычная ложь,
Что был счастлив с той блудницей
Снегом выпавший дождь.

К барьеру, защищая честь.
И мести хищная поitava
Снимала урожай тайком:
Стояли правый и неправый,
Меж злом стояли и добром.
Взвезда курки, смотрели прямо
На взмах убийственной косы...
И оба повторяли: «Мама!»
Просили оба: «Бог, спаси!»
Не бог решал—кусок металла
Незрячей мудростью своей.
О, сколько их на снег упало,
Но больше тех, кто был добрей.
Не потому ли, что веками
Злу было в общем-то с руки
Сражаться только кулаками
И верить только в кулаки?
Не потому ли, что в удаче
Добро, как это ни грешно,
Не торжествует, чаще плачет
Над тем, что сделало оно?
Мир старых истин... Мало значит
В нем слезы. Что она, слеза?
От малого добра ли плачут,
Иль плачут от большого зла—
Все плачут. И, страшась ошибки,
Стоим с мечом над тем узлом,
В котором спутаны, как нитки,
Границы меж добром и злом.
Нет в мире истин сокровенней
Той, вызревшей уже давно:
Должно быть узнано мгновенно
Добро.
Тогда оно добро!

Прости меня, что я завел тебя
В чужую ночь—она как лес дремучий,
И вот уже бросает взгляд колючий
На нас обоих мачеха-судьба.
И под прицелом хищного Стрельца—
Что сторожит он столь неукротимо?—
Спадают краски с твоего лица
И с моего сползают ключья грима.
Не миновать... Колеблются Весы,
На эшафот бестрепетней восходим!
А ведь казалось, это мы заводим
Твои, о Время, вечные часы.
Прости меня, не тот я выбрал путь.
Весы не врут—нет, не сравнялись чаши.
Как день сегодняшний и день вчерашний,
Две жизни наших не сошлись чуть-чуть...
А ночь опять взялась за решето—
Просеивает звездные пылинки,
Луна блеснула золотой дробинкой,
Скатилась вниз и канула в ничто.

От сухостоя очищали лес.
Шла на дрова пустая древесина,
И лесоруб, измотанный вконец,
Свалил в азарте старую осину.
Не чувствуя ни рук своих, ни ног,
Снял рукавицы, закурил «Дымок»
И вдруг увидел сквозь табачный дым
Себя у той осины молодым.
И разглядеть уж было потянулось,
Да вовремя о свежий пень споткнулось...
Присел смущенно, пальцем тронул срез
С едва заметной сеточкой колец—
Живая плоть, и только—что за диво?
Пересчитал и усмехнулся криво:
Ведь сколько было срублено всего,
Но то была ровесница его.

«Найдет же блажь,—подумал,—лес как
лес,
И вправду скажешь, что попутал бес,
Когда вот так, без всякой без причины,
В древесных кольцах чудятся морщины...»
Сидел на пне усталый лесоруб—
Усы седые, волосы седые,
Курил «Дымок» и так смотрел вокруг,
Как будто видел этот мир впервые.

Вадим ПОЛУЯН

Отец

Кто отец?
Это слезный солдатский отъезд.
Это грусть в материнских очах,
как распутица в черных нотах...
И надолго остывший семейный очаг...
Кто отец?
Это жгучий, стыдливый протез
у подушки измятой...
Чуть не так, и ладонью,
как бритвой,—отрез!
Не оратор—оратай!
Мой отец—это самые сильные плечи,
спозаранку плывущие
в тракторном лязге...
Поле плещет...
И я вспоминаю шершавые ласки...
Где мне сил добывать,
чтобы этим плечам
становилось полетче?
Верь, отец:
светит сыну пожар твоих киевов,
минсков, одесс...
Твой завет строго прям, как отвес.
Ночь ли в сером плаще,
ночь ли в звездах сановных,
молчаливость твоя, словно долг
на устах на сыновних.
О отец!
Ты на правду глаза мне
всей жизнью своею отверз.
Совесть судит тебя:
не сумел, не сбылось...
Входит в лето весна,
обретет проходимость распутица.
Верь, отец:
все своротится,
сможется,
сбудется,
чтобы внуку спокойней,
чем сыну, спалось!

В час полночный, отбойный
снится мне иногда
тракт, парящий над поймой,
где течет Ингода.
В спины сопок верблюжьих
синий Север подул.
Стыла выпечка плюшек
на небесном поду.
На реке, за буйками,—
оловянный разлив.
Зноен май в Забайкалье
и по-майски грозлив.
Табуны молочая...
Тарбаган на часах...
Мы с шофером молчали,
языки начесав.
Он выруливал в сторону

от шоссеиной черты,
вбилась в голову вздор ему
в ста верстах от Читы:
«Не могу, чтобы влево
не свернуть на Арей.
Вкус арейского хлеба
крепче всех якорей!»
Вот и улица пегая
среди сосен задумчивых.
Знаменитого пекаря
кличем в сенцах сутунчатых.
Королем он невенчанным
вышел с выклика с третьего.
Миром хлебно-бревенчатым
нас пекаренка встретила.
А пекаренка базовая,
любоваться-то нечем!

Я, на ужин опаздывая,
втихомолку занервничал,
заворчал, как задира:
«Вкусный хлеб? Что за диво!»
Вдруг не будничным пекарь, а мастер великий,
как светило взошедшее, розоволикий,
в белоснежной одежде, не в куртке кухарной,
одарил нас буханкою благоуханной.
Передав свою нежность
рукам тонкопалым,
разломил он ее с теплым хрустом и паром.
Этот хлеб был, как соты пчелиные, порист,
он о влаге и солнце рассказывал повесть,
нас ждала не еда, а волшебное действие,
возвратившее мне сухомытное детство...
Ем греночки на западе и лепешки на юге,
а у памяти в заводи—вкус родимой краюхи!

Девочка ищет собаку

В снах ее всегда живет собака:
в лапах—нетерпех, в глазах—восторг,
прыгает циркачкой и забавно
салютует пеннистым хвостом.
Только снам быть правдою не велено.
Их будильник убивает в восемь...
Папа думает купить ротвейлера,
мама—колли, рыжую, как осень.
Дорог датский дог. Терьеры проданы.
В клубе—очередь клубком,
не притереться.
Люди увлекаются породами,
к родословным много интереса.
За стеной соседка таксу жучит.
У соседа—сеттер, серый с искрами.
Ну а девочке хотя б одну из жучек
с милрой мордой,
с преданностью искренней!
«Доченька, зачем же нам уродец-то?
Потерпи чуть-чуть без слез, без сценоч.
Соль в собаке, что она породиста.
Тявалку получишь за бесценоч».
И терпела дочка целый год
детсадовский.

На картинку взглянет, но без жалоб...
А в мечтах с любой ничейной взапуски,
словно с медалисткой, побежала б.
Больше про собак—ни дома,
ни при маме!
Город в одиночку высмотрит до дна.
Лохмача бездомного приманит...
Накормила—и опять одна!
Обманув, сбегают псы-мошеники.
Или крошки хлеба им—опилки?
Или поводки нужны, ошейники?
Вытрясла копейки из копилки...
Лайнер-белошвей, от туч отчаливая,
как волшебник, тклет упрямо нить.
Только девочке не до него с отчаянья:
друга ей никак не приманить!
Все непостоянны, хоть заплачь она.
Бегают, обиду детскую неся...
Если за собаку не заплачено,
от нее и дружбы требовать нельзя?
Солнце ли сверкало, дождь ли капал,
я дышал жарой иль холодком,—
впереди мелькал упрямым капор,
и... рука с ненужным поводком.

Нефть!

Небо сквашено,
а мы подавно.
Нас морочит нефтескважина:
нет фонтана...
Раскапризничался, видите ли.
Тщетно чмокает насос.
Послетались представители,
как спасатели на SOS.
Только «стружки» не хватало!
Нет фонтана.
Спекся спектр в случайной лужице:
Хоть молись о нефти в ужасе!
Кровь живая, не вода она...
Нет фонтана!
На спящих спинах роботы
перекошены, как ромбы.
Есть фонтан! До поднебесья
нефть, как нерв,
свободней бейся!
Наклоняюсь...
И за мной
обезумевшие гости
льют на лица, лютят в горсти
черно-бурый мозг земной...



КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ЯПОНСКИХ УЛЬТРА

Константин ДЕРИБАС,
собственный корреспондент АПН
в Японии.
Специально для «Смены».

Война на Тихом океане была неизбежна для Японии, если она собиралась защищать себя и бороться за право выжить. Ее ни в коем случае нельзя назвать агрессивной войной.

...Муссолини был молодчина. Он имел характер, дух и убежденность старого японского самурая... Он был идеальным фашист и диктатор.

...Находятся люди, которые называют меня лидером ультраправых. Какая чушь! На самом деле я — гуманист».

Слова эти принадлежат известнейшему в Японии закулисной деятелю Рёити Сасакава, человеку, с которым по силе влияния может сравниться разве только сам премьер-министр. Но вот по откровенности суждений нет ему, пожалуй, равного во всей Японии. Судите сами: тут и оправдание развязанной японскими милитаристами агрессивной войны на Дальнем Востоке, и восхваление ярого фашиста Муссолини, и, наконец, всю эту беспринципную схему рассуждений венчает утверждение о личной привязанности гуманизму. Гуманизму!

Давайте же посмотрим, что вкладывает сам Сасакава в это понятие, так сказать, на примере его собственных деяний.

Впервые имя этого «гуманиста» прозвучало в 1931 году, когда он создал фашистскую «Массовую националистическую партию». Через несколько лет ряды этой организации увеличились до 15 тысяч фанатически настроенных молодчиков, а под командованием их «фиорера» находилось два десятка самолетов. Располагая таким богатством, Сасакава уже в 1939 году мог позволить себе слетать в Италию и встретиться там с Муссолини в целях укрепления оси Рим—Токио. Несмотря на страстное желание повидаться тогда же с Гитлером, ему это так и не удалось: «тот был слишком занят на полях сражений».

Стоит ли говорить, что Сасакава полностью разделял взгляды японских милитаристов о необходимости завоевания Китая и стран Юго-Восточной Азии. И это тоже не прошло незамеченным: в 1942 году он «избирается» депутатом парламента.

После поражения Японии в войне Сасакава был осужден как военный преступник класса «А» и заключен в тюрьму Сугамо. Там он познакомился и стал отбывать наказание вместе с другим «гуманистом» того же толка, Ёсио Кодама (ныне главное действующее лицо в скандальной истории с подкупными фирмой «Локид» в Японии). Однако почему-то вскоре Сасакава без суда был выпущен на свободу...

Видимо, к этому периоду относится первое его поражение на поприще «политического гуманизма», ибо Сасакава решает уйти из большой политики и заняться мирскими делами. Благо на это уже были деньги: одни только земельные владения его оценивались в полмиллиарда долларов.

Наибольшую известность Сасакаве принесли его скандальные связи с «Международной лигой победы над коммунизмом» (МЛПК), а также с организацией под названием «Объединенная церковь», исповедующей так называемый «путь основ». Во главе ее стоит южнокореец Мун, чьи темные дела с южнокорейским ЦРУ давно перестали быть для кого-либо секретом.

Однако все по порядку. Самые первые шаги Муна на «религиозном» поприще, если так можно сказать, относятся к середине пятидесятых годов. Дело у него, правда, не сразу пошло на лад, ибо вместо ублажения духа преподобный господин Мун занимался совращением с истинного пути молоденьких верующих. В результате разоблачения следовали одно за другим. Чем бы все это кончилось для предприимчивого прелюбодея, неизвестно, если бы в 1961 году в Южной Корее не произошел военный переворот, приведший к власти диктатора Пак Чжон-хи. Для Муна и его компании, как и следовало ожидать, настали наконец спокойные времена. Теперь уже можно было развернуться во всю ширь и показать истинную сущность «Объединенной церкви». И события не заставили себя долго ждать. Спустя несколько лет после прихода Пака к власти Мун организует «Лигу антикоммунистического просвещения», которая и стала позднее носить название МЛПК. Чем эта лига

занималась, видно уже из самого ее названия. Обращает на себя внимание другое — стремление Муна придать своим организациям международный характер. В 1964 году штаб-квартира «Объединенной церкви» во главе с Осами Кубоки была образована в Токио. Не прошло и четырех лет, как там же возникло и отделение «Международной лиги победы над коммунизмом». События эти оказались настолько важными, что на них следует остановиться подробнее.

В 1967 году в Японии в префектуре Яманаси открылся Первый азиатский подготовительный съезд по созданию антикоммунистической лиги. На этом сборище ярых антикоммунистов присутствовал и уже известный Рёити Сасакава, который к тому времени занимал пост высшего советника «Объединенной церкви». Выступивший на съезде Мун доложил собравшимся об успехах деятельности «Антикоммунистической лиги просвещения» и запросил у японской стороны содействия в создании МЛПК. Вот тут-то и сыграло решающую роль веское слово «гуманиста» Сасакавы, полностью одобрившего эту идею мракобесия. В итоге он получил во вновь созданной организации должность почетного президента.

Итак, выходит, что «Объединенная церковь» и МЛПК, по сути дела, одно и то же. Плюс к этому обе эти организации тесно связаны с южнокорейским ЦРУ. В Японии их приверженцев насчитывается по 70 тысяч человек в каждой организации. Сила эта довольно значительная, их политическое кредо — ярый антикоммунизм — хорошо известно, и потому не совсем понятно, чем прельстили эти сообщества поборника «гуманизма» Сасакаву? Или, быть может, для него гуманизм является синонимом слова «антикоммунизм»? Как же еще можно объяснить подобного рода связи, если в одной из проповедей религиозного учения «пути основ» прямо говорится: «Когда-нибудь придет, наверное, время, когда мы, наконец, сразимся с коммунизмом. Справившаяся, можем ли мы тогда убивать коммунистов, являющихся воплощением сатаны, или нет? И разрешит ли нам Отец (имеется в виду Мун) убивать человека — творение божие? Да, человека убивать нельзя, но вот сатану — тут уж ничего не поделаешь».

Чем же занимаются в свободное от подобных рассуждений время члены (в основном это молодежь) «Объединенной церкви»? Ответ более чем прозаичный, нежели можно ожидать, — финансовым укреплением своих тылов. Продают на улицах цветы, завезенные из Южной Кореи, женьшеневый чай, мраморные вазы, проводят кампании денежных пожертвований под каким-либо благозвучным предлогом, а на самом деле, чтобы набить свой карман. Вернее, не свой, а пресловутого Муна. Как-никак в год выручка доходит до трех миллиардов иен. Здесь-то в полную меру и проявляется истинная сущность проводимых в Сеуле массовых бракосочетаний. Сведущие люди считают, что все это не более как прикрытые для подпольного бизнеса, а точнее — контрабандной торговли. Каждый отправляющийся на «свадьбу» в Южную Корею захватывает с собой около 500 тысяч иен, а при возвращении на родину привозит с собой «подарки» — по двадцать ящиков корейского чая, каждый по цене в 10 тысяч иен. Если прикинуть теперь, что в Сеуле только в 1975 году побывало около 800 пар «молодоженов» и каждый из них прихватил с собой по полмиллиона иен, то сумма уплывшей из Японии в Южную Корею валюты составляет не менее 800 миллионов иен. Именно «уплывшей», ибо взят эти «курьеры» на пароме, который принадлежит проживающему в Японии корейцу Матии, разумеется, тоже входящему в известный уже клан Ёсио Кодама.

Но деньги, как принято, совершают кругооборот, и теперь они уже плывут по каналам «Объединенной церкви» не из Японии в Южную Корею, а наоборот. Они, как предполагают в комиссии Фрейзера конгресса США, идут на подкуп японских политических деятелей, так сказать, на создание внутри страны прокорейского лобби. Поэтому не удивительно, когда говорят, что в рядах «Объединенной церкви» состоит несколько депутатов парламента от либерально-демократической партии. Но дело даже не в том, состоит кто-то формально членом «Объединенной церкви» и МЛПК или нет. Вопрос в том, как относится к этому правящая либерально-демократическая пар-

тия в целом. На него недавно дал ответ бывший премьер-министр Фукуда: «Я знаю, что такое МЛПК, и что касается антикоммунизма, то и сам придерживаюсь подобного мнения. И то, что у ЛДП имеются отношения сотрудничества с «Международной лигой победы над коммунизмом», — это тоже факт». Далее, говоря об одном приеме, на котором он был вместе с Муном, бывший премьер заявил: «Поскольку г-н Мун призвал к солидарности и сотрудничеству и проанализировал те идеи, которые я разделяю, то я не имел ничего против того, чтобы выступить с ответной приветственной речью». Только и всего!

Но господин Сасакава, хотя он и не является членом ЛДП, не стал дожидаться своего часа и решил, пока не поздно, умыть руки и пусть номинально, но все же прекратить свое личное участие в делах этих слишком сомпрометировавших себя организаций. Пусть, решил он, на скандал нарываются другие, а для меня хватит разговоров о моем прошлом. Надо теперь заняться чем-нибудь «потоньше, погуманнее», так, «чтобы можно было принести себя в жертву людям».

— Я сейчас создаю новую политическую партию, — говорит Сасакава. — Дело в том, что сейчас политические организации в мире думают только о своих выгодах. Я против этого. Поэтому моя партия будет следить за их деятельностью. Сейчас под моим началом 8 миллионов человек. Пройдет еще два года, и их станет 10 миллионов. Это уже сила. Мы будем тайно фотографировать, подслушивать и собирать улики. И тогда все будут воздерживаться от плохих поступков. Я это делаю не для того, чтобы влиять на политику, а для того, чтобы политика стала лучше. И тогда я буду контролировать не только ее, но и все общественное мнение.

Но эта словесная шелуха не прикроет того очевидного факта, что функция новой партии Сасакавы будет следить, конечно же, не за буржуазными политиками, то и дело нарушающими те или иные нормы законодательства, а за прогрессивными деятелями Японии: коммунистами, социалистами, профсоюзными лидерами. Ибо тайные досье, собранные на этих людей, планируется использовать в тот день «икс», когда Сасакава решит, что пришло время для наступательных действий.

Что бы теперь ни говорил Сасакава, ясно, что замашки-то у него остались прежние, старорежимные. Недаром же он любит повторять фразу: «Все человечество в одном доме», — которая сильно напоминает имевший хождение в Японии в 30-х — начале 40-х годов лозунг: «Восемь углов мира под одной крышей». Лозунг, смысл которого — собрать весь мир под сводами японской империи. Теперь, спустя более чем три десятилетия, Сасакава вновь пытается создать политическую основу для претворения в жизнь своих шовинистических идей. Десять миллионов человек — это значит, что каждый десятый японец разделяет его взгляды. Не много ли? Во всяком случае, у него имеются в резерве десятка три различных обществ, на чью поддержку он может рассчитывать, ибо является их руководителем.

Зачем же Сасакаве понадобилось обременять себя столь многочисленными руководящими постами? Ответ простой — ему нужна сила, чтобы бороться за пересмотр нынешней мирной конституции Японии, за перевооружение и усиление роли японской армии. Сасакава всего этого не скрывает, правда, по укоренившейся привычке подает все это под видом «гуманизма». И ему верят. Недаром в мае прошлого года Рёити Сасакава был вручен орден Священного сокровища первой степени. В качестве обоснования его заслуг говорилось о «долгой безупречной службе» как частного дипломата, о большом вкладе в деятельность благотворительных учреждений и в дело развития образования. Правда, в 1977 году, когда уточнялся список награждаемых, один министр попробовал усомниться в справедливости этих слов и отослал обратно прошение о вручении ордена Сасакаве. Но прошло немного времени, и министр лишился своего поста, а пришедший ему на смену не стал долго раздумывать и росчерком пера вернул «гуманисту» долгожданную награду.

Как говорится, старый волк изо всех сил рядится в овечью шкуру.

ЖИВЫЦЫ

Грубин изобретал объемный телевизор. В свое время он создал обыкновенный, потом собрал цветной, когда их еще не продавали в магазинах. Тот, цветной, показывал во всем великолепии красок любую черно-белую программу. А теперь ему хотелось создать объемный. В любом случае это—дело недалекого будущего, лет через десять—пятнадцать можно будет приобрести в кредит в любом специализированном магазине. Так чего же ждать?

Полгода Грубин трудился. Все свободные деньги он тратил на транзисторы, провода и кристаллы, соседи трижды жаловались в милицию—дышать невозможно из-за постоянных утечек инертных газов, спать трудно из-за ночных взрывов, к тому же часто перегорают пробки. Грубин оправдывался, спорил, сопротивлялся, но не уступал.

Профессор Минц, сам значительный ученый, спустился как-то к Грубину на первый этаж и сказал:

— Саша, я специально проглядел всю доступную литературу. На нынешнем уровне науки эта проблема практически неразрешима.

Минц стоял посреди комнаты, по пояс скрытый отвергнутыми моделями, схемами, поломанными деталями, инструментами, изоляционными материалами. Грубин отмахивался паяльником и возражал:

— Кто-то должен изобрести первым. Вы уперлись в невозможность и верите в нее. Я не верю и изобрету.

— Дело ваше,—вздыхнул профессор Минц.—Я все-таки оставлю вам последние журналы по этому вопросу. Посмотрите на досуге. Куда положить?

— Куда хотите. Вряд ли я буду их читать. Вы думаете, что Галилей читал в журналах статьи о том, что Земля не вертится?

— Тогда не было журналов. Но я полагаю, что он был широким и любознательным ученым.

— Нет, не читал,—не слушая профессора, продолжал Грубин.—Он с детства знал, что Земля не вертится. Ему хотелось доказать обратное.

Минц все-таки оставил журналы. Он полагал, что Грубин кокетничает. Пахло паленой изоляцией.

Вечером того же дня Грубин демонстрировал частичные успехи соседу и другу Корнелию Удалову. Изображение на экране двоилось и было нечетким. Но порой казалось, что часть экрана заметно вспучивается, выгибаясь в комнату. Тогда Удалов говорил:

— Гляди, объем!

— Вижу,—отвечал Грубин.—Значит, в принципе достижимо. Главное—не читать тех самых статей.

Беда была в том, что объемной могла становиться, к примеру, рука диктора, или галстук, или, наконец, один из этажей дома. За счет выпуклости в экране образовывалась впадина. Электронные трубки не выдерживали и лопались.

— Одолжи сотню,—сказал Грубин.—Я на мели.

— Ты же знаешь,—сказал Удалов,—Ксения уже прячет от меня деньги.

Но опыты продолжались. В начале ноября Грубин позвал Удалова поглядеть на очередное достижение. Диктор, читавший последние известия, наполовину вылез из экрана. Тут он прервал речь и оглянулся по сторонам, словно понял, что попал в другую комнату. Удалов приблизился к экрану и заглянул сбоку. Нос диктора был вне телевизора.

— Саша,—сказал Удалов.—Какая же это объемность? Он в самом деле наружу вылез.

— А ты чего хотел?

— Должно только казаться.

— Вот тебе и кажется.

— Да ты встань на мое место, погляди!

— Чего глядеть? Уж нагляделся. Настоящая объемность должна быть со всех сторон.

Тут раздался взрыв, и трубка разлетелась на куски. Никто не пострадал. Удалов ушел ужинать.

Окончательная победа пришла к Грубину вечером в пятницу, когда не перед кем было похвастаться. Все ушли в кино.

Грубин включил первую программу. Показывали балет. Видно было, как далеко вглубь уходит сцена, как оттуда набегают на Грубина балерины. Одна с разбегу выскочила за рамку, но, видно, сообразила, что падает со сцены, ухватилась за край и перемахнула обратно.

Эпизод с балериной так взволновал Грубина, что он выключил телевизор и задумался. Ведь он мечтал о полной объемности изображения и добился своего. Но возник побочный эффект: для тех, кто был внутри телевизора, комната Грубина тоже казалась реальным миром. Балерина побывала вне экрана, но смогла вернуться.

Надо бы пойти к Минцу, посоветоваться, какова физическая основа этого явления. Но Минц все поставит под сомнение, привлечет авторитеты и в результате докажет, что этого быть не может.

Значит, надо убедиться самому.

Грубин положил перед экраном подушку, чтобы чего не случилось, и снова включил телевизор.

Балет кончился. Показывали цирк. Элегантная дрессировщица в блестящем наряде ходила в глубине экрана и погоняла палочкой крупных животных—тигра, льва и медведя. Животные прыгали с тумбы на тумбу, рычали и становились



Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

на задние лапы. Дрессировщица никак не подходила к краю экрана, звери тоже оставались вдали. Грубин опечалился—дрессировщица ему понравилась. На мгновение ему пригрезилась судьба Пигмалиона, который изваял скульптуру и полюбил ее. Если бы дрессировщица вышла из телевизора, она бы осталась на некоторое время здесь, и Грубин узнал бы, как ее зовут. За грезами он упустил момент, когда дрессировщицу начали снимать другой камерой, и она оказалась к Грубину спиной.

Лев надвигался на женщину, а она, отступая, как бы манила зверя за собой. Грубин потянулся к телевизору, чтобы выключить его. Он был согласен на дрессировщицу, но не терпел дома львов. Но выключить телевизор он не успел: в тот момент, когда его рука прикоснулась к кнопке, дрессировщица оступилась, споткнулась о край экрана, и лев, почуввав ее мгновенную слабость, прыгнул, скотина, на свою повелительницу. Дрессировщица сделала еще один быстрый шаг назад, конечно, не удержалась, с высоты рухнула на подушку у экрана, а за ней стрелой вылетел лев... И тут же трубка лопнула, посыпались осколки стекла, в телевизоре что-то зашипело, шипение передалось на громоздкую приставку, занимавшую чуть не половину комнаты, послышался треск, и стало темно—перегорели пробки.

Грубин ошупью выбрался из комнаты и, взяв в привычном месте свечу и спички, полез чинить пробки. Хорошо, что никого нет дома. Еще вчера Ксения Удалова предупреждала: «Пережжешь еще раз, Саша, добьюсь, что тебя выселят из дома, жизни не пожалею на это доброе дело».

Взбираясь на стремянку, Грубин краем уха прислушивался к тому, что происходит в его комнате. Разумеется, он понимал, что вся история с объемным изображением—фантом, кажущееся явление, но все равно встречаться со львом не хотелось.

Свет загорелся. Грубин не спеша слез со стремянки, потушил свечу и с минуту постоял перед своей дверью.

— Ну,—сказал он сам себе,—пошел, изобретатель.

Он приоткрыл дверь на сантиметр. Внутри было тихо и пусто. Как и следовало ожидать. Ни девушки, ни льва. Грубин подошел к телевизору и опечалился, потому что для продолжения опытов придется покупать новую трубку, а денег нет, и занять не у кого.

Подушка перед экраном была завалена осколками трубки. Чем-то эти осколки напомнили Грубину новогоднюю елку. Он подумал, что на подушке придется спать, потому взялся за угол ее, чтобы стряхнуть осколки на пол, но тут его взгляд упал на нечто цветное. Грубин приподнял крупный осколок и увидел, что на подушке лежит дрессировщица — без чувств, ростом с цыпленка. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Ведь естественные человеческие размеры были плодом воображения зрителей, и если телевизионное изображение выпадает из экрана, то оно должно быть меньше экрана.

Осознав это, Грубин оглянулся в поисках льва. Хотя лев стал размером с крысу, по характеру он остался львом.

Льва не было видно.

Дрессировщица лежала на подушке, очень похожая на настоящую. Грубину захотелось снова включить телевизор и поглядеть: а там, на арене, осталась дрессировщица, или тигр с медведем бегают без присмотра?

Грубин осторожно потрогал дрессировщицу пальцем, чтобы понять, пройдет ли палец насквозь или нет. Палец не прошел. На ощупь дрессировщица была теплой и упругой. От прикосновения она открыла глаза. Глаза были темные.

— Ну, не ожидал, — сказал ей Грубин с некоторой укоризной. И в самом деле он ожидал иного. Если уж объемность оказалась такой реальной, лучше бы дрессировщица была ростом побольше.

Дрессировщица оказалась Грубину совсем молодой. Даже странно, что в таком возрасте ее доверили хищникам.

— Ну, что мне с тобой делать? — спросил Грубин.

Девушка открыла рот, но никаких звуков не получила.

Девушка заплакала, но беззвучно, словно звук выключили. В дверь постучали.

— Кто? — спросил Грубин.

Вместо ответа раздался крик.

Грубин обернулся. Удалов, с побелевшими от ужаса глазами, стоял в дверях, приподняв ногу, в которую вцепилось небольшое желтое животное.

— Не бойся, — сказал Грубин, — это лев.

Дрессировщица рыдала, а Грубин думал, как бы ей объяснить, что все обойдется... Вдруг она иностранка, гастролирует у нас? А вдруг начнется международный скандал?

— Какой еще лев? — возмутился Удалов, размахивая ногой, чтобы стряхнуть хищника. Хищник отлетел по дуге в сторону и исчез в груди бракованных транзисторов. — Ты чего крыс развел? Ты представляешь, если Ксения узнает?

— А ты ей не говори.

— Нельзя. Она все равно узнает. Я конспиратор никакой. Чего там у тебя?

Удалов подошел к Грубину и заглянул ему через плечо.

— Мама родная! — сказал он. — Куклами занялся!

В этот момент дрессировщица приподнялась на локте и попыталась сесть. Если встречу со львом Удалов еще пережил, то при виде ожившей дрессировщицы силы оставили его. Он опустил голову и тихо пошел вон из комнаты. Грубину бы его остановить, объяснить научность феномена, но мысли его были столь встревожены, что ухода друга он не заметил.

— Что же произошло? — спросил Грубин у дрессировщицы. — Пожалуй, тут нет ничего удивительного. Ведь все живое состоит из электронов. И ты из электронов. Так что мы с тобой в чем-то одинаковые. Только ты кажешься, а я настоящий.

Дрессировщица обратила к Грубину умоляющий взор и протянула тоненькие ручки.

— Просишь, чтобы вернул в телевизор? — спросил Грубин.

Дрессировщица закивала головкой.

— Прости, но в настоящий момент у меня нет средств, чтобы приобрести новый кинескоп. Кроме того, боюсь, что есть повреждения в приставке. Придется потерпеть. Ты есть хочешь? А пить будешь? Значит, эти функции у тебя отсутствуют? Придется тебе пока отдыхать.

Грубин отыскал старую коробку из-под ботинок, положил в нее тряпочку и на всякий случай поставил блюдце с водой.

— Ложись, — сказал он, — утро вечера мудренее.

Он перенес дрессировщицу в коробку и добавил:

— Если ты стесняешься, то я свет погашу.

Дрессировщица, конечно, ничего не ответила. Грубин подошел к шкафу, распахнул его и стал думать, что бы завтра продать — новый костюм или плащ? Решил, что все-таки продаст костюм, завернул его в бумагу. Потом заглянул в коробку. Дрессировщица не спала.

— Ну, что ты будешь делать? — сказал Грубин. — Женщина есть женщина. Я на твоём месте давно бы спал.

Ночью Грубин проснулся от ужаса. Что-то шуршало неподалеку. Он вспомнил, что по комнате бродит взбешенный лев. Для Грубина он не опасен, а для девушки — страшный хищник.

Грубин вскочил и босиком пробежал к выключателю. Если девушку растерзали, то она, не мая, не могла даже позвать на помощь.

Зрелище, представшее его глазам, успокоило и даже развеселило. Дрессировщица, не раздеваясь, спала на тряпочке, положив головку на живот льву. Видно, в темноте лев отыскал свою хозяйку. И правильно, лев-то ручной, только на чужих кидается...

Утром, пока гости из телевизора еще спали, Грубин сбегал, продал одному человеку костюм за полцены, дождался открытия универмага, купил кинескоп, кое-что перекусить и вернулся домой.

Дом жил субботней утренней жизнью. Профессор Минц сидел у окна, читал журнал, Ксения Удалова выбивала во дворе ковер, юный Гаврилов гулял по двору с транзисторным приемником наперевес, в коридоре Грубину встретилась какая-то кошка, он сначала принял ее за льва, а потом встревожился: как бы кошка не пронохла, что у него за жильцы.

С жильцами ничего плохого не произошло. Они проснулись, сидели в коробке, дрессировщица залетала льюнюю гриву в косички, а при виде Грубина вскоčila и стала делать руками выразительные движения, которые Грубин истолковал так: «Ну, сколько это может продолжаться? Вы оторвали меня от близких и любимой работы, утащили в разгар представления, будьте любезны вернуть меня в коллектив!»

— Сейчас, — ответил Грубин. — Примем меры. Не беспокойся... А ты ведь даже не представляешь, какое значение для мировой науки имеет твоё существование...

Этого дрессировщица, как человек искусства, конечно, не поняла.

К вечеру Грубину удалось наладить телевизор. Дрессировщица ничего не пила, не ела. Лев тоже не требовал пищи.

Пора включать. Зажужжали лампы, включились печатные схемы, задрожали стрелки могучей телеприставки, и на экране возникла надпись: «Публицистическая студия «Дискуссионный клуб».

Тут же показали строительный пейзаж, уставленный башенными кранами, а на переднем плане стоял молодой человек с микрофоном в руке, который рассказывал зрителям о порядках на этом строительстве. У ног молодого человека крутила поземка, примораживало. Грубин хотел было, не тратя времени даром, отнести жильцов к экрану, но замешкался, потому что дрессировщица и лев были без теплой одежды. Пока он думал, как поступить, раздался грохот. Грубин увидел выражение ужаса на лице дрессировщицы. Он обернулся к экрану. Поздно...

Кинескоп снова лопнул, телевизор вышел из строя, и виной тому был молодой человек, выпавший из телевизора. Все еще сжимая в пальцах микрофон, он сидел на столе и стряхивал с себя мелкие осколки стекла.

— Этого еще не хватало! — в отчаянии воскликнул Грубин.

Когда Грубин пересаживал молодого человека в коробку из-под ботинок, тот отчаянно сопротивлялся и даже умудрился цапнуть Грубина за палец. Видно, находился в шоке, не соображал, что происходит. А звуков, как и девушка, не издавал.

При виде новенького лев замотал гривой, выражая недовольство. Зареванной девушке пришлось удерживать льва обеими руками, а молодой человек, не обращая на остальных жильцов внимания, принялся вылезать из коробки. Пришлось его отсадить в пустой ящик из-под гвоздей. Молодой человек принялся метаться по ящику и колотить в стенку кулачками.

Грубин совсем опечалился. Он попал в финансовую, научную и моральную пропасть. Придется обратиться за советом и помощью к профессору Минцу.

Стоило прийти к такому решению, как дверь в комнату распахнулась, и на пороге возник сам профессор Минц, словно отчаянные мысли Грубина проникли сквозь потолочные перекрытия.

— Здравствуйте, голубчик, — сказал профессор, протискиваясь к центру комнаты. — Говорят, здесь у вас чудеса.

— С Удаловым разговаривали?

— Что же делать, если вы таитесь. Говорят, что разводите желтых крыс и живых кукол. Так что же произошло?

— Сами поглядите. — Грубин, поддерживая профессора за тугую локоть, подвел его к коробке из-под ботинок.

При виде огромной лысой головы профессора дрессировщица метнулась ко льву, словно ища защиты. Минц замер над коробкой, легонько почесывая кончик носа.

— Откуда? — спросил он наконец.

— Из телевизора, — признался Грубин. — Переборщил я с объемностью. Вот и стали вываливаться.

— А, фантомы, — успокоился профессор. — А я уж испугался, что вы начали опыты по минимализации живых людей.

— Как вам сказать, — возразил Грубин. — Что-то есть в них от живых людей. Даже переживают.

— Любопытно. Но давайте отвлечемся от эмоций. — Профессор протянул руку, чтобы взять дрессировщицу и рассмотреть ее поближе. Лев приподнялся на задние лапы и попытался прикрыть собой девушку.

— Очень любопытно, — повторил профессор, отбросив льва в угол коробки и умело подхватив дрессировщицу двумя пальцами. — Полное впечатление реальности.

— Но почему так? — спросил Грубин. — Вы ей не повредите?

— Зачем же вредить? Я вижу, вы загипнотизированы функциональностью этих изображений и опускаетесь на уровень темного Удалова.

— Они же проявляют чувства.

— А чем питаются?

— Ничем.

— Вот видите! Вы, голубчик, оказались в положении зрителя перед телевизором, который верит приключениям, имеющим быть на экране. А это всего-навсего сценарий и операторское мастерство.

— А вдруг это она и есть?

— Не понял.

— Та, что выступала. А вдруг она сюда переместилась?

— Простите, Саша, но с такими мистическими настроениями вам лучше науку бросить. Наука не терпит сантиментов. Идите в поэты. Воспевайте фей и русалок, начните верить в привидения и астрологию.

В голосе профессора звучал металл. Для него наука была богом, семьей, возлюбленной, родной матерью — всем. Колебания он рассматривал, как предательство.

— Этот голографический фантом я забираю с собой, — сказал Минц. — У вас еще есть?

— Есть еще один, — сказал Грубин. — В том ящике сидит.

— Добудьте еще несколько образцов. Мы должны оперировать не случайными находками, а широким ассортиментом экземпляров.

Дрессировщицу он все держал между пальцами.

— Вот вам деньги. На три кинескопа. Потом рассчитаетесь. Наука требует жертв. Кстати, загляните потом ко мне, возьмите аргентинский сборник. Там статья Рудольфа Перейры о возможной фантомизации при стереозффектах. Оттуда сможете многое почерпнуть в теоретическом плане. И еще одно: как только пустите установку, вызовите меня.

От двери Минц обернулся и добавил:

— Я рад за вас, коллега. Вы сделали большое дело. Учиться надо.

Дрессировщица простирала к Грубину ручки. Дверь за профессором захлопнулась. Грубин заглянул в коробку. Лев в отчаянии лежал на дне, положив голову на лапы.

— Нет! — крикнул Грубин, бросаясь за профессором. Он налетел на стол, ушиб колено, опрокинул на пол стопку печатных схем. — Стойте!

Спина профессора была уже в конце коридора.

— Что такое?

— Пускай она пока у меня побудет. Лев очень переживает.

— Какой еще лев?

— Отдайте, пожалуйста.

— Саша, я поражен, — сказал Минц. — Из вас никогда не получится настоящего экспериментатора. Вы даете чувствам обмануть себя.

Грубин подошел к профессору и протянул ладонь.

— Ах, вот что, — напустился профессор. — Ясно... держите свое сокровище.

Профессор передал девушку Грубину и развел руками.

— Простите, — сказал он сурово. — Я вас не сразу раскусил. Но должен вас заверить, что у меня и в мыслях не было примазывать к чужой работе и славе. Так что ваши опасения беспочвенны.

Высказавшись, профессор сердито потопал к двери.



Слово о первом шаге

В сборник «Твой дебют» («Молодая гвардия», 1978 г.), составленный М. Давыдовым, вошли выступления ведущих мастеров сценического искусства, каждое из которых продиктовано желанием помочь человеку, вступающему в большую и сложную жизнь творчества, найти свое место, самоутвердиться и в какой-то мере избежать повторения досадных ошибок, столь свойственных молодежи.

Право первого шага дано каждому. Порой он ведет к успеху, порой — к неудаче. И даже в случае неудачи к дебютанту относятся доброжелательно, поскольку велика надежда увидеть во втором, уже самостоятельном шаге не попытку, а само действие. Процесс становления творческой личности в наши дни приобретает особую актуальность, поскольку сегодня мы становимся свидетелями массового прихода на сцену и в кино, впрочем, как и во все другие сферы искусства, молодых. Среди многих проблем, затронутых в постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», говорится и о постоянной работе ветеранов труда с подрастающим поколением. Но не об опеке, что на неопределенное время продлевает состояние инфантильности, а именно о помощи. Важно создать моло-

дому человеку максимум для раскрытия дарований, помочь развиваться его индивидуально. И только после этого требовать и ждать результатов.

Творческая зрелость, интеллектуальная значимость наступают тогда, когда человек ясно сознает поставленные перед ним задачи и с успехом решает их. Уроки мастерства, преподаваемые «великими стариками» — основателями школы сценического искусства, являются составным моментом источника вдохновения, без которого невозможно творчество. Постоянный поиск в самой жизни, активное участие во всех ее проявлениях, понимание гражданского долга человека в современном обществе дают основу для создания высокохудожественного образа. «Только сочетание больших идей и яркого воплощения их на сцене позволяет театру нести высокую миссию искусства», — говорится в статье народной артистки СССР А. Степановой «Забота о будущем».

Разговор о профессиональном мастерстве и той роли, что отведена работникам искусства в нашей жизни, продолжает заслуженный артист РСФСР А. Локтев. Среди его ролей, запомнившихся и полюбившихся зрителям, — образ Павки Корчагина, создавший, как пишет автор в статье «Светить другим, сияя...», «...некий духовный стержень, который теперь, спустя годы, продолжается в моих новых ролях». Рассуждения артиста о путях творческих исканий, сценическом воплощении драматического замысла произведения и общественном резонансе профессии показаны им на примере работы над ролью Павки Корчагина. «Уметь не отставать от жизни, а идти в ногу с ней — вот сегодня задача актера, задача театра, всего нашего искусства», — утверждает Локтев. Нравственные идеалы, которые питали Павку Корчагина, во все времена имели и имеют заряд колоссальной мощи, способный пробудить к действию. И, почувствовав его силу, человек не в состоянии оставаться на прежнем уровне — ведь теперь ей сопрягает свои поступки со своим героем. Так рождаются черты духовной близости и самоутверждения. Личная причастность к тому главному, чем живет страна, достигается актером в решении образа, творческом служении искусству и обществу.

Эта книга важна и полезна не только начинающим актерам, режиссерам и драматургам, поскольку в ней есть строки, адресованные и воспитателям. Серьезный разговор, что ведут на страницах известные мастера сцены и предстатели творческой молодежи, заставит задуматься, а во многом и переосмыслить отношение к действительности. Полезность этого издания весьма очевидна и в том, что оно раскрывает перед человеком, мечтающим о таких профессиях, как актер, режиссер, специфику дела, помогает строже относиться к избранному пути.

Михаил КОРОТКОВ

ИСТОРИЯ



«Живые голоса истории»

Когда кто-нибудь признается, что засыпает над научно-фантастическими книгами, а кто-то доверительно сообщает, что его единственная страсть — детективы, хочется, разумеется, возразить и тому и другому, поспорить, но, как правило, дойдя до незыблемого аргумента «вкус — дело тонкое и индивидуальное», мы соглашаемся с любыми литературными пристрастиями. Но едва ли найдется человек, который не любит книг на темы исторические. История для нас, для нашего духовного мира то же, что корни для дерева: переруби, нарушь эту связь, дерево погибнет, не получая необходимых жизненных соков.

В книге Андрея Сахарова и Сергея Троицкого «Живые голоса истории» («Молодая гвардия», 1978 г.) читатель встретит рассказы, очерки, зарисовки,

подлинные документы по отечественной истории, а чтобы «не заблудиться» в многоплановой конструкции книги, чтобы верно понять, осмыслить и по достоинству оценить и отрывок в несколько строк из старинного списка и очерк о конкретном событии из истории буквально наших дней, чтение непременно надо начинать со вступительной статьи. Написанная популярно, прилитолированная любопытными фактами (а факт — основа исторической науки), статья поможет читателю разобраться в том, почему из десятков документов и тысяч фактов именно те, а не иные выбрали авторы для своей книги, поможет раскрыть их общественную значимость для будущего нашей Родины.

...XV век. Тверской купец Афанасий Никитин, снарядив струги, поплыл по Волге в сказочную Индию, куда и дорог-то в те времена на Руси не знал никто... Уж на что всем с детства известно это почти фантастическое «хождение за три моря», а все-таки читатель бездумно не перелистнет эти страницы.

О чиновничьей извилистой лестнице елизаветинских и екатерининских времен, о первой газете и первом пароходе в России, о победе Кутузова над императором Наполеоном и пугачевской вольнице, о декабристах и большевиках, о первых тяжелых годах Советской республики и важнейших вехах Великой Отечественной узнает читатель из этой книги. А Сахарову и С. Троицкому удалась задача смелая и очень сложная: собрав под одну обложку самые разноплановые материалы — архивные документы, художественные очерки, публицистические статьи, важные исторические решения, они сумели уйти от, казалось бы, неизбежного в подобных изданиях сухого, наукообразного изложения. Их очерки, написанные живо, легко, увлекательно, подтверждают высокую квалификацию авторов равно как в знании истории нашей Родины, так и в литературном творчестве. Это сознание — их большая удача.

К читателям книги «Живые голоса истории» хочется обратиться с такой просьбой: прочитав книгу, не ставьте ее на полке, дайте почитать соседям, друзьям, знакомым. Историю своей Родины должен хорошо знать каждый истинный гражданин.

В предисловии сказано: «...эта книга может быть интересна и полезна юношам и девушкам, которые каждый год отправляются в походы по родной стране, по дорогам трудовой и боевой славы нашего народа, изучают историю своей великой Родины». Конечно, в первую очередь она должна привлекать юношескую аудиторию. Но можно утверждать, что она будет интересна, полезна и доступна всем — независимо от возраста и багажа знаний, а главное, послужит благому делу воспитания патриотизма, высоких нравственных идеалов.

Валентина МИХАЙЛОВА

Литературно- критическая мастерская «Смены»

ПОЭЗИЯ



Бесстрашие искренности

В новой книге Владимира Соколова «Городские стихи» (издательство «Советский писатель», 1977 г.) слово, душа и природа сотканы из одной материи. Поэт улавливает каждое движение внешнего мира. Декабрьские морозы, весну, осень он хорошо знает, как старых знакомых, как живых во плоти. Понятно, что впечатление неоднородно. Весна — пришествие и воцарение полной гармонии.

— Лев Христофорович! — крикнул вслед Грубин. — Вы не так поняли!

— Еще как понял! Не впервые сталкиваюсь с такими настроениями в научных кругах. Деньги можете пока не возвращать. Я не мститель.

Дверь за профессором тяжело захлопнулась.

Грубин возвратил дрессировщицу в коробку и сказал:

— Пойду за новым кинескопом. Учти, если не получится, придется тебе остаться тут навсегда.

Лев прыгал по коробке, как котенок, радовался встрече...

Грубин вернулся через час, склоняясь под тяжестью трех кинескопов. Первым делом он проверил, как себя чувствуют жильцы. В коробке было мирно, а вот журналист исчез. Исхитрился вылезти из ящика. Вот незадача. Сейчас бы работать, каждая секунда на счету, а надо искать беглеца. А то станет жертвой какой-нибудь кошки.

— Что делать? — спросил Грубин дрессировщицу. Как старый знакомый, он рассчитывал на сочувствие. — Пропал твой напарник, — объяснил Грубин. — Где искать — ума не приложу.

Дрессировщица задумалась, а потом показала на льва.

— Предлагаешь использовать? Умница. А то мне без помощников час пришлось бы потратить — видишь, какой здесь беспорядок? Как бы только лев его не покалечил.

Грубин выпустил жильцов из коробки, а сам принялся за работу.

Для дрессировщицы со львом комната казалась минимум городской свалкой в несколько гектаров. Они медленно пробирались сквозь завалы, и порой Грубин терял их из виду. Минут через десять Грубин настолько увлекся любимым делом, что забыл о жильцах. Прошло еще полчаса, прежде чем он спохватился: где же они? Он вскопал, принялся крутиться, осторожно переступая, чтобы не наступить на них невзначай.

Увидел он жильцов в необычном месте. Они сидели в ряд на грубинском галстуке, забытом под столом. Втроем. Дрессировщица увидела в вышине встревоженное лицо Грубина и помахала ему, утешая: продолжай, мол, трудиться, мы уж как-нибудь без тебя разберемся.

Грубин вернулся к установке. Но бывает же так: нужно спешить, а работа не клеится. До позднего вечера бился Грубин. Даже не поел.

Для жильцов время тянулось еще медленнее. Они забрался в коробку — все-таки свой угол, — о чем-то переговаривались знаками. Порой молодой человек

принимался взволнованно ходить из угла в угол, а лев поворачивал голову ему вслед.

Наступила ночь. Грубин не ложился. Ему казалось, что жильцы побледнели. Их электронная структура в любой момент могла отказать — и погибнут люди. Ничего не оставалось, как работать и надеяться...

В половине пятого Грубин не выдержал, свалился на кровать, а когда очнулся, уже наступило воскресенье. Три часа коту под хвост! Он метнулся к коробке, как мать к колыбельке больного младенца. Жильцы спали — лев посерединке, люди по бокам, прижавшись к зверю.

При виде этой картины Грубин проглотил набежавшую слезу. Притащил махровое полотенце, накрыл спящих и обернулся к машине.

— Нет, — прошептал он, — ты покорись!

Он стиснул зубы, схватил отвертку, словно винтовку. И через час сопротивление телевизора было сломлено. Начали разгораться лампы, дрогнули стрелки приборов, и знакомый гул наполнил помещение.

Главное теперь — не упустить момент. Грубин был как сапер, который ошибается лишь раз. Если кто-то еще вывалится из экрана или перегорит трубка — лучше пулю в лоб.

По экрану пошли цветные полосы. Грубин бросился к коробке, подхватил ее — и обратно к телевизору. От сотрясения жильцы проснулись и хлопали глазами от ужаса и непонимания.

— Держитесь, ребята! — воскликнул Грубин. — Сейчас или никогда!

На просветленном экране обозначилась группа поющих детей. Спной к экрану стоял дирижер. Он находился в опасной близости от рамы, и поэтому, выхватывая из коробки пленников и бросая их без церемоний внутрь, Грубин не спускал с дирижера глаз.

Жильцы так и не поняли, что же произошло. Один за другим они оказались внутри телевизора — дрессировщица, молодой человек и лев. Дети, увидев льва, бросились врассыпную, дирижер отпрыгнул, и хорошо еще, что Грубин его подстраховал — подхватил на лету и кинул обратно... Продолжения этой драматической сцены Грубин не увидел. Раздался страшный треск. На всей улице вылетели пробки, в комнате зазвенели стекла и распространились горелые запахи...

Грубин с облегчением вздохнул и опустился на пол у телевизора. И тотчас заснул. И не слышал, как шумели соседи, стучались к нему, грозили милицией.

Осень — пора некоторого душевного разлада, неприкаянности. Свои отношения у поэта с дождем, с ветром, с городским асфальтом.

Когда-то в юности им было высказано желание, чтобы «строчки забыли, что они слова». Спустя четверть века Соколов пишет: «Поэму отнесло, как тучу». Строка приобретает горьковатость зеленой почки. Сам поэт превращается в ограду, в траву, в «шумящую воду водостока». Достигается полная имитация органического слияния с природой.

Но вечно очаровываться невозможно. «Как же душу расстать с красотой разочарования?..» Душа не принадлежит целиком внешнему миру. Она достояние человека. Самое трудное в том, чтобы вынести наружу себя, не боясь ни суда, ни сплетен, ни упреков. Страстно желание поэта быть предельно откровенным с людьми. Он обладает тем душевным качеством, которое я назвал бы бесстрашием искренности.

Упаси меня от серебра
И от золота

свыше заслуги.

И не знай, и не знаю добра
Драгоценнее ливня и дожди.

Им не надо, чтоб был я иной.
Чтоб иначе глядел год от года.
Дай своей промерцать

сединой

Посреди золотого народа...

Предельная искренность поэта неразрывно связана с высокой человеческой мудростью. Корни этой мудрости — сознание ответственности перед людьми, перед эпохой. Эта духовная позиция поэта-гражданина выражена особенно четко в стихотворении «Ровеснику»:

Испытание временем,
Испытание веком,
Испытание бременем
И родным человеком...

Все надо выдержать с честью, оставаясь «знаменитым, как в детстве». Владимир Соколов выдержал самое серьезное испытание поэзией. Он вынес, выстрадал, сохранил свое поэтическое лицо.

Наступает время, когда поэт перестает бояться, казалось бы, банальных словосочетаний, наполняя их своим содержанием. Это признак поэтической зрелости. Полная раскованность в обращении со стихом, впечатление нерукотворности создания — то, к чему пришел В. Соколов.

...Святыню я вижу святыней,
Как любой несвятой человек.

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Поэзия Владимира Соколова стала неким объединяющим началом современной русской советской поэзии. Ведь именно поэтому о его творчестве, как о близком и необходимом, говорят такие непохожие друг на друга поэты: Сергей Наровчатов и Александр Межиров, Владимир Цыбин и Евгений Евтушенко, Николай Старшинов и Юрий Левитанский.

Сергей КУНЯЕВ,
студент

ПРОЗА



Источник ВДОХНОВЕНИЯ

1883 год. Губернский город Самара. Однообразно течет жизнь светского общества среди праздных развлечений. Казалось ничто не может выбить ее из привычной колеи. И вдруг интригующее судебное разбирательство... Так начинается Виктор Петелин повествование о выдающемся русском писателе Алексее Николаевиче Толстом («Молодая гвардия», 1978 г.). Книга из серии «ЖЗЛ» на корешке всегда праздник. От нее ждешь чего-то необыкновенного, нового и обязательно интересного. Книга В. Петелина оправдала ожидания... Почти детективное описание суда над родителями А. Н. Толстого сразу же захватывает так, что уже невозможно оторваться. Материалом для книги послужили архивные до-

кументы, воспоминания, письма. Они не только помогли воссоздать подлинные события, но и сделали повествование достоверным и убедительным.

Из воспоминаний В. А. Поссе, врача, революционера, мы узнаем, что любовь к литературе привила Алексею Толстому мать — Александра Леонтьевна.

Она сама пыталась писать, однако писательницей себя не считала. «...Я живу надеждою, — говорила она, — что в моем мальчике мое небольшое дарование разовьется в большой талант». Александра Леонтьевна не ошиблась. Ее сын стал выдающимся писателем, художником многогранного таланта.

Но не сразу к Алексею Толстому пришла известность. Постепенно, через множество испытаний приходит писатель к настоящему мастерству. Не разобравшись в смысле великого революционного перелома, Толстой покидает Родину. Автор книги показывает, как обостряется у писателя тоска по родной земле, как мучительно ищет он жизненную правду. Все труднее становится Толстому за границей, «все больше не удовлетворяет жизнь адали от Родины, без ясной перспективы».

Поэтому вполне логичным было возвращение Алексея Николаевича на родную землю. Четвертый раздел книги — «Думы о Родине». Познакомившись с жизнью на Западе, Алексей Толстой по-новому смотрит на происходящее в нашей стране. «Источником вдохновения» для писателя становится строительство социализма. Но, не зная прошлого, нельзя понять и будущее. Этим объясняет Виктор Петелин повышенный интерес Толстого к истории России.

Автор вводит нас в творческую мастерскую писателя, мы словно становимся свидетелями процесса создания многих романов, повестей, рассказов Алексея Толстого. Нам открывается картина кропотливой двадцатилетней работы над трилогией «Хождение по мукам». Анализируя творчество Толстого, автор книги как будто предлагает самый короткий и самый правильный путь к познанию сути произведений писателя. Поэтому книга представляет особый интерес для юных читателей. Она поможет им разобраться как в творческой индивидуальности А. Н. Толстого, так и в сложности событий, описанных им.

В последней части книги автор приводит интервью писателя корреспонденту «Литературной газеты», в котором Алексей Николаевич сказал: «Октябрьская революция как художнику дала мне все. Мой творческий багаж за десять лет до Октября составлял четыре тома прозы, за пятнадцать последних лет я написал одиннадцать томов наиболее значительных моих произведений». В этих словах — дань признательности Октябрю, дашему толчок творческому взлету выдающегося писателя.

Елена КОВАЛЕВА,
студентка

ПРОЗА



О Родине детства...

Родина нас обнимает, любя
(Ласковый взгляд,
материнская речь),
И бережет неустанно тебя.
Вырастешь — ты ее становишь
бережь.

Думается, эти строки стихотворения М. Линнамяги «Родина детства» могут стать эпиграфом к сборнику произведений эстонских писателей, на обложке которого написано: «Самые лучшие ребята» (изд-во «Ээсти Раамт», Таллин, 1977 г.)

И в самом деле, читая книгу, мы убеждаемся, что она посвящена ребятам прекрасным. Но ведь они должны стать и «самыми лучшими» взрослыми. Вот этому и учат произведения мастеров эстонской литературы, отдавших свои дарования самым юным гражданам.

Прочитав сборник, мы убеждаемся, что талантливые детские и юношеские писатели Эстонии — это настоящие педагоги, воспитатели: они понимают, что юных нужно приобщать

не только к законам точных наук, но, быть может, в первую очередь к высоким законам трудового, нравственного и эстетического воспитания.

Рассказы Э. Нийт «Поработали на славу!», Ю. Парийги «Мы занимаемся домашними делами», стихотворения Р. Парве «Два рыбака», П. Хаавоаса «Садовник», В. Вилланди «В магазине» учат без малейшей назидательности не просто любить труд, а относиться к нему творчески и всегда находить в нем радость преодоления, открытий.

Юные учатся у своих старших друзей подражать тому, что достоин подражания... Но они и сами способны исповедовать друг другу те высокие законы честности, нравственности, в суть которых вникают. Отрывки из популярной книги Э. Рауда «Сипсик», включенные в сборник, — наглядное тому доказательство. Игрушечный мальчик Сипсик становится не только другом «самых лучших ребят», но и вроде бы их учеником. Они воспитывают его по тем же правилам, по которым их самих воспитывают мамы и папы. Но иногда, словно бы невзначай, Сипсик заставляет своих «учителей» учиться: доброте, благородству, чуткости.

Известно, что ребенок не терпит нравов. Но ведь надо же как-то подсказать ему, чем зло отличается от добра, что своеобразие и эгоизм, если они овладеют мыслями и чувствами юного человека, его же самого сделают одиноким, несчастным. Ничто лучше, чем талантливая литература, не сможет, я думаю, преподать этот необходимый урок. Вот шуточное стихотворение Х. Мяннд «Гости из Капризи». Оно, сюжетное и остроумное, убеждает маленького читателя, что «проявлять характер» необходимо в тех ситуациях, когда идет борьба за правду и справедливость, а не тогда, когда вдруг захочется своевольничать.

Хорошее дело совершили эстонское издательство, составитель сборника А. Яаксоо, переводчица А. Прокофьева, В. Рождественский, Л. Тоом, И. Токмакова, Ю. Мориц, Л. Смирнов, Б. Штейн, С. Семенов, Н. Яворская: издана книга, которая стала другом маленьких читателей и их умным, добрым советчиком.

Елена СЕТУНСКАЯ,
студентка

Но на этом история не закончилась...

Грубин прервал опыты. Следовало освоить теорию. Грубин помирился с Минцем, читал журналы, и профессор переводил непонятные места с иностранных языков. Чтобы расплатиться с долгами, Грубин много работал, экономил на питании и все ждал того часа, когда создаст базу для новых достижений.

К весне Грубин исхудал, глаза провалились так глубоко, что их не было видно. Удалов, который собрался в отпуск, пожалел друга и достал ему соцстраховскую путевку.

Так они попали в Сочи.

Как-то друзья гуляли по городу, и вдруг Грубин замер, словно пораженный молнией.

— Гляди, Корнелий! — вскричал он.

— Что? Где?

— На афишу гляди! Узнаешь?

На афише была изображена дрессировщица. Она стояла, поглаживая рукой гриву льва.

— Кто такая? — спросил Удалов.

— Да я ж ее из телевизора вытацил! А ты еще удивился.

— Не может быть!

Грубин уже увлек Удалова в сторону цирка. Удалов не сопротивлялся. Только бормотал: «Скажи, Саша, она в коробке жила?.. Саша, а вдруг она на тебя в обиде?»

Чем ближе они подходили к цирку, тем меньше было в Грубине уверенности. О чем они спросят дрессировщицу? Подозревает ли она, что ее уменьшенная копия прожила три дня в коробке из-под ботинок?

Грубин замедлил шаги. Впереди показался цирк.

— Корнелий, — сказал он, — может, домой пойдём?

— Нет уж. Истина прежде всего. Погляди, это не она?

Грубин поглядел вперед. У служебного входа стояла девушка.

— Она.

— Тогда иди.

— Ни в коем случае.

— Тогда я сам пойду.

— Может, не надо?

Удалов быстро пересек площадь. Грубин остался на месте. Удалов подлетел к

девушке, но она его не заметила. Она смотрела в другую сторону. Грубин проследил за ее взглядом. К девушке спешил высокий молодой человек в кожаной куртке. Он поднял руку, приветствуя дрессировщицу. Тот самый молодой человек!

Мысли Грубина неслись по кругу, как мотоциклисты по гаревой дорожке. Надо было отозвать Удалова. Но как отзовешь, если он уже вцепился девушке в рукав и Грубин, хоть стоял в ста шагах, отчетливо, видно, на нервной почве, слышал каждое слово.

— Простите, девушка, но ваше лицо мне знакомо. — Это голос Удалова.

— Я вас не знаю. — Это голос девушки.

— Что ему от тебя нужно? — Это голос молодого человека.

— Может, вы меня в цирке видели? — Это голос девушки.

— Нет, я вас в другом месте видел. Вы в доме шестнадцать на Пушкинской улице бывали? — Это голос Удалова.

— Мы спешим. — Это голос молодого человека.

«Откуда же ей знать о доме шестнадцать?» — Это мысли Грубина.

— И вы не знаете моего друга Александра Грубина? — Это голос Удалова.

— Простите, не встречала. — Это голос девушки.

«Откуда ей знать, как меня зовут?» — Это мысли Грубина.

— Тогда простите за беспокойство. — Это голос Удалова. — А лев на афише? Это ваше животное?

— Это Акбар.

— Как же, помню, он меня за брюки хватал...

Молодые люди посмотрели на Удалова как-то странно и пошли прочь.

И вдруг, словно ощутив настойчивый взгляд Грубина, девушка посмотрела через площадь. Встретилась с ним взором. Грубин даже зашевелился.

— Сережа, — сказала девушка. — Откуда мне так знакомо лицо того человека? Очень знакомо. У меня с ним связаны неприятные воспоминания.

Молодой человек взглянул на Грубина. Пожал плечами.

Они пошли дальше. Но через несколько шагов остановился уже молодой человек.

— Ты права, — сказал он. — Где-то я его встречал.

Удалов вернулся к Грубину.

— Пустой номер, — сказал он. — Забудь об этом.

ЗАГАДКА

Петер АДАМС (ГДР).

ЗАМКА

РОМАН-ПАРОДИЯ

КАРЕНТИН

Перевод Галины
и Юрия ЖАРОВЫХ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой благосклонная публика познакомится со злополучной таверной «Кровавая кузница» в небольшом портовом городке Англии, страны, которая, как известно, определяет мировой уровень по числу преступлений и способностей своих криминалистов.

Таверна «Кровавая кузница» находилась в конце главной улицы, которая вела через городок Уолс к порту. Своим названием она была обязана легенде о происходивших здесь когда-то жутких убийствах. Около трехсот лет назад некий Ричард Шеннон перестроил кузницу в таверну и занялся грабежом. Рассказывали, что трупы иных посетителей, заночевавших в таверне, приносило течением к прибрежным скалам. Об этом мифическом разбойнике было опубликовано даже несколько книжонок, в том числе большая поэма. Его злодеяния поддерживали славу захолустной таверны до сегодняшнего дня и делали ее заманчивой для туристов.

Билл Шеннон, последний отпрыск владельцев кузницы, был кротким, добродушным, малоразговорчивым человеком, но обладал здоровой коммерческой смекалкой. Он позаботился о том, чтобы зал таверны был оборудован в духе семейных традиций. Стены и потолок были покрыты копотью. Цепи, колеса и клещи художественно оформляли помещение. Они были выкрашены коричневой краской, что производило впечатление то ли ржавчины, то ли невинно пролитой крови.

Когда какой-либо приезжий спрашивал, действительно ли триста лет назад таверна выглядела так же, как сегодня, лицо Шеннона принимало задумчивое выражение и он искренне заявлял:

— Нет, сэр, не совсем триста, но то, что так было по меньшей мере двести семьдесят пять лет назад, — за это я готов поклясться на огне. — Он вытягивал свою руку с толстыми пальцами в сторону камина, который был и не камином вовсе, а кузнечным горном с мехами, какие можно встретить в старых кузницах.

В присутствии Дороти Торп хозяин никогда не осмеливался связывать известность своей таверны с подобными историями. Она обладала подлинно английской трезвостью, критическим складом ума и ядовитым юмором. Даже когда Шеннон доходил до самого главного в своем увлекательном рассказе, а именно как юные отпрыски его предков играли с отрубленными головами, приговаривая: «Продаю свеклу — сколько даешь», — он прикусывал язык, если в дверях неожиданно появлялась тощая фигура леди Дороти Торп.

— Ты неплохо морочишь голову, Билл, но тебе не

хватает исторических познаний, чтобы казаться правдивым, — резко обрывала она трактирщика. Не зря же до замужества она была учительницей в Уолсе: — Ведь игру «продаю свеклу — сколько даешь» мы с тобой сами выдумали, когда помирились со скуки за партой воскресной школы.

В таких случаях простодушный трактирщик замолкал. Он приносил Дороти Торп напиток, который она вот уже двадцать лет принимала как лекарство для желудка. Коктейль был весьма своеобразен. Он состоял из пивной кружки чистого виски, в который добавлялись половина чайной ложки черного перца, яйцо, мускат и щепотка соли.

Полудни, когда началась наша история, Дороти Торп пропустила два стакана этого дьявольского напитка, как его называл Шеннон. За несколько часов до этого в каменистой земле старого кладбища Уолса она похоронила своего мужа. Одеть ей еще во все черное, Шеннон был одним из участников похорон. Но только сейчас он принялся изливать свои чувства:

— Хотя я почти не знал сэра Роберта, я ощущаю, как во мне растет чувство глубокой печали...

— Перестань печалиться, — прошипела в ответ Дороти. — Так же, как и я, ты знаешь, что эта смерть не была для меня болезненной утратой, напротив, это радостное событие. Человек, который тридцать лет назад своими офицерскими манерами и усами заставил меня забыть, что я обладаю весьма здравым и критическим умом, жил на тридцать лет дольше, чем было нужно. О, если бы он на следующий же день после нашей свадьбы свалился с лошади или утонул! Любая другая естественная или неестественная смерть меня бы тоже устроила.

Вдове было за пятьдесят. Она была весьма тощей особой, но не лишена привлекательности. Ее здоровые белые зубы немного выдавались вперед, и, когда она смеялась, Шеннон всегда слегка вздрагивал. Ему казалось, что она укусит его за палец.

— Если ты говоришь серьезно, то я не понимаю, почему ты так долго ждала, — заметил кроткий отпрыск кровожадных головорезов.

— Всерьез ли я говорю? Еще бы! Эх, ты, лысина на двух ногах, — вставила Дороти. — И уже поскольку мы с тобой с детства совершали преступления, когда обирали огород священника, я хочу тебе признаться.

— Пожалуйста, не надо! — Шеннон поднял руки вверх, словно хотел заткнуть уши. Он заранее знал, что если Дороти Торп начнет свои излияния, то он попадет в незавидное положение.

— Ну почему же не надо, тебе я доверяю. — Дороти показала зубы. — Мой муж умер совсем не от эмболии легких. Я была провидением, которое помогло ему покинуть земную юдоль. — Она так по-дружески улыбнулась Шеннону, что холодок пробежал по его спине. — Тебе известно средство

для уничтожения насекомых-вредителей под названием «Мгновенная смерть»? Достаточно одного пакетика, чтобы очистить целый morgen поля от всех насекомых, полной столовой ложки — чтобы отправить на тот свет дюжину людей. И по тому, как ты таращишь на меня глаза, я вижу, что в тебе пробудилось любопытство узнать, почему я это сделала.

— Да, мне действительно это интересно.

— Этому горькому пьянице, который называл себя баронетом Торпом и который за всю свою жизнь и пальцем не шевельнул, чтобы сделать что-нибудь стоящее, везло в жизни, как дураку в сказке. Два года назад ему всучили пачку африканских акций, стоимость которых была равна примерно пачке старых газет. И что же случилось однажды? Стоимость этих акций подскочила с головокружительной быстротой. В одном из забытых всеми районов Африки были найдены залежи алмазов величиной с грецкий орех. Их можно было собирать мешками. Так я стала сегодня миллионершей и мечтаю вовсе насладиться жизнью, используя каждый представившийся мне случай. Повторить! — крикнула она, брезгливо прикасаясь к пустому стакану.

И хотя Шеннон слишком хорошо знал свою подругу детства и ее манеру шутить, но на этот раз в его голове возникло смутное подозрение, что невероятное признание не так уж и невероятно, как оно прозвучало вначале.

Между тем в таверне собрались посетители, очевидно, туристы, которые хотели насладиться ее атмосферой застарелых ужасов. Шеннону пора было приняться за обслуживание. Гости, как обычно, задавали весьма примитивные вопросы: «Этим пилами обезглавливали людей?» или «В этом кузнечном горне жарили их?», — но сегодня Шеннон отвечал довольно скупое. Его взгляд то и дело останавливался на вдове, которая благодаря столовой ложке яда для насекомых стала миллионершей.

Когда Шеннон снова подсел к Дороти, она кротко улыбнулась.

— Знаешь, Билл, каковы теперь мои планы?

— Отремонтировать замок и...

— Сначала я поеду в Кению охотиться на львов. Затем хочу посмотреть, как русские выращивают помидоры на Северном полюсе. После этого я отправлюсь во Флориду и научусь кататься на водных лыжах. Если мне встретится настоящий мужчина, может быть, я еще раз выйду замуж, чтобы вместе поехать в Канаду ловить форель.

«Она смеется надо мной», — подумал, вероятно, не без оснований друг детства и спросил:

— А скажи, нет ли, кроме тебя, других наследников?

— Слава богу, нет, — ответила она с чувством глубокого удовлетворения.

В этот момент в таверну вошел почтенный пожилой человек. На нем был черный котелок, черный костюм, начищенные до блеска черные ботинки, а в руке — черный зонтик. Даже борода у него была черная.

С подчеркнутым достоинством он подошел к Дороти Торп, с не меньшим достоинством поклонился и представился:

— Гарольд Фишер.

Дороти изумленно посмотрела на незнакомца, затем подмигнула левым глазом, подняв правую бровь.

— Мне кажется, я вас где-то видала, — сказала она не очень уверенно.

Человек в черном, назвавшийся Фишером, кивнул.

— Я имел честь присутствовать на похоронах вашего супруга сэра Роберта.

— Это и видно. Вы что, искупались в черных чернилах?

Фишер попытался улыбнуться:

— Есть страны, где на похороны надевают все белое, украшают себя цветами и идут за гробом танцуя. Например, на острове Ява. — И затем добавил: — К сожалению, мы находимся не на Яве.

— Вот именно. — Дороти Торп пригубила свой напиток. Внезапно ее осенила тревожная мысль, и она не преминула спросить:

— Вы случайно не родственник моего мужа?

— Нет, такой чести я не удостоен.

— Отвечайте как человек и не торчите передо мной как черный ворон, — напустилась вдова на господина в черном. — Вам что-нибудь угодно? — И, не давая гостю раскрыть рта, добавила: — Если вы представляете Общество друзей бродячих собак и кошек или секту, члены которой блуждают по ночам в ночных рубашках со свечой в руке, то возвращайтесь домой и передайте своим братьям, что им у меня нечего искать.

— Я пришел по поводу ваших роз, леди Торп, — сказал Фишер, не обращая внимания на ее слова. — Если вы позволите заметить, ваши розы бывают летом в самом жалком состоянии. Говорят, что на них больше цветочной тли, нежели листьев, а клумбы с гвоздиками не отвечают, видимо, больше уровню замка Карентин.

— Короче, вы садовник?

— С вашего позволения, да. Я прочитал ваше объявление и приехал сюда на прошлой неделе. Это было в день смерти сэра Роберта. Если вы позволите, то я хотел бы поговорить с вами.

— Покажите мне ваши рекомендации.

Фишер церемонно достал свое портмоне и так же церемонно выложил на стол документы.

Дороти Торп взглянула на бумаги и равнодушно отодвинула их в сторону.

— Я и так знаю, что там написано: порядочный, трудолюбивый, надежный, преданный, обладающий чувством долга, готовый на жертвы, аккуратный. Ведь в противном случае вы не выложили бы передо мной эти бумажки, не так ли?

Человек в черном не ответил.

— Ну ладно, я беру вас. Мой сад кишит насекомыми, они пожирают розы и капусту, — сказала она решительно.

— Против этого бича имеется лишь одно испытанное средство — яд для насекомых «Мгновенная смерть», — сказал садовник, причем на его лице не дрогнул ни один мускул.

Шеннон, проходивший в это время мимо стола, за которым сидела леди Торп, вздрогнул при упоминании средства для уничтожения насекомых. Ему на ум пришла ужасная мысль. Он испугался за свою жизнь. Предчувствие подсказало ему, что сэр Роберт не единственная жертва и что традиция «Кровавой кузницы» возродится в замке Карентин.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой садовник, принятый на работу скорбящей вдовой весьма уважаемого баронета Роберта Торпа и великолепно разбирающийся в ЯДАХ ДЛЯ РАСТЕНИЙ, проявляет и другие недюжинные способности. Это вновь подтверждает истину о том, что при подборе ПРИСЛУГИ никто не гарантирован от неожиданностей.

Первое время все было тихо и ничто не грозило нарушить мир в замке Карентин. Резиденция Торпов — смешение по крайней мере трех-четырех архитектурных стилей — представляла собой тронутое временем, неприглядное здание, которому можно было лишь пожелать стать жертвой землетрясения. Поскольку духи уже длительное время сопротивлялись и не выполняли в нем свои обязанности навещающих ужас призраков, то и в этом отношении все было спокойно.

Даже погода, которая до этого была туманной, пасмурной и дождливой и тем самым климатически обуславливала преступления, и та одумалась. Небо прояснилось, весеннее солнце сияло как свеженачищенная латунная лампа: ночи были теплые, на кустах и деревьях лопнули клейкие почки, и желтоватая, почти прозрачная зелень появилась на ветвях.

Фишер, стремясь привести парк в должный порядок, работал с утра до ночи. Он так старательно выполнял свои обязанности, что даже экономка дома Патриция Хайсмит вынуждена была признать, что новому садовнику нельзя отказать в прилежании и усердии.

— С этим я согласна, — говорила она, — но со всем другим нет.

Дороти, которая сидела с ней за карточным столом в зале, сказала:

— Тебе ничего не нравится из того, что я приобретаю. Идет ли речь о таксе Аполло, или о велосипеде, который я купила на прошлой неделе, или о новом садовнике.

— Вы смеетесь надо мной. Но разве я не оказывалась всегда права? — парировала полная дама. — Велосипед стоит в гараже разбитый, и вы нажили себе за один месяц больше врагов, чем за последние десять лет. И в отношении Фишера, который выдает себя за садовника, я окажусь права. И если я, бедная вдова, говорю, что он разбойник, головорез, убийца и поджигатель, то говорю правду, и только правду, клянусь честью. — В знак своего глубокого убеждения Патриция подняла вверх три пальца и озабоченно спроси-

ла: — Вы действительно убеждены в том, что не осталось других наследников?

— Я прожила с этим слабоумным пьяницей двадцать девять лет, семь месяцев и двенадцать дней, и, наверно, мне лучше знать, что я единственная наследница. Конечно, не исключено, что может появиться какой-нибудь вымогатель, чтобы отобрать у меня часть заработанного столь тяжким трудом состояния. Но ты знаешь меня: он не получит ни единого шиллинга.

— Когда будет вскрыто завещание?

— Сразу же, как только этот Локридж, который выдает себя за адвоката и постоянно ездит в Лондон в поисках неприятных развлечений, опять вернется в Уолс. Я надеюсь, что это произойдет уже завтра.

Патриция, которой обычно даже на безоблачно-голубом небе виделись облака, на этот раз решила защитить адвоката.

— Когда лежишь на операционном столе, то я бы не назвала это развлечением. — И после некоторого раздумья она добавила: — На всякий случай я включу вас сегодня вечером в свою молитву, чтобы вы были единственной наследницей.

— В таких делах человеку не поможет никакой бог. Он должен сам знать, как себе помочь. — Дороти кивнула в сторону книжной полки. — Видишь книгу профессора Стюарда «Наиболее известные в мировой истории случаи убийств путем отравления, которые никогда не были доказаны»? Ты даже не представляешь себе, что можно натворить с помощью нескольких грибов или банки порошка для уничтожения насекомых.

Патриция посчитала христианским долгом осенить себя крестом.

— Нет, миссис Торп, это нехорошо. Такому, как Фишер, можно разрешить все, потому что он по натуре преступник. Но даме вашего положения не должны приходиться в голову такие мысли.

— Нам надо в ближайшее время обязательно отремонтировать камин в моей комнате, — ответила на это Дороти Торп. — При сильном ветре из трубы в огонь падают камни. Так можно однажды ночью и сгореть живо.

— Я видела, как он делал почтовые конверты. — Патриция не давала сбить себя с толку. — Он делал их с такой ловкостью, что я ужаснулась.

— Что он делал? — спросила Дороти удивленно.

— Он пришел ко мне на кухню и спросил, нет ли у меня нескольких конвертов. Я ответила, что нет. Он так ехидно ухмыльнулся, как будто думал, что у меня их целый ящик. После этого он пошел в свою каморку, я за ним. Что же я увидела через замочную скважину? Он взял лист бумаги и свернул его в конверт с такой быстротой, что у меня перехватило дыхание. С такой же ловкостью он склеил его. Тогда я сказала себе: «Патриция, в нашем доме появился преступник».

— И все потому, что он так ловко сделал конверт? Мне кажется, это слишком надуманно.

— Нет, это не так, если учесть, что определенные способности приобретаются только в результате многолетних навыков.

— Ты считаешь, что он сидел в тюрьме?

— А взгляд, а выражение лица! Оно вдруг перекопилось, стало угрюмым, полным ненависти, как будто он хотел откусить у кого-то палец. Наверно, у тюремного надзирателя. А цвет его лица? Очищенная картофелина и та содержит в себе больше крови. Это результат того, что он многие годы не видел солнца и света.

— Может быть, ты и права, — согласилась Дороти. И тут она произнесла фразу, от которой лицо Патриции побелело и превратилось в подобие очищенной картофелины. — Иди и приведи его сюда. Мы должны все выяснить.

— О нет, я не могу! Если потом я столкнусь с ним одна в темной комнате или в коридоре, он меня...

— Сейчас светит солнце, везде светло, даже в подвале.

— И все же...

— Патриция, немедленно приведи ко мне садовника!

Глубоко вздохнув, будто она идет на плаху, Патриция вышла из зала и вскоре вернулась с Фишером.

На Фишере был серый жилет и серые брюки, его черные с проседью волосы были тщательно расчесаны на прямой пробор. Вообще он больше походил на степенного дворецкого, нежели на копающегося в земле и цветочной тле садовника.

Дороти ткнула пальцем в лист бумаги, который она положила на стол:

— Сверните его в конверт!

Фишер свел на лбу свои черные брови. Патриция прижала правую руку к сердцу, когда он бросил



Рисунок Сергея ТЮНИНА

быстрый и, как ей показалось, угрожающий взгляд в ее сторону. По его бескровным губам скользнула злобная улыбка. И действительно, не прошло и трех секунд, как лист бумаги превратился в конверт.

— Где вас этому учили? — Дороти осторожно коснулась конверта кончиком пальца, как будто она нажимала на взрыватель невзорвавшейся бомбы.

— Мой покойный отец, смею заметить, имел небольшую картонажную мастерскую. Я мог бы, если мне любезно разрешат, показать также, как в считанные секунды клеят пакеты и другие бумажные изделия.

— Вы никогда не сидели в тюрьме или другом подобном заведении? — спросила его Дороти без обиняков.

Фишер повернулся к Патриции Хайсмит и спросил, в свою очередь:

— Это выдумала глупая особа, которая всегда сопит за дверью у замочной скважины?

— Я не глупая особа, — возразила возмущенная Патриция.

Фишер не удостоил ее внимания.

— Позвольте мне удалиться, миледи? Перед ужином я обычно прочитываю несколько страниц Библии. — Фишер поклонился и вышел свойственной ему гордой походкой.

Патриция опустила на стул, достала носовой платок и начала сморкаться, что было признаком приближающихся слез.

— Могу голову дать на отсечение, что мое подзрение оправдано. Я обладаю здоровым чутьем.

— Оставь свою голову в покое, а то действительно потеряешь ее. Это подсказывает мое здоровое чутье, — сказала Дороти, дав понять, что разговор окончен, и вышла в парк.

С заходом солнца стало так же прохладно, как утром, и она приказала Патриции зажечь в спальне камин.

Вечером Дороти отказалась от обычной игры в карты и сразу же удалиться в свою комнату. В Уолсе она приобрела несколько книг и собиралась почитать в тишине.

Еще не было и десяти часов, когда Дороти отложила в сторону роман Фолкнера «Мошенники» и, усевшись перед туалетным зеркалом, намазала лицо ночным кремом. Настроение у нее было чудное. На что бы она ни смотрела: на свое отражение в зеркале, серебряную сигаретницу, горящий в камине огонь или светлое пятно на стене, где раньше висел портрет ее усопшего мужа, — повсюду ей казалось, что невидимая рука выводила: «Двести десять тысяч фунтов стерлингов; единственная наследница — Дороти Торп». Она удовлетворенно вздохнула. Ей казалось, что стоит лишь

глубоко втянуть в себя воздух, чтобы сразу же стать невесомой и вылететь через окно на улицу. Так легко было у нее на душе.

Вскоре Дороти легла в постель и погрузилась в глубокий, здоровый сон человека, совесть которого не отягощена грехами, даже если он и совершил проступки, которые не согласуются с десятью заповедями и тринадцатью тысячами семьями во семнадцатом параграфах английского уголовного кодекса.

Ей снилось, как покойный муж щекотал в ее носу ершиком для чистки трубки. Хихикая, он говорил, что его смерть обойдется ей дорого. Несколько раз чихнув, она наконец проснулась.

В комнате стоял едкий дым. Не успела она еще прийти в себя, как в углу, где находился камин, раздался страшный грохот. В него свалились камни. Тлеющие угли глядели из темного угла, как алые глаза, языки красного пламени разгорались, сливались и ползли все ближе к кровати Дороти.

Не понимая, что происходит, она устала на огонь. Наконец, придя в себя, выпрыгнула из кровати и побежала к двери, судорожно нащупывая ручку и ключ. Скоро ей удалось обнаружить ручку, но ключа на месте не было. И как она ни дергала, дверь не открывалась.

Дороти начала барабанить кулаками по двери, кричать во весь голос, но никто не откликнулся.

Между тем пламя уже лизало сервант слева от камин, загорелась портьера.

Дороти метнулась к окну и открыла его. Воздух освежил ее, но и помог разгореться пламени, которое разрасталось с угрожающей быстротой. Помещения старого замка были в основном отделаны деревом, и поэтому не потребовалось бы и получаса, чтобы он весь сгорел.

Дороти снова закричала, но ответом было безмолвие. До земли было метров шесть-семь. Дороти влезла на подоконник и хотела выпрыгнуть, но, взглянув вниз, поняла, что окончательно погибла. Под окном лежала борона, зубцы которой, словно зубы акулы, только и ждали ее. Ведь борона обычно лежит у ворот, мелькнуло в голове. Как же она оказалась под моим окном?

— Помогите! — крикнула Дороти в ночную тьму. Ей показалось, что она слышит далекий шум мотора. Неожиданно она увидела Фишера. На нем была длинная ночная рубашка, но, как всегда, он был полон достоинства. Даже пожар не мог вывести его из равновесия.

— Какой пожар, просто жуть, — сказал он степенно. — Сейчас придут пожарники.

Повернувшись к Дороти спиной, он ушел, оставив ее у окна. Через некоторое время Фишер вновь появился с пальто в одной руке и лестницей в другой. Леди Торп уже готова была броситься и на борону: полкомнаты было объято огнем. Фишер не спеша приставил лестницу и, когда полуживая от страха Дороти спустилась, с невозмутимым видом протянул ей пальто.

Когда Дороти, еще не совсем придя в себя, вошла в зал, там уже были пожарники, которые раскручивали шланг, чтобы подобраться к очагу пожара.

Патриция спала в своей комнате, возле кухни, заткнув уши воском, потому что не выносила шума. Она не слышала, как Дороти звала на помощь. Наконец, проснувшись, она повела Дороти на кухню, заварив ей горячий мятный чай и положила к ногам бутылку с горячей водой.

— Ночи очень холодные, вы можете подхватить воспаление легких.

Дороти не слушала ее. Мысль о том, что случилось с ней без помощи Фишера, не покидала ее.

Капитан пожарной команды вернул ее к действительности, сообщив, что опасность миновала.

— Мы установили причины пожара. Удивительно, что камин не обрушился раньше.

Дороти язвительно ответила, что лишь завтра она получит необходимые средства, чтобы капитально отремонтировать замок. И тогда она, конечно, пригласит его проверить все камин и трубы.

Капитан не нашелся что ответить, отдал честь и вышел. Судя по шуму моторов, пожарные машины уехали. Дороти и Патриция остались на кухне. Фишер что-то делал на первом этаже.

— Патриция, мне страшно, — сказала Дороти. — Если бы не наш Фишер...

— Наш Фишер! В этом поджигателе вы узрели своего ангела-спасителя! — Патриция понизила голос. — Я готова облысеть и ослепнуть, если не он устроил этот пожар.

— Что за чепуху ты мелешь? — возмутилась Дороти.

— Совсем не чепуху, — ответила Патриция. — Это он разрушил камин, но, как только услышал, что

подъехали пожарники, спас вас. Вы знаете, почему так быстро приехала пожарная команда? Я, правда, всего лишь бедная вдова, однако последнее время я догадывалась, что это чудовище замышляет что-то недоброе. Я пыталась понять, что бы это могло быть, и мне стало ясно, что такой убийца-поджигатель, как он, способен на все. Я позвонила своему племяннику Патрику и рассказала ему, что какая-то фигура в темном уже несколько дней бродит вокруг замка. Патрик в бинокль наблюдал за замком и сразу же известил пожарных.

— Ты сумасшедшая, Патриция! — Дороти засмеялась, но, неожиданно посерьезнев, сказала: — Не пойму только, как борона оказалась под окном. Ведь она всегда стояла у парапета. — Дороти вспомнила, что борона находилась там и вечером, когда она возвращалась с прогулки.

— Пойдем, мне нужно кое-что выяснить.

— Сейчас, среди ночи? Лучше бы вы шли спать.

Дороти пропустила совет мимо ушей и вместе с Патрицией через черный ход вышла во двор.

Она не поверила своим глазам. Бороны под окном не было, хотя она могла поклясться, что видела ее там.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой замок Карентин становится местом нашествия крайне странных фигур, которые, к раздражению его хозяйки и ее экономки Патриции Хайсмит, этой бедной вдовы, хотят поселиться в замке на длительное время.

На следующий день опять светило солнце, и прошлая ночь показалась Дороти лишь страшным сном. Только неприятный запах пожара убеждал ее в том, что события этой ночи были действительностью.

Она тщательно оделась — никто не должен был заметить, что пережитая опасность сильно отразилась в ней.

— У меня сегодня прекрасное настроение, — сообщила она Патриции, которая принесла на террасу завтрак. — Когда придет Локридж, проводите его ко мне.

В тот момент, когда она собиралась взяться за второе яйцо, из-за куста вынырнул высокий человек лет шестидесяти, типичная карикатура на бывшего офицера колониальных войск. Он выглядел так, как и должно было быть: седые, расчесанные на прямой пробор волосы, глупый взгляд вытаращенных глаз, нос крючком, пожелтевшие от никотина усы, торчащий подбородок, жилистая шея, плоская грудь, длинные, тощие ноги. Войдя на террасу, он несколько раз многозначительно хмыкнул, затем крикнул и поклонился, как деревянный солдатик, так что, казалось, был слышен скрип его позвоночника.

— Полковник Гарри Декстер, — представился он. Молча наблюдавшая за ним Дороти почувствовала, как в ней заговорило седьмое чувство. Несмотря на то, что выпитый горячий кофе, она ощущала в животе странный холодок. Ее губы сжались в тонкую нить.

— Что вам угодно? — спросила Дороти недружелюбным тоном.

Полковник рассмеялся и многозначительно сказал:

— Я прибыл прямо из Адена. Самолетом.

Дороти мгновенно парировала:

— Знаете что, убирайтесь — как вы самолетом в свой Аден. Таких типов, как вы, я не выношу. — В ней заговорила будущая миллионерша, которая могла себе позволить свободно высказывать свои мысли и чувства.

— Скажите, это замок Карентин? — прокартавил полковник.

— Какое вам дело до этого? — Дороти явно теряла самообладание.

— Какое мое дело? — Полковник удивленно посмотрел на нее. — Я наследник покойного сэра Роберта Торпа, девятый баронет Карентина, и я намереваюсь поселиться здесь. В 11 часов придёт адвокат для передачи мне наследства.

Дороти Торп никогда за словом в карман не лезла, но здесь она потеряла дар речи.

Придя в себя, она обрушила на Декстера гром и молнии.

— Если здесь и есть кто-нибудь из наследников моего мужа, то это только я, слышите вы, старый щелкунчик. Ну, а теперь убирайтесь отсюда, иначе я спущу на вас собак.

Сунув два пальца в рот, Дороти издала такой пронзительный свист, что не только смолкли радостно щебетавшие птицы, но вздрогнул и полковник. Не обращая на это внимания, Дороти командовала:

— Каро! Хассо! Лойд! — Дружелюбно улыбнувшись, она добавила: — Это доги чистокровной породы. У них на совести по крайней мере восемь человек, которым они перегрызли горло. Об этом сказано в их родословной.

Полковник, на совести которого, вероятно, было больше восьми человек, не стал ждать появления трех бестий. Он попятился назад, затем резко повернулся и помчался к воротам, словно собаки уже хватили его за тощий зад.

На террасе появилась Патриция, удивленно спросив:

— Почему он удирает? Полковник произвел впечатление весьма изысканного человека, когда интересовался вами. Настоящий джентльмен, таких нынче едва ли встретишь.

— Пошел он к черту, твой приятный джентльмен. Он собирается пожить за наш счет. Если он окажется прав, то я уж никогда не покатаюсь на водных лыжах в Майами и не поохочусь на львов в Кении. А ты так и останешься бедной вдовой. — Я знаю очень хорошее средство от головной боли, — сказала Патриция заискивающе, но сразу же умолкла.

Перед террасой появилась тощая женская фигура. На ней были серое, закрытое до шеи платье и надвинутая на лоб черная соломенная шляпа, а на ногах высокие ботинки на шнуровке, как будто эта дама собиралась начать восхождение на Эверест.

Не успела Дороти спросить, что угодно этому страшилищу, как та исторгла пронзительным голосом:

— Это замок Карентин? Я Стелла Грэди, наследница сэра Роберта Торпа.

Дороти пристально взглянула на пришлицу и, показав головой, ответила:

— Нет, это не замок, это сумасшедший дом Карентин, частная лечебница для особо тяжелых больных.

Увидев, что глаза Стеллы Грэди расширились от страха и в них промелькнула искорка недоверия, Дороти хладнокровно продолжала:

— Наши пациенты относятся к числу состоятельных людей лучших слоев общества и представляют собой тяжелые случаи: 70 процентов — убийцы, 20 процентов — нарушители нравственности и морали, 10 процентов — садисты и 1 процент — содомиты. Мы вынуждены напяливать на них смиренные рубашки и затыкать рот кляпом. Поэтому их не видно и не слышно, но иногда кто-нибудь вырывается и уж тогда... Вон там за углом находится кладбище, треть свежих могил — это наш персонал. — Войдя в раж, Дороти спросила у Патриции: — Сестра Патриция, вы уже проверили, получил ли сегодня лорд Ганингом инъекцию морфия и шампанское? — Обращаясь к Стелле Грэди, Дороти продолжала: — Он откусывает у своих спящих подруг пальцы на ногах.

Грэди, не дослушав до конца, помчалась прочь так, как будто ей угрожала смертельная опасность, и мгновенно скрылась.

Дороти взглянула на часы.

— Через четверть часа станет известно, кто в самом деле сошел с ума, эти двое или я.

Патриция, восседавшая на плетеном стуле, кивнула в знак согласия, решив, что все, что несет Дороти, — это результат прошедшей ночи.

Светило солнце. Нежно щебетали птички. В траве прыгали кузнечики, распускаясь бутоны. Но темная власть наследства заманивала в свои сети еще одну жертву.

— Взгляните, еще кто-то идет, — прошептала Патриция.

Новый пришелец был маленького роста, с высоким лбом и огромной копной рыжеватых волос. Он громко разговаривал сам с собой, энергично жестикулируя, и, поравнявшись с террасой, сел на парапет, широко расставив ноги. Достав из кармана кусок мела, он начал выводить формулы и цифры на большой каменной плите. Неожиданно пришелец взглянул на женщин.

— Вы кто, собственно, будете, мои дорогие? Вам что-нибудь нужно?

— Я подозреваю, что вы тоже один из наследников моего мужа? — спросила Дороти.

— А кто ваш муж? — Странный гость снова устался на свои формулы.

— Вот уже неделя, как он лежит в фамильном склепе Торпов.

Маленький человек с рыжеватой гривой сосредоточенно подумал и сказал:

— Если я сделаю на цилиндре затвор, то тиканье часов произведет на кур электромагнитное действие и они будут нести яйца точно по графику. Это было бы колоссальным преимуществом для птицеводства Англии, и мы смогли бы по крайней мере в этой области вновь играть на мировом рынке ведущую роль. — Рыжеволосый вдруг насторожился. — Вы сказали Торп? Это имя мне, кажется, знакомо, дорогая, но я не могу вспомнить, кто носит это имя. Разрешите представиться: доктор Эванс.

Он встал, слегка поклонившись, пожелал доброго утра и удалился.

Но не успел он дойти до чугунных ворот, как столкнулся с группой из трех человек, которые шли в замок.

Во главе группы торжественно шествовал адвокат Локридж, человек почти двухметрового роста, с блестящей, как зеркало, лысиной. Справа от него выпягивал полковник Декстер, а слева девица в альпинистских ботинках.

Когда погруженный в свои мысли маленький человек чуть было не врезался головой в живот адвоката, началась сумятица. Адвокат схватил за руку доктора Эванса и потащил его с собой.

Еще до того, как группа достигла террасы, Дороти Торп поднялась ей навстречу, готовясь к отпору.

Локридж с цилиндром в руке, склонив позолоченную солнцем лысину, сообщил, что он хотел бы вскрыть завещание и будет обязан леди Торп, если она предоставит для этой цели соответствующее помещение.

Дороти указала на дверь террасы, которая вела в зал, вошла первой и предложила всем сесть.

Ни Дороти, ни гости не заметили, что из-за изгороди за ними еще с утра наблюдает какой-то человек. В одной руке он держал лейку, а в другой — средство для уничтожения насекомых.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой ВСКРЫТИЕ ЗАВЕЩАНИЯ разрушает планы леди Дороти покаться на водных лыжах в Майами или поохотиться на львов в Кении. И все же читатель проявит свое крайнее недовольство тем, как она стремится найти незаконные средства, чтобы избавиться от своих обязанностей хозяйки замка.

Локридж сел за карточный стол, достал с миной лорд-канцлера запечатанный конверт, сорвал сургуч и многозначительно посмотрел на собравшихся, словно был властителем их судеб и благополучия.

— Позвольте огласить последнюю волю сэра Роберта Торпа, — произнес он торжественно.

— В принципе проблема совершенно проста, — прервал его доктор Эванс, обращаясь к Дороти. — Еще Павлов в России экспериментально доказал реакцию животных на электрический шок. На этом и покоится принцип действия моего электродинамического аппарата яйценоскости.

— Это интересно, — прошептала Дороти, — но не находите ли вы, что нам следует сначала послушать, что скажет Локридж? Разве вы не видите, какую мину он строит? Как курица, которая хотела бы снести яйцо, но у нее не получается, потому что ей не хватает электродинамического шока.

— Вы это серьезно? — спросил Эванс и с любопытством взглянул на адвоката.

Большой калдык на тощей шее Локриджа ходил вверх и вниз, и только великолепное самообладание английского адвоката победило в нем негодование.

— Господа, прошу внимания. — Он несколько раз неодобрительно кашлянул и начал читать завещание:

— «Перед тем, как объявить свою последнюю волю, я хотел бы посвятить несколько слов моей любимой, верной супруге Дороти. Дорогая Дороти, ты всегда была для меня хорошей и заботливой женой. Ты всегда приходила мне на помощь, которую может ожидать муж от своей жены, особенно если она обладает такими высокими душевными и моральными качествами, как ты. Тридцать лет ты беззаветно прожила со мной, и теперь, когда в мои последние часы я думаю об этом времени, я могу сказать лишь одно: черт побрал бы тебя со всеми твоими добродетелями, твоим превосходством и твоим вечным всезнайством. В течение тридцати лет, пока я жил с тобой, даже когда ты четыре месяца находилась в Норвегии, моя совесть была

неспокойна. Я никогда не мог выпить лишнего виски (и все-таки я это делал!), никогда не мог поставить более десяти фунтов на собачьих бегах (и все-таки я это делал!), никогда не мог позволить себе немного удовольствия за десять шиллингов на площади Пиккадилли (и все-таки я это делал!), никогда не мог играть на бирже (и все-таки я это делал!). Но теперь, когда я от тебя скоро навсегда освобожусь, мне не хотелось бы скрывать, почему я в последние дни несколько раз приглашал к себе этого лысого самодовольного хлыща Локриджа. Все это время я думал о том, кому можно было бы завещать двести тысяч фунтов, чтобы насытить тебе, дорогая Дороти. Я думал о Союзе старых цирковых клоунов или о секции пресмыкающихся Бристольского зоопарка. Там могли бы в этом случае в неограниченном количестве приобретать в течение ближайших пятидесяти лет крокодилов, аллигаторов, ядовитых змей и других подобных животных. Но мог ли я надеяться, что одна из этих рептилий сожрет тебя, моя любимая, верная супруга? Нет, не мог. Поэтому такое решение меня не удовлетворило. Тогда всевышний со всей его прозорливостью ниспослал мне озарение (наряду с покупкой акций на алмазы это была самая грандиозная идея в моей жизни, что я осмеливаюсь утверждать). Я размышлял о том, кто из всех людей, которых я встречал в последние годы, мог быть самым придурковатым, мелочным и заносчивым. И я выбрал троих: полковника Декстера — этого самодовольного глушца, вечно недовольную старуху, заведующую почтой Стеллу Грэди и, наконец, доктора Эванса, изобретательский дух которого приведет к краху любой нормальный бюджет.

Ну, а теперь, моя дорогая и верная супруга, после такого подробного введения объявляю свою последнюю волю: ты получишь мои деньги, но при одном условии. С вышеназванными человекоподобными типами ты должна прожить в тесном и гармоничном единстве в замке Карентин ближайшие десять лет. Ты должна вместе с ними не только завтракать, обедать и ужинать, но и проводить каждый вечер два часа в их обществе за бриджем. Если вы выдержите и не отравите, не зарежете или не застрелите друг друга, ты можешь делать с наследством все, что хочешь: кататься на водных лыжах в Майами или охотиться на львов в Кении. Но это вряд ли произойдет, поскольку за это время, я надеюсь, ты превратишься в трясущуюся, нервную болванку. По истечении десяти лет каждому из трех субъектов ты выплатишь по двадцать тысяч фунтов. Это для того, чтобы у них был стимул жить с тобой под одной крышей. Если же тебе удастся пережить трех вышеназванных лиц, отправив их в мир иной, ты можешь тотчас же приступить к осуществлению своих планов. Только смотри, чтобы не произошло обратное и эти трое не убили тебя, дабы досрочно воспользоваться двадцатью тысячами фунтов.

Итак, теперь я могу спокойно сомкнуть очи, чтобы никогда больше не видеть твоего преданного, преисполненного любви лица.

Вечно любящий тебя супруг

Роберт Торп

Дополнение: если выяснится, что в каком-либо уголке земли есть мои родственники мужского пола, имеющие право на наследство, то им отойдут замок и пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Если же один из наследников в течение ближайших десяти лет отправится на тот свет, его доля поровну делится между другими наследниками.

После чтения завещания наступила мертвая тишина. Казалось, что парящие в воздухе пылинки трутся друг о друга.

— Мне кажется, — сказала Патриция, нарушив молчание, — что там, в преисподней, поджаривают его.

— Если я должна остаться здесь еще десять лет, — сказала Стелла Грэди, — то я настаиваю, чтобы мне было позволено самой выбрать комнаты, где я буду жить. — И она постучала зонтом по паркету.

— Ах! — воскликнул полковник Декстер, будучи не в силах прийти в себя, чтобы полнее выразить свои чувства.

— Я поселюсь в подвале и оборудую там лабораторию. Так я не буду никому мешать, если иногда будет что-нибудь взрываться, — сказал Эванс мечтательно.

Дороти Торп молчала.

В ней произошел внутренний сдвиг: она почувствовала, как все ее существо словно переродилось.

Когда Грэди заявила, что ее комнаты должны находиться в любом случае только на первом этаже, Дороти встала, не спеша подошла к бывшей заведу-

ющей почтой, молча нахлобучила ей на глаза черную соломенную шляпу, влепила пощечину и в завершение экзекуции больно ущипнула за нос. Старая дева взвизгнула и умолкла, ибо была полностью деморализована столь неожиданной атакой.

Локридж, опасаясь, что Дороти доберется и до его носа, поспешил спросить, согласны ли присутствующие с условиями завещания. Поскольку никто не возражал, он сгреб свои бумаги и поспешно покинул зал.

Недели, прошедшие после вскрытия завещания, остались незабываемыми для Дороти Торп до конца ее жизни.

Уже на следующее утро она начала фронтальную атаку против непрошенных гостей. Стелле Грэди она выделила комнату на третьем этаже. Это было мрачное, темное помещение с окнами на север. Полковника Декстера Дороти решила доконать другим способом. Она узнала, что он по ночам читает теософические сочинения об индийских йогах, бродячих призраках, кровопийцах-вампирах и о воскресающих мертвецах, а засыпает обычно лишь около четырех часов утра. Дороти приказала Фишеру установить во дворе под окном полковника дисковую пилу и каждое утро пилить повалившиеся деревья. Посиневший от злости Декстер бурно протестовал, но это ему ничуть не помогло.

Единственный, с кем Дороти более или менее находила общий язык, был Эванс. Она разрешила ему устроить в подвале лабораторию. Дороти понимала, что ей никогда не удастся освободиться от него, так как он жил исключительно в мире своих открытий и не реагировал ни на какие козни.

Самым тяжелым испытанием были вечера за бриджем. Партнером Дороти был Эванс. Они постоянно проигрывали, поскольку Грэди блестяще играла в карты. Колкими репликами она платила Дороти за все, что ей приходилось терпеть в течение дня.

Декстер также старался изо всех сил, чтобы отомстить за дисковую пилу. Он обзавелся проигрывателем, и каждую ночь в замке гремели военные марши, которые он сам сопровождал на трубе.

Однажды под вечер, когда Дороти думала, что вот-вот с досады ее хватит апоплексический удар, она отправилась в «Кровавую кузницу» к другу детства Биллу Шеннону.

— Послушай, Билл, у меня неприятности, — сказала Дороти, опрокинув стаканчик своего зелья.

— Да, это видно. В день похорон ты выглядела намного лучше.

Он бросил испытующий взгляд на другой конец зала, где за столом сидел Фишер, привезший сюда Дороти.

— Мне не нравится этот человек, — сказал он.

— Он единственный в замке ведет себя нормально. Выполняет свою работу, честен и не слишком болтлив.

— Пожалуйста, тише. Готов продать свою душу дьяволу, что твой честный, добросовестный, нормальный человек попытается не пропустить ни одного слова из того, о чем мы говорим.

— Ты как Патриция. Она тоже считает его сатаной. При одной мысли о нем у нее от страха зуб на зуб не попадает. Из-за этого она зубами сломала две чашки из отличного сервиза. — Дороти засмеялась.

— Что, в самом деле нет возможности избавиться от этой тройки? — спросил Шеннон.

— Почему же. Мне следовало бы их просто убить. Однако так, чтобы сам господь бог не догадался, что они умерли не своей смертью.

— Не упоминай господя бога. Кровь моих предков вопиет, — заявил Шеннон, — ибо восемь представителей поколений Шеннонов были казнены. И всегда находился поп, который причащал их перед казнью.

— Мне известны твои размышления по этому вопросу, — отмахнулась Дороти. — Нужны же не твои философские рассуждения, а дельный совет. Как мне отделаться от этой тройки? Как сделать так, чтобы они сгнили в благословенной земле или растворились в воздухе, а на худой конец канули в воду, не вызывая подозрения против меня у серванта Вильяма или кого-либо еще?

— Ты задумывалась над тем, в чем состоит глубочайший смысл цивилизации? — Шеннон подперст излучал мудрость, которая его вдруг озарила.

— Послушай, у меня мало времени. О смысле цивилизации мы поговорим с тобой в другой раз. — Дороти недовольно нахмурилась.

Продолжение следует.



Рисунок
Александра ЛЕБЕДЕВА
и Ростислава ВИНОГРАДОВА

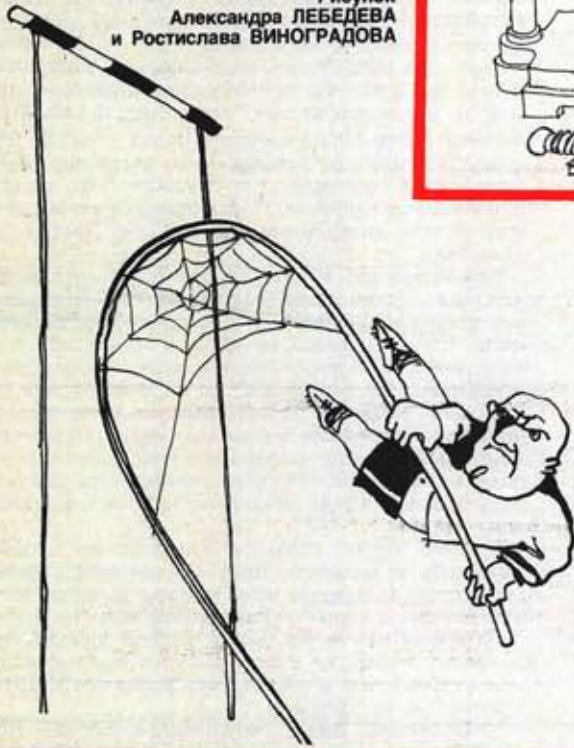


Рисунок
Андрея НЕКРАСОВА



Рисунок Павла ДЖАНГИРОВА



Рисунок
Андрея ДМИТРИЕВА

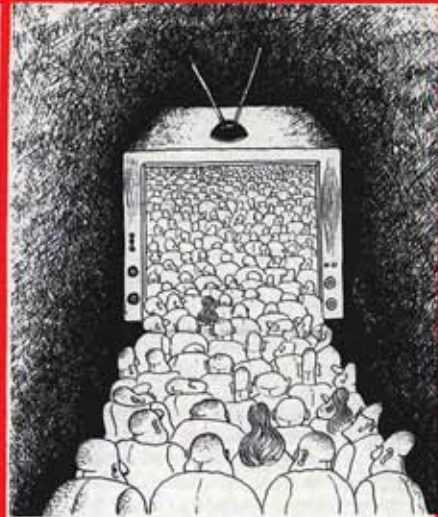


Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ИЗ ТВОРЧЕСТВА
ФРИДЕРИКА ОЛАФССОНА

На состоявшейся в Буэнос-Айресе Генеральной ассамблее ФИДЕ новым президентом Международной шахматной федерации, в которую входят 106 стран, избран исландец Фридерик Олафссон. Он широко известен шахматистам всего мира как видный гроссмейстер, участник крупнейших соревнований. Например, в 1958 году Олафссон разделил с Робертом Фишером высокие призовые места на межзональном турнире и стал седьмым в состязании претендентов на личное первенство мира, причем сумел выиграть микроматч со счетом 2,5:1,5 у Тиграна Петросяна, а это удавалось сделать очень немногим.

Ценители шахмат нашей страны хорошо знают Олафссона, поскольку он неоднократно бывал у нас в гостях. В Москве он выступал в 1956 году во главе команды Исландии на XII всемирной олимпиаде, в 1959 и 1961 годах играл в международных турнирах Центрального шахматного клуба СССР.

Думается, что читателям «Смены» понравятся два фрагмента оригинального, динамичного стиля игры Олафссона, которые мы ниже приводим.

Перед вами положение, создавшееся после 12-го хода черных в партии Олафссона (у него были белые фигуры) с аргентинским гроссмейстером Мигелем Кинтеросом на международном турнире 1974 года в Лас-Пальмасе (Испания). Неожиданным тактическим



ударом белые, которым удалось опередить соперника в мобилизации сил, быстро склоняют чашу весов на свою сторону.

12. Сс1—f4! Фс7—d7 13. Фd1—e2! Фd7—b7.

Не удается черным наладить оборону и в случае 13. ...cb 14. Лад1 Фb7 15. Фс4 Сd7 16. Л:d7! Кр:d7 17. Лd1+.

14. b2:c3 Сс8—d7 15. Ла1—b1 Фb7—a7 16. Лf1—d1 g7:f6 17. Фе2—c4 Сf8—c5.

К неминуемому поражению черных вело бы продолжение с разменом ферзей—17. ...Фс5 18. Ф:c5 С:c5 19. Лb7! Теперь же красивой комбинацией, связанной с жертвой качества, а затем и слона, белые пленяют короля противника.

18. Лd1:d7! Кре8:d7 19. Сf3:c6+! Крd7:c6 20. Фс4—a4+, и черные сдались.

Эта нестандартная ситуация возникла после 10-го хода черных в партии Ф. Олафссона с выдающимся датским гроссмейстером Бентом Ларсеном на международ-

ном турнире 1978 года в Рейкьявике. Неудачно разыгранный черными, которые были у датчанина, вариант защиты Алехина позволя-



ет сопернику неожиданным выпадом ферзя быстро овладеть инициативой и повести штурм на королевском фланге.

11. Фd1—f3!

Черные надеялись перейти в контрнаступление после 11. Л:b1 h6 12. Кf3 Фd7. Теперь же они вынуждены рокировать, ибо вариант 11. ...f6? 12. Ке6 Сe4 13. К:g7+ Крf7 14. Ф:e4 Кр:g7 15. Фе3! их явно не устраивает.

11. ... 0—0 12. Ла1:b1 Фd8—d7 13. Сb3—c2 Кс6—d8.

В случае 13. ...f6? исход борьбы решает атака, начинающаяся с жертвой коня—14. К:h7! Кр:h7 15. Фh3+ Крg8 16. С:g6 Лf8 17. Фh7+ Крf8 18. Сf5 e6 19. ef С:f6 20. Ch6+ Сg7 21. С:e6! Ф:e6 22. Ф:g7+ Кре8 23. Лbe1 и т. д.

14. Фf3—h3 h7—h6 15. f2—f4! Теперь же (по аналогии с предыдущим поединком!) ценю коня, а затем и слона белые осуществляют

прорыв фронта в направлении неприятельского короля.

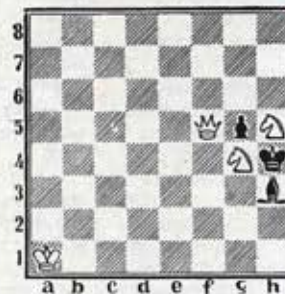
15. ...h6:g5 16. f4—f5! Кd8—e6 17. f5:e6 Фd7:e6 18. Сc1:g5 c7—c5 19. Кpg1—h1! c5:d4 20. c3:d4 Лf8—c8 21. Сс2—f5! g6:f5 22. g4:f5 Фе6—c6 23. Лf1—g1 Фс6—c2.

Не спасла бы черных попытка их короля найти убежище на ферзевом фланге. Например, 23. ...Крf8 24. f6 ef 25. ef С:f6 26. Ch6+ Кре7 27. Лbe1+ Крd8 28. Лg8+ Крc7 29. Сf4+ и т. д.

24. Лb1—e1! Кpg8—f8 25. f5—f6!, и черные сдались.

ПОТРЕНИРУЙТЕСЬ ПЕРЕД НОВОЙ ОЛИМПИАДОЙ!

В преддверии открывающейся новой шахматной олимпиады «Смены» предлагаем вниманию читателей две композиции, решение которых является полезной тренировкой перед нашим традиционным заочным соревнованием. Фамилии тех, кто первыми пришлет нам открытки с правильными во всех вариантах ответами, мы опубликуем в журнале. Срок отправления решений на эти две композиции—5 февраля с. г.



Белые начинают и дают мат в три хода.



Белые начинают и делают ничью.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В исходной позиции второго задания третьего тура конкурса миниатюр решение проходит при зеркальном перемещении фигур на другой фланг. Отправка ответов на эту задачу продлена до 25 января.

Об итогах 20-й олимпиады «Смена» расскажет в одном из ближайших номеров. С результатами наших шахматных конкурсов мы познакомим читателей по завершении работы жюри.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.11.78. Подписано к печати 05.12.78. А 01486. Формат 70 x 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 120000 экз. Изд. № 39. Заказ № 3139. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВСЕГДА И СНОВА

Слова Евгения ДОЛМАТОВСКОГО.
Музыка Марка ФРАДКИНА.

*Первый день весеннего тепла
Серебрился бархатом на вербах,
А любовь тогда уже цвела,—
Раньше всех она цветет, наверно.*

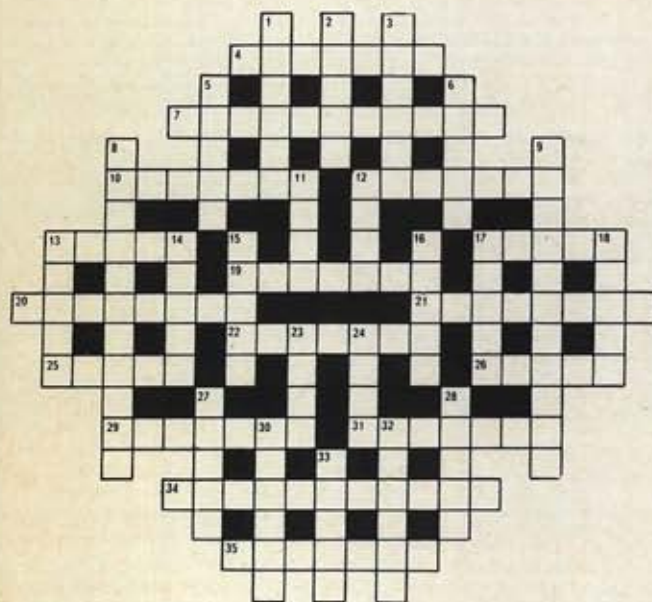
*А потом роняли лепестки,
Осыпались яблоня и слива,
А любовь, природе вопреки,
Все цвела, не зная перерыва.*

*Вот уже черемуха бела,
Соловьи свое кончают пенье,
А любовь лишь только начала,
Начала опять свое цветенье.*

*Красный лист по озеру плывет,
А за ним летит снежинок стая,
А любовь смеется и поет,
Ни зимы, ни осени не зная.*

КРОССВОРД

Составил В. КУЗЬМИН,
Москва



По горизонтали:

4. Немецкий драматург XIX века. 7. Отрасль растениеводства. 10. Опера А. Н. Серова. 12. Роман Э. Золя. 13. Советская футбольная команда. 17. Автор книги «Путешествия Гулливера». 19. Один из героев романа М. Шолохова «Поднятая целина». 20. Роман Р. Тагора. 21. Геологические работы по выявлению полезных ископаемых. 22. Птица отряда воробьиных. 25. Залив у берегов Сахалина. 26. Приток Иртыша. 29. Опера В. Мурадели. 31. Набор конфет. 34. Высшее учебное заведение. 35. Авиаконструктор; Герой Социалистического Труда.

По вертикали:

1. Наивысшее достижение в труде, спорте. 2. Сжатое сообщение о событиях, фактах. 3. Древняя столица Болгарии. 5. Распространенная форма вокальной музыки. 6. Работник животноводства. 8. Агротехник и физиолог растений, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Летчик, один из первых Героев Советского Союза. 11. Порт на Дону. 12. Название серии советских автоматических станций, залускаемых для изучения Луны. 13. Духовой музыкальный инструмент народов Кавказа. 14. Мера веса. 15. Здание для музыкальных состязаний в Древней Греции. 16. Роскошное художественное издание большого формата. 17. Промысловая рыба семейства карповых. 18. Охотничья собака. 23. Химическое соединение. 24. Приток Оки. 27. Курорт в Эстонии. 28. Боковая сторона, поперечная грань. 30. Овощное и лекарственное растение. 32. Старинная рукопись. 33. Стихотворение А. С. Пушкина.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 24

По горизонтали:

4. Планеризм. 7. Четверостишие. 10. «Встреча». 12. Собинка. 14. Верстак. 16. Курс. 17. Ромб. 18. Тетерев. 19. Салерно. 20. Кама. 22. Грач. 23. Гротеск. 26. Раскова. 27. «Западня». 28. Лексикография. 29. Гладиолус.

По вертикали:

1. Наречие. 2. «Летопись». 3. Система. 5. Несчастливцев. 6. Пилотирование. 8. Приставка. 9. Гидрограф. 11. «Служака». 13. Комбайн. 14. «Варяг». 15. Кулик. 21. Старожил. 24. Рафинад. 25. Свирель.

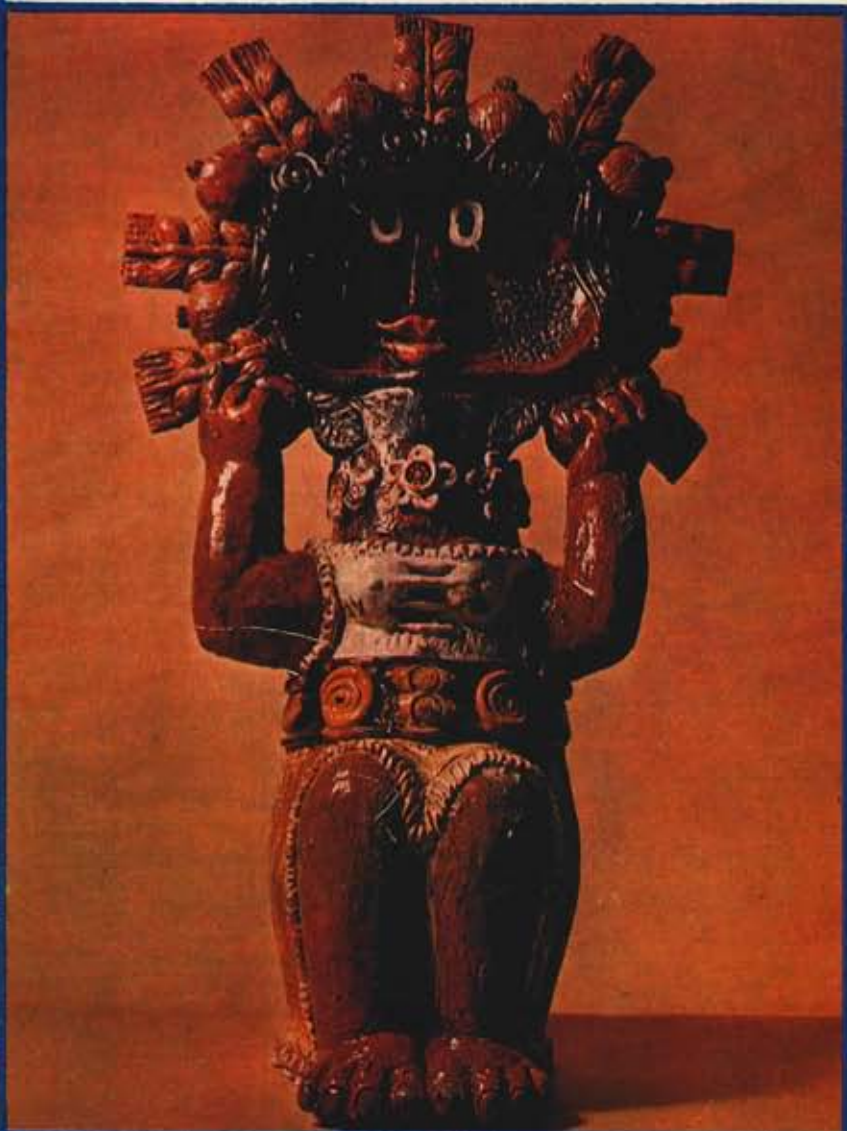
ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК



Телевизоры, стиральные машины, холодильники уже окончательно восторжествовали в человеческом жилье, вытеснили оттуда загадочность потаенных уголков. Домовые, лешие, русалки—это далекий мир сказки, отсутствующий в рациональной городской квартире. «Но, может быть, она от этого в чем-то потеряла жилой дух»,—смеется Ян Куталик, мастер чехословацкой игровой керамики.

«Сказочное чудо» в его мастерской оживает, вызывает теплые улыбки, желание прикоснуться и пригласить «запечных жителей» в дом. «Лесные панны» и морские русалки, растерянные перед достижениями научно-технической революции черти и славянские божки, смелые наездницы и языческие идолы недолго задерживаются в его квартире. Их путь на выставку и к покупателю.

...Вот надулся «кошачий дух», опустил голову, топорщит усы. Но не страшно... даже мышам. Внутри у ке-



рамического «духа» пусто, и сам он не злой, а просто должен «сыграть себя» убедительно и внушительно, ведь он всех кошек представляет. Постойте-ка, тут, оказывается, есть и пришельцы из других миров. «Это марсианин»,—говорит Куталик. Две антенны, как два рожка, глаза навывкате. А может, это голубой черт? Нет, наверное, все-таки космический пришелец. Правда, его не спешат покупать—в сказку городские жители верят как-то больше!

Тут же, в прихожей, нахальноватый «Пан» играет на свирели. «Он ездит на все мои выставки, — говорит Ян. — Вначале его никто не покупал, а теперь я не продаю, да он и сам не дается в руки покупателям. «Пан»—мой патриот, побывает на выставке и возвращается».

Другие же его чуда расходятся по белу свету. Польша и Франция, Швейцария и ФРГ, Венгрия и Финляндия и, конечно же, Чехословакия, где изделия мастера считаются своеобразным талисманом. Особо славны знаменитые куталиковские «солнышки», выплывающие из его рук, как из рукава волшебника. В отличие от своего вселенского прародителя «солнышки» Куталика бывают раз-



ВОТ ОНИ—СКАЗОЧНЫЕ ГЕРОИ ЯНА КУТАЛИКА.



ных цветов и оттенков, они лукаво улыбаются, подмигивают, хитро жмурят глаза, и, право же, там, где они прикрепляются, всегда светло и радостно.

«Я не работаю—играю!—сказал нам Ян.—Я понял: если бы работал, то их не создал бы. А так я с ними живу, говорю и играю. Вот что-то и получается».

Детство любит игру. Она открывает всю будущую натуру человека... Тот, кто был лишен игры, обречен себя на стремительную дряхлость. Радостный и сказочный мир творений Яна Куталика продлевает, думается, годы его поклонникам и зрителям.

Валерий ГАНИЧЕВ